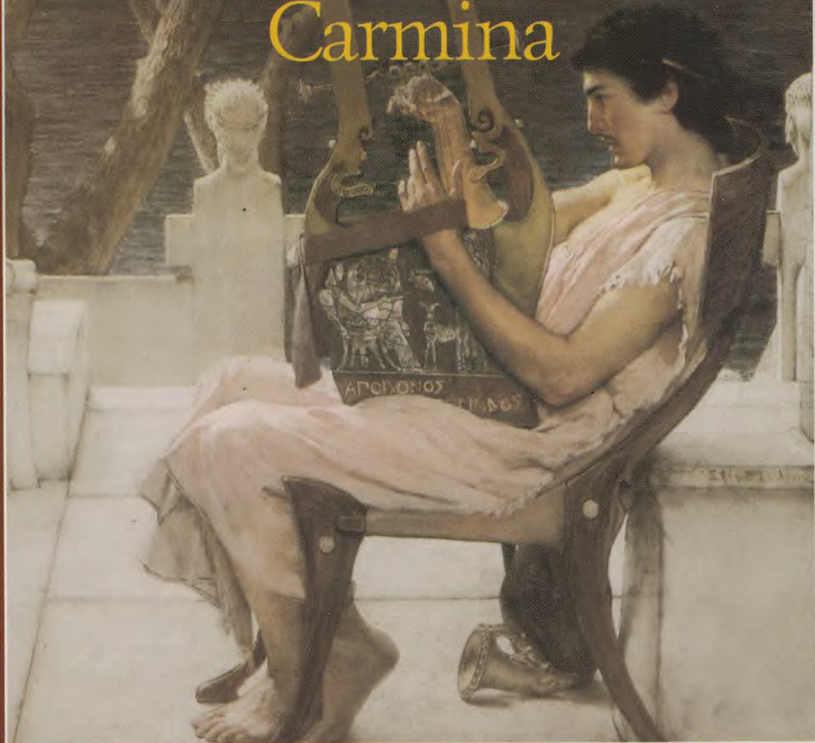

Гай Валерий
Катулл
Стихотворения
G. Valerii Catulli
Carmina

f
e
t
x
t
e
K
C
T

G. VALERII CATULLI
CARMINA

ГАЙ ВАЛЕРИЙ КАТУЛЛ СТИХОТВОРЕНИЯ

*Перевод с латинского,
составление, предисловие
и примечания
Максима Амелина*

Москва «Текст» 2010

INDEX

‘CATULLI VERONENSIS LIBER’

LIBELLUS PRIMUS

- 26 I. Cui dono lepidum novum libellum...
28 II. Passer, deliciae meae puellae...
30 IIb. Tam gratum est mihi, quam ferunt puellae...
32 III. Lugete, o Veneres Cupidinesque...
34 IV. Phasellus ille, quem videtis, hospites...
38 V. Vivamus, mea Lesbia, atque amemus...
40 VI. Flavi, delicias tuas Catullo...
42 VII. Quaeris, quot mihi basiationes...
44 VIII. Miser Catulle, desinas ineptire...
46 IX. Verani, omnibus e meis amicis...
48 X. Varus me meus ad suos amores...
52 XI. Furi et Aureli, comites Catulli...

СОДЕРЖАНИЕ

Разнузданная проповедь благочестия 18

«КНИГА КАТУЛЛА ВЕРОНСКОГО»

ПЕРВЫЙ СВИТОК

1. Кто забавную новую книжонку...	27	
2. Воробей, баловство моей малышки...	29	
3. Столь приятно мне, сколь малышке шустрой...	31	
4. О Венеры и Купидоны, плачьте...	335. Стружок, что прямо перед вами, странники...	35
6. Мы живем, моя Лесбия, да любим...	39	
7. О своей баловнице ты Катутллу...	41	
8. Сколько, Лесбия, спрашиваешь, надо...	43	
9. Катулл-бедняга, зря не городи вздора...	45	
10. Ты ль, Вераний, по мне меж тремястами...	47	
11. Вар меня затащил к своей любви...	49	
12. Фурий и Аврелий — Катутлла свита...	53	

56	XII. Marrucine Asini, manu sinistra...
58	XIII. Cenabis bene, mi Fabulle, apud me...
60	XIV. Ni te plus oculis meis amarem...
64	XIVb. Si qui forte mearum ineptiarum...
66	XV. Commendo tibi me ac meos amores...
68	XVI. Pedicabo ego vos et irrumabo...
70	XVII. O Colonia, quae cupis ponte ludere longo...
74	XXI. Aureli, pater esuritionum...
76	XXII. Suffenus iste, Vare, quem probe nosti...
78	XXIII. Furi, cui neque servus est neque arca...
82	XXIV. O qui flosculus es Iuventiorum...
84	XXV. Cinaede Thalle, mollior cuniculi capillo...
86	XXVI. Furi, villula nostra non ad Austri...
88	XXVII. Minister vetuli puer Falerni...
90	XXVIII. Pisonis comites, cohors inanis...
92	XXIX. Quis hoc potest videre, quis potest pati...
96	XXX. Alfene immemor atque unanimis false sodalibus...
98	XXXI. Paene insularum, Sirmio, insularumque...
100	XXXII. Amabo, mea dulcis Ipsitilla...
102	XXXIII. O furum optime balneariorum...
104	XXXIV. Dianae sumus in fide...
108	XXXV. Poetae tenero, meo sodali...
110	XXXVI. Annales Volusi, cacata carta...

13. Руку левую, Маррукин Асиний...	57
14. Пообедаешь славно, коль угоден...	59
15. Кальв милейший, не будь ты мне так дорог...	61
16. Коль читателями моих случайно...	65
17. Доверяюсь тебе с моей любовью...	67
18. Раскорячу я вас и отмужичу...	69
19. На мосту, о Колония, длинном игрищ ты жаждешь...	71
20. Ты, Аврелий, папаша голодовок...	75
21. Суффен, как ты прекрасно, Вар, и сам знаешь...	77
22. Фурий! нет у тебя раба и торбы...	79
23. О краса всех Ювентиев, и даже...	83
24. Блудливый Талл, крольчиного куда нежнее меха...	85
25. Так заложена, Фурий, наша дачка...	87
26. Поводырь старичка Фалерна юный!..	89
27. Чуть живые подручные с пустыми...	91
28. Кто может это видеть, это вынести...	93
29. Задушевных, Альфен лживый, забыв напрочь приятелей...	97
30. Перл островов и полуостровов, Сирмий!..	99
31. Будь, моя баловница Ипситилла...	101
32. О Вибенний-отец, ворюга банный...	103
33. Под опекой Дианиной...	105
34. Ты приятелю моему, повестка...	109
35. Книг Волюсия засранные свитки...	111

112	XXXVII. Salax taberna vosque contubernales...
114	XXXVIII. Malest, Cornifici, tuo Catullo...
116	XXXIX. Egnatius, quod candidos habet dentes...
120	XL. Quenam te mala mens, miselle Ravide...
122	XLI. Ameana, puella defutura...
124	XLII. Adeste, hendecasyllabi, quot estis...
128	XLIII. Salve, nec minimo puella naso...
130	XLIV. O funde noster, seu Sabine seu Tiburs...
132	XLV. Acmen Septimius suos amores...
136	XLVI. Iam ver egelidos refert tepores...
138	XLVII. Porci et Socration, duae sinistrae...
140	XLVIII. Mellitos oculos tuos, Iuventi...
142	XLIX. Disertissime Romuli nepotum...
144	L. Hesterno, Licini, die otiosi...
148	LI. Ille mi par esse deo videtur...
150	LII. Quid est, Catulle? quid moraris emori?..
152	LIII. Risi nescio quem modo e corona...
154	LIV. Otonis caput oppido est pusillum...
156	LV. Oramus, si forte non molestum est...
160	LVI. O rem ridiculam, Cato, et iocosam...
162	LVII. Pulcre convenit improbis cinaedis...
164	LVIII. Caeli, Lesbia nostra, Lesbia illa...
166	LVIIIb. Non custos si fingar ille Cretum...

36. Разнузданный с набравшимся кабак сбродом...	113
37. Безотрадно Катуллу, Корнификий...	115
38. Эгнатий, оттого что так белы зубы...	117
39. Что за умысел злой тобой, бедняжка...	121
40. Амеана, испертая малышка...	123
41. Отовсюду, одиннадцатисложки...	125
42. Эй, малышка, ни маленького носа...	129
43. О наш надел, Сабинец или Тибурец...	131
44. Взявши Акму, свою любовь, Септимий...	133
45. Уж теплом воздаст весна за холод...	137
46. Ненасытность и похоть, пара левых...	139
47. Меда слаще глаза твои, Ювентий...	141
48. Языкастейший в Ромула потомках...	143
49. Допоздна от безделья мы, Ликиний...	145
50. Тот сравнился, кажется мне, с богами...	149
51. Ну что же ты, Катулл, со смертью мешкаешь?..	151
52. Рассмешил из толпы какой-то мальй...	153
53. Крохотная Отона головенка...	155
54. Умоляем, если ты не против...	157
55. Вот забавы предмет, Катон, и смеха...	161
56. Спарились непотребные прекрасно...	163
57. Келий! Лесбия, Лесбия-то наша...	165
58. Стражу Крита ль не уподоблялся...	167

- 168 LIX. Bononiensis Rufa Rifulum fellat...
170 LX. Num te leaena montibus Libystinis...

LIBELLUS SECUNDUS

- 172 LXI. Collis o Heliconii...
192 LXII. Vesper adest: iuvenes, consurgite! Vesper Olympo...
200 LXIII. Super alta vectus Attis celeri rate maria...
208 LXIV. Peliaco quondam prognatae vertice pinus...

LIBELLUS TERTIUS

- 240 LXV. Etsi me assiduo confectum cura dolore...
244 LXVI. Omnia qui magni dispexit lumina mundi...
252 LXVII. O dulci iucunda viro, iucunda parenti...
258 LXVIII. Quod mihi fortuna casuque oppressus acerbo...
270 LXIX. Noli admirari, quare tibi femina nulla...
272 LXX. Nulli se dicit mulier mea nubere malle...
274 LXXI. Si quoi iure bono sacer alarum obstitit hircus...
276 LXXII. Dicebas quondam solum te nosse Catullum...

59. У Руфчика Бононская сосет Руфа...	169
60. Неужто ты ливийскою рожден львицей...	171

ВТОРОЙ СВИТОК

61. О жилец Геликон-горы...	173
62. Вечер настал — пора, вставайте, юноши! Блещет...	193
63. По морям промчавшись Аттис на стремительном челноке...	201
64. Некогда на горе Пелийской рожденные сосны...	209

ТРЕТИЙ СВИТОК

65. Хоть постоянно скорбь, томлением изнуря...	241
66. Кто пространного все пределы мира измерил...	245
67. О, отрада отцу и нежному мужу отрада...	253
68. Оттого что судьба тебя да напасти скрутили...	259
69. Не удивляйся, Руф, ничуть, что не хочет подставить...	271
70. Женщина моя говорит, что ни с кем, лишь со мною...	273
71. Коль под мышки тому козлице вонючий по праву...	275
72. Как-то ты рекла, что будешь только с Катуллом...	277

- 278 LXXIII. Desine de quoquam quicquam bene velle mereri...
- 280 LXXIV. Gellius audierat patruum obiurgare solere...
- 282 LXXV. Huc est mens deducta tua, mea Lesbia, culpa...
- 284 LXXVI. Siqua recordanti benefacta priora voluptas...
- 288 LXXVII. Rufe mihi frustra ac nequiquam credite amice...
- 290 LXXVIII. Gallus habet fratres, quorum est lepidissima coniunx...
- 292 LXXVIIIb. Sed nunc id doleo, quod purae pura puellae...
- 294 LXXIX. Lesbios est pulcher. – quid ni? quem Lesbia malit...
- 296 LXXX. Quid dicam, Gelli, quare rosea ista labella...
- 298 LXXXI. Nemone in tanto potuit populo esse, Iuventi...
- 300 LXXXII. Quinti, si tibi vis oculos debere Catullum...
- 302 LXXXIII. Lesbia mi praesente viro mala plurima dicit...
- 304 LXXXIV. 'Chommoda' dicebat, si quando 'commoda' vellet...
- 306 LXXXV. Odi et amo. – quare id faciam, fortasse requiris?
- 308 LXXXVI. Quintia formosa est multis. – mihi candida, longa...
- 310 LXXXVII. Nulla potest mulier tantum se dicere amatam...
- 312 LXXXVIII. Quid facit is, Gelli, qui cum matre atque sorore...
- 314 LXXXIX. Gellius est tenuis: quid ni? cui tam bona mater...
- 316 XC. Nascatur magus ex Gelli matrisque nefando...
- 318 XCI. Non ideo, Gelli, sperabam te mihi fidum...
- 320 XCII. Lesbia mi dicit semper male nec tacet umquam...
- 322 XCIII. Nil nimium studeo, Caesar, tibi velle placere...
- 324 XCIV. 'Mentula moechatur'. – moechatur Mentula certe.

73. Удостаиваться чьего-либо благоволения...	279
74. Геллий слышал, и не раз, как дядька ругается, если...	281
75. Разум мой довела проступком своим до того ты...	283
76. Ежели человек, о благотворениях прежних...	285
77. Руф, и запросто мне доверенный друг и задаром...	289
78. Галл — двум братьям брат: прекраснейшею супругой...	291
79. Ныне скорблю о том, что чистые чистой малышки...	293
80. Лесбий — красавец, — а то? — Его и Лесбия больше...	295
81. Геллий! отчего твои розоватые губки...	297
82. Ни одного в такой толпе красавчика, что ли...	299
83. Квинтий, когда обязать Катулла глазами ты хочешь...	301
84. Лесбия всяко меня бранит в присутствии мужа...	303
85. Говорил «прибыля» вместо «прибыли» Аррий...	305
86. Ненавидя люблю. — Как мешаю я чувства? — ты спросишь.	307
87. Квинтия — образец, — на слуху; по мне ж белокура...	309
88. Женщине ни одной не зваться так же любимой...	311
89. Что ж он, Геллий, творит? — с мамашею и сестрицей...	313
90. Геллий тонок, — а то? — Его мамаша здорова...	315
91. Пусть от гнусного волхв родится союза мамаша...	317
92. Геллий, тебя своим поверенным в этой несчастной...	319
93. Лесбия часто меня бранит, обо мне не скрывая...	321
94. Ни приходится тебе по нраву не хочется, Кесарь!..	323
95. «Распустился хрен». — Конечно, Хрен распустился.	325

- 326 XCV. Zmyrna mei Cinnae nonam post denique messem...
- 328 XCVI. Si quicquam mutis gratum acceptumve sepulcris...
- 330 XCVII. Non – ita me di ament! – quicquam referre putavi...
- 332 XCVIII. In te, si in quemquam, dici pote, putide Victi...
- 334 XCIX. Surripui tibi, dum ludis, mellite Iuventi...
- 336 C. Caelius Aufillenum et Quintius Aufillenam...
- 338 CI. Multas per gentes et multa per aequora vectus...
- 340 CII. Si quicquam tacito commissum est fido ab amico...
- 342 CIII. Aut sodes mihi redde decem sestertia, Silo...
- 344 CIV. Credis me potuisse meae maledicere vitae...
- 346 CV. Mentula conatur Pipleium scandere montem...
- 348 CVI. Cum puero bello praeconem qui videt esse...
- 350 CVII. Si quicquam cupido optantique optigit umquam...
- 352 CVIII. Si, Comini, populi arbitrio tua cana senectus...
- 354 CIX. Iucundum, mea vita, mihi proponis amorem...
- 356 CX. Aufillena, bonae semper laudantur amicae...
- 358 CXI. Aufillena, viro contentam vivere solo...
- 360 CXII. Multus homo es, Naso, neque tecum multus homo [est, qui]...
- 362 CXIII. Consule Pompeio primum duo, Cinna, solebant...
- 364 CXIV. Firmano saltu non falso mentula dives...
- 366 CXV. Mentula habet instar triginta iugera prati...
- 368 CXVI. Saepe tibi studioso animo venante requirens...

96. «Смирна» Кинной моим наконец-то издана после...	327
97. Если немых могил желанных наших и милых...	329
98. Нет, — пусть боги мне простят! — не пойму, что зловонней...	331
99. Как ни к кому, к тебе подходит, Виктий противный...	333
100. Я украл у тебя, играя, медовый Ювентий...	335
101. Келию — Ауфиллен, а Квинтию — Ауфиллена...	337
102. Много, брат, земель и морей прошедший немало...	339
103. Если какая из тайн надежным доверена другом...	341
104. Или, пожалуйста, мне верни, Силон, десять тысяч...	343
105. Ты ль уверяешь в том, что мог мою, мол, бранить я...	345
106. Вознамерился Хрен взойти на Пиплейскую гору...	347
107. Вместе увидав с красавчиком и зазывалу...	349
108. Если то, что желал и жаждал, обрящет внезапно...	351
109. Если, Коминий, толпы произволом за мерзость и подлость...	353
110. Жизнь моя! ты любовь беззаботную мне обещаешь...	355
111. Ауфиллена, всегда благие хвалимы подружки...	357
112. Ауфиллена! жить, одним довольствуясь мужем...	359
113. Ты велик, Насон, — но никто с тобой из великих...	361
114. Был впервые Помпей у власти, Кинна, — имели...	363
115. Хрен, говорят, богат Фирманским поместьем неложно...	365
116. Хрен владеет почти тридцатью десятинами луга...	367
117. Долго подыскивал я пытливым охотником случай...	369

FRAGMENTA

- 370 Fr. I. Hunc lucum tibi dedico consecroque, Priape...
- 370 Fr. II. ...de meo ligurrare libido est.
- 370 Fr. III. At non effugies meos iambos!
- 370 Fr. IV. Lucida qua splendent carchesia mali...

ОТРЫВКИ

118. Здесь тебе предаю, Приап, я священную рошу... 371
119. ...лакомства моего захотелось. 371
120. Не избегнешь моих, однако, ямбов! 371
121. Светлые где блестят наверхия щеглы... 371

ПРИМЕЧАНИЯ 372

ПРИЛОЖЕНИЕ

- Метрика Катулла и принципы ее передачи 435

РАЗНУЗДАННАЯ ПРОПОВЕДЬ БЛАГОЧЕСТИЯ

По легком вслед ходя Катулле...

Г. Р. Державин

Когда строительные леса убраны, остаются здания, неведомо как построенные, и ничто не мешает любоваться их красотой.

О жизни Гая Валерия Катулла Веронского [87–54 гг. до Р. Х.] не сохранилось практически никаких достоверных свидетельств. Все подлинные сведения о поэте содержатся только в его собственных произведениях. Вероятно, поэтому стихи Катулла, поэта без биографии, кажутся такими биографичными, как бы грозно от прямого отождествления личности поэта и личности, проявленной им в лирических стихотворениях, ни предостерегал он сам [см. № 18 (XVI)].

Связь между жизнью поэта и его стихотворениями может быть сколь угодно тесной, но сведение поэзии до отражения биографических реалий превращает поэтическое явление в обыденное и дает неверное представление о поэтическом творчестве вообще. Жизнь и поэзия совсем не одно и то же. Подлинная история жизни поэта — развитие его этических и эстетических взглядов, извилистое движение не от одного

биографического факта к другому, а от произведения к произведению.

Однако есть некоторые черты поэтики и мироощущения Катутлла, связанные именно с его биографией. Катутлл был выходцем из Вероны, провинциалом-транспаданцем, чей круг литературного общения составляли такие же, как и он, провинциалы-земляки, живущие в Риме на птичьих правах, за исключением «коренных» римлян Ликиния Кальва [см. № 15 (XIV), 52 (LIII), 97 (XCVI)] и Манлия Торквата [см. № 61 (LXI), 68 (LXVIII)], которые для Катутлла являлись не только друзьями, но и покровителями.

Провинциалы были частично ограничены в правах и считались людьми второго сорта, какими бы богатствами, достоинствами или талантами ни обладали. Только в 49 г. до Р. Х., уже после смерти Катутлла, северные провинции получили все права римских граждан. Хотя отец поэта, по свидетельству Светония, и принимал некогда в своем веронском доме Гая Юлия Кесаря, ошибочно причислять Катутлла к римской «золотой молодежи», склонной к одним лишь развлечениям и не слишком приспособленной к осознанному и трудоемкому творчеству.

Вообще, все великие латинские поэты происходили из провинций. Столичный Рим, как республиканский, так и императорский, притягивал и собирал их отовсюду. Центростремительность Рима хорошо видна на фоне центробежности Древней Греции, где одни поэты постоянно передвигались по всей эллиноговорящей территории, а другие — могли никогда и не выезжать из родного города.

Великая поэзия возникает на стыке нескольких культур с их этикой и эстетикой, обрядами и фольклором, обычаями и представлениями о красоте. Так, в поэзии Катулла столкнулись не только архаика Греции и новизна современного ему Рима, но и умеренная консервативность родной Транспаданской Галлии. Обнаруживается это прежде всего в языке и стиле. Если расцветить кажущийся сейчас, по прошествии двух тысяч лет, ровным и гладким стиль Катулла: архаизм пометить красным, грецизм — синим, римское просторечное словечко — желтым, транспаданский диалектизм — зеленым, изысканный неологизм — фиолетовым и так далее, — то получится целая палитра.

Греческая мифология и местный веронский фольклор, александрийская ученость и римское частное право, эолийская мелика и старые латинские эпос и комедия, причудливым образом друг на друга наложившись, дали то нераздельное сочетание несочетаемого, ту тяжеловесную легкость, которыми можно охарактеризовать полистилистику Катулла, сравнимую на русской почве разве что с так называемым «державинским крупным слогом», шероховатым и емким, посредством которого многие вещи озвучиваются и проговариваются впервые.

Всю совокупность стихотворений одного поэта можно рассматривать как единое произведение, обладающее определенными особенностями и свойствами. Поэзия Катулла — сугубо городская, что резко отличает ее от александрийской и старой римской поэзии. У каждого лирического стихотворения Катулла есть конкретный повод для написания и свой адресат, названный или подразумеваемый (исключения составляют лишь два-три стихотворных рассказа). Абстрактная и ни к кому не об-

ращенная лирика появилась в Новое время, а утвердилась только в эпоху романтизма.

Лирико-эпические стихотворения Катулла не имеют адресатов, а конкретный повод (свадьба друга) есть только у первого из них, но выделить их из всего остального корпуса невозможно, поскольку слишком много у них внешних (тематических) пересечений и внутренних (языковых) переключек со стихотворениями лирическими. Единство подчеркивается и парностью стихотворений, и повторами словесных конструкций, напоминающими эпические и заклинательные формулы, и многими другими способами.

«Книга Катулла Веронского» в жанровом отношении довольно четко делится на три свитка: Катулл «безделок» [№ 1 (I) — 60 (LX)] — восторженный, игривый и чувствительный, Катулл эпиталамиев и эпиллиев [№ 61 (LXI) — 64 (LXIV)] — сдержанный, повествовательный и разумный, Катулл элегий и эпиграмм [№ 65 (LXV) — 117 (CXVI)] — рефлектирующий, назидательный и рассудочный.

Жанровое деление поддержано стилистически, и три свитка, хотя и не в чистом виде, представляют три стиля: первый — низкий, второй — высокий, третий — средний. Это заметно даже на лексическом уровне: например, во втором свитке у Катулла нет бранных слов и выражений; в первом свитке любая особа женского пола — всегда *puella* (малышка), а не *mulier* и не *femina*, в третьем свитке последнее слово употреблено только единственный раз; и так далее.

Принятое филологами деление Катулла на ученого, влюбленного и бранного не поддерживается текстуально, поскольку в большинстве стихотворений сочетаются как минимум две

ипостаси: влюбленный с ученым, ученый с бранным, браный с влюбленным, без какой бы то ни было возможности их разделения, а в ряде стихотворений [см. № XI (12), 35 (XXXVI) и др.] и все три. Ученый, влюбленный и бранный — один и тот же Катулл.

У великих поэтов нет ничего случайного. Их произведения отличает более или менее осознанная работа по выстраиванию и внутреннему обустройству стиха сразу на нескольких уровнях: метрико-ритмическом, фонетическом, интонационном, лексическом, семантическом, словообразовательном, синтаксическом и прочих. В стихах Катулла есть непосредственность первооткрывателя, та непосредственность, которая является продуктом тщательной подготовки и кропотливой отделки.

Живое, подлинное и непосредственное чувство им выражается сложно. Чего стоят метрические эксперименты Катулла или аллюзии на малоизвестные греческие мифы, нарочитые цитаты из Гомера и Архилоха, Сапфы и Алкея, Эзопа и Каллимаха, Энния и Плавта, или отборная латинская брань, изысканные пародии на традиционные поэтические жанры греков и судебные речи римлян, или стихотворения, представляющие собой одно законченное предложение, например в 24 строки [№ 65 (LXV)], подробное перечисление мест почитания Венеры (Афродиты) [№ 35 (XXXVI)] или обыгрывание звукового состава имени Лесбии [№ 9 (VIII)], по имени так и неназванной!

Поэзия для Катулла — личное дело частного человека. Стихи его, если их рассматривать как некие сообщения, предназначались узкому кругу подготовленных читателей и ценителей,

возможно, равному небольшому числу близких друзей, являвшихся свидетелями и соучастниками описываемых поэтом событий. Поэтому каждое происшествие в жизни рассматривается как самое значительное, каждая ситуация как судьбоносная, каждый шаг как первый или последний.

Катулл постигает бытие через быт, а через житейские ситуации выходит на ситуации мифологические. Трудно не заметить, как сквозь реальное событие проглядывает налагаемый или проецируемый миф [см. №29 (XXX), 68 (LXVIII) и др.]. Мифологизация частной жизни, своей и своего круга, произведенная Катуллом, равносильна мифологизации частной жизни богов и героев у Гомера.

Традиционная римская система ценностей строилась на основе подчинения индивида обществу, гражданина государству, а достижение общественного блага ставилось высшей целью человеческого существования. Поэзия Катулла отразила резкий поворот в сознании римского высшего общества, произошедший не без влияния общественной жизни эллинов, уже к тому времени утраченной, но закрепленной в поэзии и философии. Об этом красноречиво свидетельствует, например, весь цикл стихотворений, посвященный отношениям с Лесбией, кем бы она ни была, потому как не только любовь вне официального брака, но и сокрытие чьего-либо имени под псевдонимом считались у римлян предосудительными. В яростном хулении Юлия Кесаря и его ближайших сподвижников, видя в них не столько государственных мужей, сколько обычных людей со своими страстями и пороками, Катулл также опирался на древнегреческую поэзию, прежде всего на Алкея, Архилоха и Феогнида.

Есть поэты, в своем творчестве отражающие только эстетические поиски, и есть поэты, занимающиеся исключительно этикой, но редко встречаются поэты, которые в полной мере сочетают в стихах и то и другое. Катулл как раз относится к таковым, и в стихах его то и дело проявляется поэт-моралист (в хорошем смысле этого слова). Декларируемая разнuzданность при ближайшем рассмотрении оказывается настоящей проповедью благочестия.

Его поэзию можно определить как поэзию отношений — отношений между человеком и богами, человеком и человеком, человеком и предметами, живым и мертвым. Любовь и ненависть, ревность и безразличие, верность и измена для него не отвлеченные понятия, но жизненные стихии, в тех или иных отношениях проявляемые, подверженные изменениям и в то же время остающиеся непоколебимыми на фоне уходящей юности и наступающей зрелости, несущих отрезвление ума и охлаждение чувств.

Чем же дорог Катулл современному читателю и почему, как никакой другой античный лирик, продолжает волновать умы и сердца?

«Великие произведения искусства <...> имеют то свойство, что разные эпохи вычитывают в них не одно и то же, по-разному толкуют их смысл. Происходит это не только оттого, что новые поколения читателей приносят новые понимания, но и оттого, что сами произведения уже таят в себе вполне законную возможность понимать их по-разному. Потому-то они и «вечны», как принято говорить о них, что не превращаются в историко-литературные мумии, но обладают подлинным даром вечной жизни, как бы способностью к постоянному самообновлению», — верно заметил Владислав Ходасевич в одной из своих статей.

Эти слова справедливы и по поводу поэзии Катулла, не превратившейся в «памятник древнеримской литературы». Для романтиков Катулл — романтик, для символистов — символист, для постмодернистов — нет большего постмодерниста. Александр Блок, например, находил у Катулла [см. № 63 (LXIII)] даже предчувствие грядущего христианства (возможно, не случайно единственный экземпляр «Книги Катулла Веронского» сохранился именно в монастыре).

Катулл разнообразен и многолик, потому-то, наверно, почти каждый читатель может найти в его стихах нечто глубоко созвучное себе и сегодня.

CATULLI VERONENSIS LIBER

LIBELLUS PRIMUS

I

Cui dono lepidum novum libellum
arida modo pumice expositum?
Corneli, tibi: namque tu solebas
meas esse aliquid putare nugas
iam tum, cum ausus es unus Italorum
omne aevum tribus explicare cartis
doctis, Iuppiter, et laboriosis.
quare habe tibi, quidquid hoc libelli,
qualecumque; quod, [o] Patrona virgo,
plus uno maneat perenne saeclo!

КНИГА КАТУЛЛА ВЕРОНСКОГО

ПЕРВЫЙ СВИТОК

1

Кто забавную новую книжонку,
пемзой тертую жесткой, в дар получит? —
Ты, Корнелий, — зане еще тогда ты
все безделки мои во что-то ставил,
самый первый когда из италийцев
все лета уложить дерзнул в три свитка
многотрудных и мудрых, о Юпитер!
На, — какую книжонка ни была бы — все
равно; Покровительница-дева,
жизнь ее да продлится дольше века!

II

Passer, deliciae meae puellae,
quicum ludere, quem in sinu tenere,
cui primum digitum dare appetenti
et acris solet incitare morsus,
cum desiderio meo nitenti
carum nescioquid lubet iocari
et solaciolum sui doloris,
credo, ut tum gravis acquiescat ardor:
tecum ludere sicut ipsa possem
et tristis animi levare curas!

Воробей, баловство моей малышки,
с кем играть, прижимать кого ко грудке,
кончик пальца кому совать, укусов
добиваясь болезненных и частых, —
лишь от скуки моей пригожей милым
кем-нибудь позабавиться охота,
чтоб утешить свою печаль, — уверен:
чтоб утишить огонь неугасимый.
Так с тобой, как она, играть я мог бы,
груз томлений душевных облегчая!

IIb

.....
Tam gratum est mihi, quam ferunt puellae
pernici aureolum fuisse malum,
quod zonam soluit diu ligatam.

.....
Столь приятно мне, сколь малышке шустрой,
бают, яблоко было золотое,
развязавшее пояс наконец-то.

III

Lugete, o Veneres Cupidinesque,
et quantum est hominum venustiorum!

passer mortuus est meae puellae,
passer, deliciae meae puellae,
quem plus illa oculis suis amabat;
nam mellitus erat suamque norat
ipsam tam bene, quam puella matrem,
nec sese a gremio illius movebat,
sed circumsiliens modo huc modo illuc
ad solam dominam usque pipiabat.

qui nunc it per iter tenebricosum
illud, unde negant redire quemquam.
at vobis male sit, malae tenebrae
Orci, quae omnia bella devoratis;
tam bellum mihi passerem abstulistis.
o factum male! o miselle passer!
tua nunc opera meae puellae
flendo turgiduli rubent ocelli.

О Венеры и Купидоны, плачьте,
сколько есть, все чувствительные люди!

Воробей ибо мертв моей малышки,
воробей, баловство моей малышки,
кто дороже ей был зеницы ока,
меда слаще и кто свою хозяйку
так же знал хорошо, как дочка маму,
кто, колен никогда не покидая,
но порхая вокруг то так, то этак,
ей одной лишь чирикал беспрестанно.

Он спешит по дороге мрачной нынче
в край, откуда никто не воротился.
Будь неладен же, челюстями мрака
Орк снедающий красоту любую,
воробья, столь прекрасного похитив.
О злодейство! о воробей-бедняжка!
Ты причиной, что у моей малышки,
опухая от слез, краснеют глазки!

IV

Phasellus ille, quem videtis, hospites,
ait fuisse navium celerrimus,
neque ullius natantis impetum trabis
nequisse praeterire, sive palmulis
opus foret volare sive linteo.
et hoc negat minacis Hadriatici
negare litus insulasve Cycladas
Rhodumque nobilem horridamque Thraciam
Propontida trucemve Ponticum sinum,
ubi iste post phaselus antea fuit
comata silva, nam Cytorio in iugo
loquente saepe sibilum edidit coma.

Amastri Pontica et Cytore buxifer,
tibi haec fuisse et esse cognitissima
ait phaselus, ultima ex origine
tuo stetisse dicit in cacumine,
tuo imbuisse palmulas in aequore,
et inde tot per impotentia freta
erum tulisse, laeva sive dextera
vocaret aura, sive utrumque Iuppiter

Стружок, что прямо перед вами, странники,
твердит, мол, корабля проворней не было
ни одного, кто был бы поворотливей,
кто мог бы обогнать его стремление,
летя на веслах или под ветрилами.
Свидетелями взморье Адриатики
губительное и Киклады выступают,
и знатный Родос, и лихая Фракия,
и Пропонтида, и то место дикое
в заливе Понта, где стружок до времени
взростал косматым лесом, говорливою
лиственной шумя над кручами киторскими.

Китор самшитоносный и Понтийская
Амастра, вам известно то доподлинно,
твердит стружок, над вашими вершинами
от самого простаивал рождения,
до вашей влаги веслами дотронулся
впервые, — и потом по необузданным
волнам пронес владельца, — левый, правый ли
звал ветер, сразу ль с двух сторон способствовал

simul secundus incidisset in pedem;
neque ulla vota litoralibus deis
sibi esse facta, cum veniret a mari
novissimo hunc ad usque limpidum lacum.

sed haec prius fuere: nunc recondita
senet quiete seque dedicat tibi,
gemelle Castor et gemelle Castoris.

благой Юпитер плавному движению;
и вот, береговых богов обетами
ни разу не почтив, недавно по морю
дошел он и до озера прозрачного.

Но было прежде так — теперь отшельником
дряхлает мирно, вам себя пожертвовав,
двойняшка Кастор и двойняшка Кастора.

V

Vivamus, mea Lesbia, atque amemus,
rumoresque senum severiorum
omnes unius aestimemus assis!
soles occidere et redire possunt:
nobis cum semel occidit brevis lux,
nox est perpetua una dormienda.
da mi basia mille, deinde centum,
dein mille altera, dein secunda centum,
deinde usque altera mille, deinde centum.
dein, cum milia multa fecerimus,
conturbabimus illa, ne sciamus,
aut ne quis malus invidere possit,
cum tantum sciat esse basiorum.

Мы живем, моя Лесбия, да любим,
все досужие стариков сварливых
ни во грош не оценивая сплетни!
Солнца гибнуть и вновь рождаться могут, —
нам же, только короткий день погибнет,
ночь — безжизненный сон и беспробудный.
Тыщу дай лобызаний мне и сотню,
следом тыщу других, вторую сотню,
и до тыщи еще, и после сотню.
А потом все накопленные тыщи
вместе сгрудим, чтоб нам со счета сбиться
и не сглазить злодею никакому,
зная в точности, сколько лобызаний.

VI

Flavi, delicias tuas Catullo,
ni sint illepidae atque inelegantes,
velles dicere nec tacere posses.
verum nescio quid febriculosi
scorti diligis: hoc pudet fateri.
nam te non viduas iacere noctes
nequiquam tacitum cubile clamat
sertis ac Syrio fragrans olivo,
pulvinusque peraeque et hic et ille
attritus, tremulique quassa lecti
argutatio inambulatioque.
nam nil stupra valet, nihil tacere.
cur? non tam latera ecfututa pandas,
ni tu quid facias ineptiarum.

quare, quidquid habes boni malique,
dic nobis: volo te ac tuos amores
ad caelum lepidio vocare versu.

О своей баловнице ты Катуллу,
милой, Флавий! изысканной как будто,
рассказать не торопишься, — скрываешь.
Чумовую какую-нибудь, верно,
шкурку выискал, и — признаться стыдно.
Что ночами тебе не одиноко,
скрыть не скроешь, — постель кричит убранством
и сирийских маслин благоуханьем;
изголовья протерты — то и это —
одинаково; ложе распаталось:
и раскачивается, и скрипещет.
Очевидное прятать бесполезно! —
Что? — Ты не был бы скрючен с перепёру
да и вздора б не городил такого.

О плохом и хорошем говори же
нам — хочу о тебе с твоей любовью
милыми к небесам воззвать стихами.

VII

Quaeris, quot mihi basiationes
tuae, Lesbia, sint satis superque?
quam magnus numerus Libyssae harenae
lasarpiciferis iacet Cyrenis,
oraclum Iovis inter aestuosi
et Batti veteris sacrum sepulcrum;
aut quam sidera multa, cum tacet nox,
furtivos hominum vident amores:
tam te basia multa basiare
vesano satis et super Catullo est,
quae nec pernumerare curiosi
possint nec mala fascinare lingua.

Сколько, Лесбия, спрашиваешь, надо
мне твоих, чтоб насытить, лобызаний? —
Так огромно число песков ливийских
под Киреною душносмолоносной,
меж Юпитера знойного вешальней
и гробницей священной Батта древня,
так бессчетно и звезд, в ночи безмолвно
на людские взирающих любви, —
столько надо тебе и лобызаний
лобызать, чтоб насытить глад Катулла, —
соглядатаи счет им потеряют,
языки навредить не смогут злые.

VIII

Miser Catulle, desinas ineptire,
et quod vides perisse perditum ducas.
fulsere quondam candidi tibi soles,
cum ventitabas, quo puella ducebat
amata nobis, quantum amabitur nulla;
ibi illa multa cum iocosa fiebant,
quae tu volebas nec puella nolebat,
fulsere vere candidi tibi soles.
nunc iam illa non vult: tu quoque impote[ns noli],
nec quae fugit sectare nec miser vive,
sed obstinata mente perfer, obdura.

vale, puella. – iam Catullus obdurat,
nec te requiret nec rogabit invitam.
at tu dolebis, cum rogaberis nulla:
scelestas, vae te, quae tibi manet vita?
quis nunc te adibit? cui videberis bella?
quem nunc amabis? cuius esse diceris?
quem basiabis? cui labella mordebis?
at tu, Catulle, destinatus obdura.

Катулл-бедняга, зря не городи вздора
и то, чего лишен, из головы выкинь.
Сияли прежде ясные тебе солнца;
ты хаживал, куда водила малышка,
любима нами так, как ни одна больше!
А там такое множество забав сразу:
малышка одобряла каждую прихоть —
сияли, верно, ясные тебе солнца.
А нынче все пропало: ты обессилел —
беглянку не преследуй, не горюй, — только
терпи неколебимую душой, твердой.

Прощай, малышка! Стал теперь Катулл твердым,
не ищет и не просит супротив воли.
Ты загрустишь, не будет на тебя спроса —
злодейка! что за жизнь тебя ожидает?
обнимет кто? на прелести твои взглянет?
кого теперь полюбишь? чьей наречешься?
с кем будешь лобызаться? чьи кусать губки? —
А ты, Катулл, неколебимо будь твердым.

IX

Verani, omnibus e meis amicis
antistans mihi milibus trecentis,
venistine domum ad tuos penates
fratresque unanimos anumque matrem?
venisti. – o mihi nuntii beati!
visam te incolumem audiamque Hiberum
narrantem loca, facta, nationes,
ut mos est tuus, applicansque collum
iucundum os oculosque suaviabor.
o quantum est hominum beatiorum,
quid me laetius est beatiusve?

Ты ль, Вераний, по мне меж тремястами
тыщами всех моих дружков первейший,
воротился домой к своим Пенатам,
старой матушке, неразлучным братьям?
Воротился. — О весть благая! — Свижусь
с невредимым и, повести внимая
об иберских местах, делах, народах,
как обычно, на радостях на шею
брошусь расцеловать в глаза и губы.
Сколько ни было бы людей блаженных —
кто меня веселей или блаженней?

X

Varus me meus ad suos amores
visum duxerat e foro otiosum:
scortillum, ut mihi tum repente visum est,
non sane illepidum neque invenustum.
huc ut venimus, incidere nobis
sermones varii, in quibus, quid esset
iam Bithynia, quo modo se haberet,
et quonam mihi profuisset aere.
 respondi id quod erat: nihil neque ipsis
nec praetoribus esse nec cohorti,
cur quisquam caput unctius referret,
praesertim quibus esset irrumator
praetor, nec faceret pili cohortem.
'at certe tamen', inquiunt, 'quod illic
natum dicitur esse, comparasti,
ad lecticam homines'. ego, ut puellae
unum me facerem beatiorem,
'non', inquam, 'mihi tam fuit maligne,
ut, provincia quod mala incidisset,
non possem octo homines parare rectos'.

Вар меня затащил к своей любви
с площади попроведать от безделья —
шкурочка, показалось мне на первый
взгляд, мила и ничуть не неприятна.
Только к ней мы вошли, на нас напали
разговоры о том о сем, а после
о Вифинии, где я был недавно:
что там? как? сколько прибыло мне денег? —
Отвечал все, как было: сам я с носом,
и начальники, и подручных свора, —
даже голову и намастить нечем;
отмужичивая и в хвост и в гриву,
наш начальник не брал в расчет подручных. —
«Но конечно же, — говорят, — купил ты
там носильщиков прирожденных всё же,
как обещано было». Я же, чтобы
хоть немножко порадовать малышку:
«Нет, не так, — говорю, — мне было худо,
чтобы, хоть захолустье и дрянное,
я не смог шестерых купить хотя бы».

(at mi nullus erat nec hic neque illic,
fractum qui veteris pedem grabati
in collo sibi collocare posset.)
hic illa, ut decuit cinaediorum,
'quaeso', inquit, 'mihi, mi Catulle, paulum
istos commoda: nam volo ad Serapim
deferri'. – 'mane', inquit puellae,
'istud quod modo dixeram, me habere...
fugit me ratio: meus sodalis,
Cinna est Gaius, is sibi paravit.
verum, utrum illius an mei, quid ad me?
utor tam bene quam mihi pararim.
sed tu insulsa male et molesta vivis,
per quam non licet esse negligentem'.

(Но ни тут у меня, ни там кого-то,
кто старушки моей кровати культи
мог на шею взвалить бы, не бывало.)
Только та, как положено блудливым:
«Окажи, — говорит, — Катулл, услугу
небольшую: к Серапису бы надо
мне попасть». — «Не спеши в расчет меня ты
брать; сказал, — говорю, — не то я что-то
по рассеянности, — то мой приятель —
Кинна Гай — их купил себе, малышка.
Правда, разницы нет: его ль, мои ли, —
мы на пару — то он, то я — владеем.
Ты же неостроумна и несносна,
ну а мне не пристало быть растяпой».

XI

Furi et Aureli, comites Catulli,
sive in extremos penetrabit Indos,
litus ut longe resonante Eoa
tunditur unda,

sive in Hyrcanos Arabesve molles,
seu Sagas sagittiferosve Parthos,
sive quae septemgeminus colorat
aequora Nilus,

sive trans altas gradietur Alpes,
Caesaris visens monumenta magni,
Gallicum Rhenum, horribile aequor ulti-
mosque Britannos,

omnia haec, quaecumque feret voluntas
caelitem, temptare simul parati,
pauca nuntiate meae puellae
non bona dicta:

Фурий и Аврелий — Катутла свита,
к индам ли он вторгнется запредельным,
где о берег бьется волна Эоя
с грохотом долгим,

иль к гирканам, или к арабам нежным,
или к сагам, иль к стрелоносным парфам,
иль туда, где Нил гладь морскую красит
рассемиранный,

или чрез Альпийски шагнет громады,
памятники Кесаря примечая,
Галльский Рен и дальних британнов, тревол-
нующих море, —

и везде, куда бы по воле неба
ни влекло, держаться готовы рядом;
а пока скажите моей малышке
пару словечек:

'cum suis vivat valeatque moechis,
quos simul complexa tenet trecentos,
nullum amans vere, sed identidem omnium
ilia rumpens;

nec meum respectet, ut ante, amorem,
qui illius culpa cecidit velut prati
ultimi flos, praetereunte postquam
tactus aratro est'.

«Пусть живет и здравствует со своими
кобелями, триста приемля разом,
не любя ничуть — надрывая уды
им то и дело;

но моей, как прежде, любви не жаждет, —
в том ее вина, что на дальнем поле
падает цветок, пораженный плуга
прикосновеньем».

XII

Marrucine Asini, manu sinistra
non belle uteris: in ioco atque vino
tollis lintea neglegentiorum.
hoc salsum esse putas? fugit te, inepte:
quamvis sordida res et invenusta est.
non credis mihi? crede Pollioni
fratri, qui tua furta vel talento
mutari velit: est enim leporum
disertus puer ac facetiarum.
quare aut hendecasyllabos trecentos
exspecta, aut mihi linteum remitte,
quod me non movet aestimatione,
verum est mnemosynum mei sodalis.
nam sudaria Saetaba ex Hiberis
miserunt mihi muneri Fabullus
et Veranius: haec amem necesse est
ut Veraniolum meum et Fabullum.

Руку левую, маррукин Асиний,
применяешь неправильно — в насмешку
у растяп за вином платки ты тибришь.
Остроумно ли это? — Нет, негодник!
Неприглядное, грязное же дело —
мне не веришь? — Поверь хоть Поллиону,
брату: не пожалеет и таланта
он, чтоб кражи твои покрыть, — от острых
малый шутики тупые отличает.
Так что триста одиннадцатисложек
ожидай или мой платок верни мне,
для меня дорогой, но не ценою,
о приятелях памятью далеких.
Ибо присланы из краев Иберских
мне сетабские в дар платки Фабуллом
и Веранием, — их мне подобает
так любить, как Верашу и Фабулла.

XIII

Cenabis bene, mi Fabulle, apud me
paucis, si tibi di favent, diebus,
si tecum attuleris bonam atque magnam
cenam, non sine candida puella
et vino et sale et omnibus cachinnis.
haec si, inquam, attuleris, venuste noster,
cenabis bene; nam tui Catulli
plenus sacculus est aranearum.
sed contra accipies meros amores
seu quid suavius elegantiusve est:
nam unguentum dabo, quod meae puellae
donarunt Veneres Cupidinesque,
quod tu cum olfacies, deos rogabis,
totum ut te faciant, Fabulle, nasum!

Пообедаешь славно, коль угоден
ты богам, у меня, Фабулл, хоть завтра,
коль притащишь с собой обед обильный,
славный, не без малышки белокурой,
вин, остроут, хохотков разнообразных.
Это всё коль притащишь, наш любезник,
пообедаешь славно, ибо полон
кошелек у Катулла паутины.
Но зато кое-что с любовью чистой
обретешь поизысканней: тебе я
дам пахучую мазь — моей малышке
от Венер с Купидонами подарок:
лишь нюхнешь ты, Фабулл, — богов запросишь,
чтобы целым тебя создали носом!

XIV

Ni te plus oculis meis amarem,
iucundissime Calve, munere isto
odissem te odio Vatiniano:
nam quid feci ego quidve sum locutus,
cur me tot male perderes poetis?
isti di mala multa dent clienti,
qui tantum tibi misit impiorum.
quodsi, ut suspicor, hoc novum ac repertum
munus dat tibi Sulla litterator,
non est mi male, sed bene ac beate,
quod non dispereunt tui labores.
di magni, horribilem et sacrum libellum!
quem tu scilicet ad tuum Catullum
misti, continuo ut die periret,
Saturnalibus, optimo dierum!

non non hoc tibi, false, sic abibit:
nam, si luxerit, ad librariorum
curram scrinia, Caesios, Aquinos,
Suffenum, omnia colligam venena
ac te his suppliciis remunerabor.

Кальв милейший, не будь ты мне так дорог,
за подарок тебя бы, как Ватиний,
лютой ненавистью возненавидел.
Что я сделал или сказал такого,
что поэтами так меня ты травмишь?
Подзащитного боги пусть накажут,
что прислал тебе столько негодяев!
Сей подарочек необыкновенный
поднесен буквоедом Суллою, верно,
что неплохо и даже распрекрасно,
ведь не зря же труды твои пропали.
Боги правые, мерзкая книжонка!
Ты, понятно, прислал ее Катуллу
к сатурналиям, чтобы было время
чем убить, провожая лучший праздник!

Нет, тебе не пройдет, обманщик, это
просто так — я чуть свет по книжным лавкам
побегу, собирая ядовитых
Кесиев и Аквинов и Суффенов,
да отблагодарю тебя нещадно.

vos hinc interea valete, abite
illuc, unde malum pedem attulistis,
saecli incommoda, pessimi poetae!

Вы ж отсюда валите прочь, откуда
принесли ломовые стопы, века
пагуба, никудышные поэты!

XIVb

Si qui forte mearum ineptiarum
lectores eritis manusque vestras
non horrebitis admovere nobis

.....

Коль читателями моих случайно
вздоров станете и не уstraшитесь
вашиими прикасасться к нам руками

.....

XV

Commendo tibi me ac meos amores,
Aureli: veniam peto pudentem,
ut, si quicquam animo tuo cupisti,
quod castum expeteres et integellum,
conserve puerum mihi pudice,
non dico a populo – nihil veremur
istos, qui in platea modo huc modo illuc
in re praetereunt sua occupati –
verum a te metuo tuoque pene
infesto pueris bonis malisque.
quem tu qua lubet, ut lubet, moveto
quantum vis, ubi erit foris paratum:
hunc unum excipio, ut puto, pudenter.
quod si te mala mens furorque vecors
in tantam impulerit, sceleste, culpam,
ut nostrum insidiis caput lacesas.
a, tum te miserum malique fati,
quem attractis pedibus patente porta
percurrent raphanique mugilesque!

Доверяюсь тебе с моей любовью
и, Аврелий, о помощи взываю:
если в ком-нибудь ты души не чаял,
чистоту охраняя и невинность, —
пусть мой мальчик останется не тронут,
не толпой, говорю, что безобидно
по проулкам туда-сюда шныряет,
занимаясь делишками своими, —
страшен ты со своим опасным членом
и красавчикам редким, и уродцам.
На любого, когда и где захочешь,
с ним бросайся, достав из-под одежды, —
одного лишь, пожалуйста, не трогай.
Но коль умысел злой тобой, преступник,
и безумная похоть овладеют,
строить козни, мороча нас, принудив, —
ой, судьба не замедлит с приговором:
будешь схвачен, и задние ворота
протаранят бревном тебе шершавым!

XVI

Pedicabo ego vos et irrumabo,
Aureli pathice et cinaede Furi,
qui me ex versiculis meis putastis,
quod sunt molliculi, parum pudicum.
nam castum esse decet pium poetam
ipsum, versiculos nihil necesse est;
qui tum denique habent salem ac leporem,
si sunt molliculi ac parum pudici,
et quod pruriat incitare possunt,
non dico pueris, sed his pilosis,
qui duros nequeunt movere lumbos.
vos, quod milia multa basiorum
legistis, male me marem putastis?
pedicabo ego vos et irrumabo.

Раскорячу я вас и отмужичу,
блудозадые Фурий и Аврелий, —
по моим рассудили вы стишатам
распоясанным, что и я бесстыден.
Чистым быть полагается поэту
самому, а стишата — обойдутся;
лишь тогда и остры они, и сладки,
распоясанны если да бесстыдны,
если то, что зудит, поднять способны,
не юнцам, говорю, но тем замшелым,
что тяжелой не в силах двигнуть ляжкой.
Вы в несчитанных тыщах лобызаний
усмотрели, что слаб я как мужчина? —
Раскорячу я вас и отмужичу!

XVII

O Colonia, quae cupis ponte ludere longo,
et salire paratum habes, sed vereris inepta
crura ponticuli axulis stantis in redivivis,
ne supinus eat cavaque in palude recumbat.
sic tibi bonus ex tua pons libidine fiat,
in quo vel Salisubsali sacra suscipiantur,
munus hoc mihi maximi da, Colonia, risus:
quendam municipem meum de tuo volo ponte
ire praecipitem in lutum per caputque pedesque,
verum totius ut lacus putidaeque paludis
lividissima maximeque est profunda vorago.
insulsissimus est homo, nec sapit pueri instar
bimuli tremula patris dormientis in ulna.
cui cum sit viridissimo nupta flore puella,
et puella tenellulo delicatior haedo,
adservanda nigerrimis diligentius uvis.
ludere hanc sinit, ut lubet, nec pili facit uni,
nec se sublevat ex sua parte, sed velut alnus
in fossa Liguri iacet suppernata securi,
tantundem omnia sentiens quam si nulla sit usquam,

На мосту, о Колония, длинном игрищ ты жаждешь
и плясать собираешься, да боишься непрочных
свай мостишки, сколоченных из трухлявых досочек, —
как бы не опрокинулся и не рухнул в болото.
Станет мост по хотению твоему пусть как новый,
на котором священные хоть устраивай пляски, —
посмеши же, Колония, и меня хорошенько:
землячка своего с моста твоего мне охота
в грязь низринуть тормашками вверх и вниз головою,
только там, где вонючего шире жижа болота,
глубже тина синюшная и плотнее трясина.
Глупый, двухгодовалого несмышлени младенца,
что уснул, убаюканный, у папаши на ручках.
Им красую цветущая взята в жены малышка,
а малышка-то нежененькой избалованной серны —
глаз да глаз за чернеющей полагается гроздью.
Он играть, как захочется, позволяет ей — вовсе
с места не приподымется, но валяется, словно
срубленная во рву ольха топором лигурийским
с чувством, что никогда ее и не существовало,

talis iste meus stupor nil videt, nihil audit,
ipse qui sit, utrum sit an non sit, id quoque nescit.
nunc eum volo de tuo ponte mittere pronum,
si pote stolidum repente excitare veternum
et supinum animum in gravi derelinquere caeno,
ferream ut soleam tenaci in voragine mula.

ничего так и этот мой пень не видит, не слышит,
и простого — кто сам он есть? жив ли? нет ли? — не знает.
Вот его-то хочу с моста твоего я низвергнуть, —
может быть, после этого неподвижную старость
он стряхнет и бесчувствие в жирном иле оставит,
как подкову железную в жиже вязкой мулица.

XXI

Aureli, pater esuritionum,
non harum modo, sed quot aut fuerunt
aut sunt aut aliis erunt in annis,
pedicare cupis meos amores.
nec clam: nam simul es, iocaris una,
haerens ad latus omnia experiris.
frustra: nam insidias mihi instruentem
tangam te prior irrumatione.
atque id si faceres satur, tacerem:
nunc ipsum id doleo, quod esurire
a te mi puer et sitire discet.
quare desine, dum licet pudico,
ne finem facias, sed irrumatus.

Ты, Аврелий, папаша голоденок,
не сегодняшней лишь, но всех, что были,
или есть, иль во оны будут годы, —
раскорячить мою любовь желаешь.
Не тайком — ведь при мне же забавляешь,
к телу всячески лезешь, прилипала.
Зря — за строимые тобою козни
наповал отмужичен будешь первым.
В общем так: если сыт мой мальчик — ладно,
занимайтесь; мне больно, если голод
он узнает из-за тебя и жажду.
Посему прекращай, пока не поздно,
не отступишься — разом отмужичу.

XXII

Suffenus iste, Vare, quem probe nosti,
homo est venustus et dicax et urbanus,
idemque longe plurimos facit versus.
puto esse ego illi milia aut decem aut plura
perscripta, nec sic ut fit in palimpsesto
relata: cartae regiae, novi libri,
novi umbilici, lora rubra membranae,
directa plumbo et pumice omnia aequata.
haec cum legas tu, bellus ille et urbanus
Suffenus unus caprimulgus aut fossor
rursus videtur: tantum abhorret ac mutat.
hoc quid putemus esse? qui modo scurra
aut si quid hac re scitius videbatur,
idem infaceto est infacetior rure,
simul poemata attigit, neque idem umquam
aeque est beatus ac poema cum scribit:
tam gaudet in se tamque se ipse miratur.

nimirum idem omnes fallimur, neque est quisquam,
quem non in aliqua re videre Suffenum
possis. – suus cuique attributus est error;
sed non videmus, manticae quod in tergo est.

Суффен, как ты прекрасно, Вар, и сам знаешь,
и обаятелен, и колок, и вежлив,
при этом — плодовитейший стихотворец.
Стихов, сдается мне, тыщ десять иль больше
накропано не как обычно, на тертых
черновиках, — бумага царская, дивны
на стержнях свитки, скручены тесьмой красной,
линованы свинцом, отглажены пемзой.
Но только ты прочтешь — и тот Суффен, милый
да вежливый, не пахарем обернется,
так пастухом, — ужасная перемена.
И это он? — недавний весельчак, тертый
калач, как представлялось нам, в таком деле —
он глуп, как деревенщина, глупей даже,
едва стихов коснется; не умел сроду
блаженствовать, а примется кропать вирши:
так радуется, так собою доволен.

Конечно, он такой же, как и все втайне;
в другом Суффена всякий без труда может
усматривать — свой недостаток есть в каждом:
не видно нам лишь то, что за спиной носим.

XXIII

Furi, cui neque servus est neque arca
nec cimex neque araneus neque ignis,
verum est et pater et noverca, quorum
dentes vel silicem comesse possunt,
est pulchre tibi cum tuo parente
et cum coniuge lignea parentis.
nec mirum: bene nam valetis omnes,
pulchre concoquitis, nihil timetis,
non incendia, non graves ruinas,
non facta impia, non dolos veneni,
non casus alios periculorum.
atque corpora sicciora cornu
aut si quid magis aridum est habetis
sole et frigore et esuritione.
quare non tibi sit bene ac beate?
a te sudor abest, abest saliva,
mucusque et mala pituita nasi.
hanc ad munditiam adde mundiorem,
quod culus tibi purior salillo est,
nec toto decies cacas in anno,

Фурий! нет у тебя раба и торбы,
паука и клопа и даже печки,
лишь папаша да мачеха с зубами,
даже камень готовыми почикать, —
как прекрасно тебе с родимым предком
и с евонной дубовою женою.
И не диво: бесхлопотно живете,
хорошенько жуετε, не боитесь
ни пожара ничуть, ни разоренья,
ни от яда погибели, ни кражи,
ни других чрезвычайных происшествий.
А тела-то у вас ороговели,
даже тверже соделались и суше
из-за голода, холода и зноя.
Чем же плохо тебе и чем убого? —
Ты свободен от пота и харкоты,
от слюней и соплей из носа зельных.
К чистоплотности сей прибавить нужно
то, что жопа твоя солонки чище, —
срать раз десять всего ты за год ходишь

atque id durius est faba et lapillis;
quod tu si manibus teras fricesque,
non umquam digitum inquinare posses.

haec tu commoda tam beata, Furi,
noli spernere nec putare parvi,
et sestertia quae soles precari
centum desine: nam sat es beatus.

чем-то гальки потверже и гороха:
если это в руках помнешь, повертишь,
ты и пальца-то вымазать не сможешь.

Этой выгоды, столь блаженной, Фурий,
не отбрасывай, мелочью считая,
и сто тысяч просить, как вечно клянчишь,
перестань: ты блаженствуешь изрядно!

XXIV

O qui flosculus es Iuventiorum,
non horum modo, sed quot aut fuerunt
aut posthac aliis erunt in annis,
mallem divitias Midae dedisses
isti, cui neque servus est neque arca,
quam sic te sineres ab illo amari.
'quid? non est homo bellus?' inquires. – est;
sed bello huic neque servus est neque arca.
hoc tu quam lubet abice elevaque,
nec servum tamen ille habet neque arcam.

О краса всех Ювентиев, и даже
не сегодняшних лишь, но всех, что были,
или позже во оны будут годы!
Лучше денег всучить тому Мидасу,
у которого нет раба и торбы,
чем касаться тебя ему позволить.
Скажешь: «Как? Неужель он не красавчик?»
Да, конечно, но нет раба и торбы.
С ним, как хочешь, ты падай, подымайся,
но раба у него и торбы нету.

XXV

Cinaede Thalle, mollior cuniculi capillo
vel anseris medullula vel imula oricilla
vel pene languido senis situque araneoso,
idemque Thalle, turbida rapacior procella,
cum diva mulierarios ostendit oscitantes,
remitte pallium mihi meum, quod involasti,
sudariumque Saetabum catagraphosque Thynos,
inepte, quae palam soles habere tamquam avita.
quae nunc tuis ab unguibus reglutina et remitte,
ne laneum latusculum manusque mollicellas
inusta turpiter tibi flagella conscribillent,
et insolenter aestues, velut minuta magno
depressa navis in mari, vesaniente vento.

Блудливый Талл, крольчиного куда нежнее меха,
нежней гусиной печени, нежнее мочки уха,
слабей паучьей крепости и старческого члена;
и тот же Талл, неистовый, как ураган, воруя,
когда богиня женская дремоту навевает, —
верни мою накидку мне, которую присвоил,
сетабский мой платок, мои узорчатые финки,
которыми ты хвалишься, наследственными словно.
Их из когтей ты выпусти сейчас же и верни мне,
иначе грудь пуховую, нежнейшие ручонки
тебе я должен вымарать, расписываясь плетью, —
завьешься как ошпаренный иль утлая в открытом
лодчонка море, яростной застигнутая бурей.

XXVI

Furi, villula nostra non ad Austri
flatus opposita est neque ad Favoni
nec saevi Boreae aut Apheliotae,
verum ad milia quindecim et ducentos.
o ventum horribilem atque pestilentem!

Так заложена, Фурий, наша дачка,
продуваемая Бореем наглым,
Австром, Апелиотом и Фавоном,
что на ветер пятнадцать тысяч двести.
Разорений поветрие заразно!

XXVII

Minister vetuli puer Falerni,
inger mi calices amariores,
ut lex Postumiae iubet magistrae
ebrioso acino ebriosioris.
at vos quo lubet hinc abite, lymphae,
vini pernicies, et ad severos
migrate: hic merus est Thyonianus.

Поводырь старичка Фалерна юный!
в чаши горечь мне влей, — повелевает
так Постумии глас, царицы пира,
пьяных ягод налившейся пьянее.
Вы ж отсюда, пожалуй, прочь катитесь,
воды, порчи вина, и вон к сварливым
убирайтесь — чистейший здесь Фионец!

XXVIII

Pisonis comites, cohors inanis,
aptis sarcinulis et expeditis,
Verani optime tuque mi Fabulle,
quid rerum geritis? satisne cum isto
vappa frigoraque et famem tulistis?
ecquidnam in tabulis patet lucelli
expensum, ut mihi, qui meum secutus
praetorem refero datum lucello?
(o Memmi, bene me ac diu supinum
tota ista trabe lentus irrumasti.)
sed, quantum video, pari fuistis
casu: nam nihilo minore verpa
farti estis. – pete nobiles amicos!

at vobis mala multa di deaque
dent, opprobria Romuli Remique.

Чуть живые подручные с пустыми
за плечами котомками, Писона
свита, славный Вераний и Фабулл мой,
как дела? — Натерпелись с негодяем
этим холода, голода довольно ль?
Неужели дохода никакого,
еле-еле свели концы с концами,
как и я, за начальником гоняясь?
(Хорошо же тобою был, о Меммий,
я тяжелой дубиной отмужичен.)
Но, как вижу, и вам случилось то же
испытать: вы отделаны не хуже
во все дыры. — Друзей сыскали знатных!

Пусть оплатят вам боги и богини
злом, позорище Ромула и Рема!

XXIX

Quis hoc potest videre, quis potest pati,
nisi impudicus et vorax et aleo,
Mamurram habere quod Comata Gallia
habebat uncti et ultima Britannia?
cinaede Romule, haec videbis et feres?
et ille nunc superbus et superfluens
perambulabit omnium cubilia,
ut albulus columbus aut Adoneus?
cinaede Romule, haec videbis et feres?
es impudicus et vorax et aleo.

eone nomine, imperator unice,
fuisti in ultima occidentis insula,
ut ista vestra diffututa mentula
ducenties comesset aut trecenties?
quid est alid sinistra liberalitas?
parum expatravit an parum elluatus est?
paterna prima lancinata sunt bona,
secunda praeda Pontica, inde tertia
Hibera, quam scit amnis aurifer Tagus;
nunc Galliae timetur et Britanniae.

Кто может это видеть, это вынести,
как не хапуга с мотом и развратником? —
Всё, чем владела Галлия Косматая
и дальняя Британния, — Мамуррино!
Блудливый Ромул, видя это, терпишь ты?
А нынче тот, кичлив и расточителен,
перебывал во всех постелях, будто бы
Адонис или голубок невиннейший!
Блудливый Ромул, видя это, терпишь ты? —
Ты сам — хапуга с мотом и развратником.

Не для того ли, полновластный выскочка,
ты на далекий остров послан западный,
чтоб этот вездепрущий хрен беспошлинно
по двести ли, по триста ли присваивал?
Такая щедрость не иначе левая?
Ужели мало схвачено и спущено?
Сперва добро отцово было прибрано;
второе блюдо — Понт; потом Иберия
на третье (златоносный Таг свидетелем);
теперь он — ужас Галлии с Британнией.

quid hunc malum fovetis? aut quid hic potest
nisi uncta devorare patrimonia?
eone nomine, urbis o potissimi
socer generque, perdidistis omnia?

Зачем змею пригрели? — Разве жирными
наследствами он может не закусывать?
Не для того ль, столичные правители,
вы, зять и тесть, всё губите и гробите?

XXX

Alfene immemor atque unanimes false sodalibus,
iam te nil miseret, dure, tui dulcis amicali?
iam me prodere, iam non dubitas fallere, perfide?
nec facta impia fallacum hominum caelicolis placent;
quae tu neglegis ac me miserum deseris in malis.
eheu, quid faciant, dic, homines cuive habeant fidem?
certe tute iubebas animam tradere, inique, [me]
inducens in amorem, quasi tuta omnia mi forent.
idem nunc retrahis te ac tua dicta omnia factaque
ventos irrita ferre ac nebulas aereas sinis.
si tu oblitus es, at di meminerunt, meminit Fides,
quae te ut paeniteat postmodo facti faciet tui.

Задушевных, Альфен лживый, забыв напрочь приятелей,
неужель и к дружку нежному ты, подлый, безжалостен?
Вероломный, ужель рад и предать и обмануть меня?
Не угодны обманщиков проделки небожителям;
ты же бросил меня на произвол без сожаления.
Ах, что людям, скажи, делать? кому можно доверятся?
Ненавязчиво так в душу ко мне влазил ты, вредина,
и к любви понуждал — мог ли я быть предусмотрителен?
Сам же нынче в кусты: все словеса пущены по ветру,
все поступки твои дымом по воздуху развеяло.
Как ни прячься, в богах память жива, помнит Доверие,
от которых тебе — и поделом — крепко достанется.

XXXI

Paene insularum, Sirmio, insularumque
ocelle, quascumque in liquentibus stagnis
marique vasto fert uterque Neptunus,
quam te libenter quamque laetus in viso,
vix mi ipse credens Thuniam atque Bithunos
liquisse campos et videre te in tuto!

o quid solutis est beatius curis,
cum mens onus reponit, ac peregrino
labore fessi venimus larem ad nostrum
desideratoque acquiescimus lecto?
hoc est quod unum est pro laboribus tantis.

salve, o venusta Sirmio, atque ero gaude
gaudente, vosque, o Lydiae lacus undae,
ridete, quidquid est domi cachinnorum!

Перл островов и полуостровов, Сирмий!
всех из глубин озерных и морских взятых
обоими Нептунами когда-либо, —
как рад и как доволен я, тебя видя;
не верится, что далеко поля финов
с вифинами, что ты передо мной тот же!

О кто блаженней сбросивших забот бремя,
когда, с души сваливши груз и путь трудный
преодолев, приходим к нашему Лару
и на желанном отдыхаем влать ложе?
Такою пусть награда за труды будет!

Эй, радуйся, прелестный Сирмий, владельцу;
вы, волны озерца Лидийского, смейтесь!
Все хохоты, раздайтесь, сколько есть в доме!

XXXII

Amabo, mea dulcis Ipsitilla,
meae deliciae, mei lepores,
iube ad te veniam meridiatum.
et si iusseris, illud adiuvato,
ne quis liminis obseret tabellam,
neu tibi lubeat foras abire;
sed domi maneat paresque nobis
novem continuas fututiones.
verum, si quid ages, statim iubeto:
nam pransus iaceo et satur supinus
pertundo tunicamque palliumque.

Будь, моя баловница Ипситилла,
наслажденья мои, мое приятство,
так любезна, вели прийти мне в полдень.
А велишь — посодействуй, чтобы двери
перед носом никто другой не запер,
чтоб тебе не взбрело пойти куда-то;
будь же дома и приготовься к нашим
девяти непрерывным поражениям.
Если ж некогда будет — не замедли
с повеленьем, не то проткну я, сытый,
павши навзничь, поддёвку и накидку.

XXXIII

O furum optime balneariorum,
Vibenni pater et cinaede fili
(nam dextra pater inquinatiore,
culo filius est voraciore),
cur non exilium malasque in oras
itis? quandoquidem patris rapinae
notae sunt populo, et natis pilosas,
fili, non potes asse venditare.

О Вибенний-отец, ворюга банный
знаменитейший, и сынок блудливый
(ибо ловкостью всех отец коварней,
всех сынок необузданнее задом), —
отчего б не уехать вам отсюда
прочь, поскольку отца известны кражи
каждому, а мохнатую жопёнку
ты, сынок, и за грош продать не можешь?

XXXIV

Dianae sumus in fide
puellae et pueri integri,
[Dianam pueri integri]
puellaeque canamus:

'o Latonia, maximi
magna progenies Iovis,
quam mater prope Deliam
deposivit olivam,

montium domina ut fores
silvarumque virentium
saltuumque reconditorum
anniumque sonantum.

tu Lucina dolentibus
Iuno dicta puerperis,
tu potens Trivia et notho es
dicta lumine Luna.

Под опекой Дианиной
девы, отроки чистые, —
девы чистые, отроки,
воспоем же Диану:

«О Латония, веляя
дщерь Юпитера горнего,
мать которую спрятала
под маслиной делийской,

чтоб горам дать хозяйошку
и лесам зеленеющим,
потаенным ущелиям
и ручьям говорливым.

То — при схватках — Люкина ты,
то Юнона — родильницам,
то ты Тривия, то Луна
с уворованным светом.

tu cursu, dea, menstruo
metiens iter annum,
rustica agricolae bonis
 tecta frugibus explēs.

sis quocumque tibi placet
sancta nomine, Romulique,
antique ut solita es, bona
 sospites ope gentem!

Годовой ты, богиня, путь
бегом месячным меряешь,
урожай принося в дома
 поселянам дородным.

Под любым почитаема
будь же именем, Ромула —
по обычаю древнему —
 благом род укрепляя!»

XXXV

Poetae tenero, meo sodali,
velim Caecilio, papyre, dicas
Veronam veniat, Novi relinquens
Comi moenia Lariumque litus:
nam quasdam volo cogitationes
amici accipiat sui meique.

quare, si sapiet, viam vorabit,
quamuis candida milies puella
euntem revocet manusque collo
ambas iniciens roget morari,
quae nunc, si mihi vera nuntiantur,
illum deperit impotente amore.

nam quo tempore legit incohatam
Dindymi dominam, ex eo misellae
ignes interiorem edunt medullam.
ignosco tibi, Sapphica puella
musa doctior; est enim venuste
Magna Caecilio incohata Mater.

Ты приятелю моему, повестка,
нег поэту Кекилию предпишешь
торопиться в Верону, крепость Кома
Нового и Ларийский брег оставив, —
хочется, чтоб одобрил кой-какие
своего ль, моего ль задумки друга.

Если внимет, ему дорога — скатерть,
сколько бы белокурая малышка
ни вzywала и не спешить, руками
шею нежно обвивши, ни просила, —
коль то верно, что сказывают, ныне
гибельно не любить она не в силах.

С той поры, как она прочла начало
«Диндимы всевладычицы», бедняжке
огнь все сердце до глубины снедает.
Я прощаю тебе, мудрей малышка
музы Сапфы, — начало же прелестно
и Кекилию «Матери великой».

XXXVI

Annales Volusi, cacata carta,
votum solvite pro mea puella:
nam sanctae Veneri Cupidinique
vovit, si sibi restitutus essem
desissemque truces vibrare iambos,
electissima pessimi poetae
scripta tardipedi deo daturam
infelicibus ustulanda lignis,
et hoc pessima se puella vidit
iocose lepide vovere divis.

nunc, o caeruleo creata ponto,
quae sanctum Idalium Uriosque apertos
quaeque Ancona Gnidumque harundinosam
colis quaeque Amathunta quaeque Golgos
quaeque Durrachium, Hadriae tabernam,
acceptum face redditumque votum,
si non illepidum neque invenustum est.
at vos interea venite in ignem,
pleni ruris et inficetiarum,
annales Volusi, cacata carta!

Книг Волюсия засранные свитки,
вам исполнить обет моей малышки,
что Венерам святым и Купидонам
обещала: как только к ней вернусь я
и метать перестану грозны ямбы,
попалить никудышнего поэта
избранное на проклятых поленьях
богу медленному в угоду, —
сей обет никудышной был малышкой
дан богам для забавы, шутки ради.

О рожденная морем синеватым,
кней и Амафунт, и Голг жилища,
и Идалий святой, и тростниковый
Книд, и Урий открытый, и Анкона,
и — кабак Адриатики — Дуррахий,
получи и верни обет обратно,
если мил и ничуть не неприятен!
Вы же в пламя тем временем пройдите,
деревенщины полные, заразы
книг Волюсия засранные свитки!

XXXVII

Salax taberna vosque contubernales,
a pilleatis nona fratribus pila,
solis putatis esse mentulas vobis,
solis licere, quidquid est puellarum
confutuere et putare ceteros hircos?
an, continenter quod sedetis insulsi
centum an ducenti, non putatis ausurum
me una ducentos irrumare sessores?
atqui putate: namque totius vobis
frontem tabernae scorpionibus scribam!
puella nam mi, quae meo sinu fugit,
amata tantum quantum amabitur nulla,
pro qua mihi sunt magna bella pugnata,
consedit istic. – hanc boni beatique
omnes amatis, et quidem, quod indignum est,
omnes pusilli et semitarii moechi;
tu praeter omnes une de capillatis,
cuniculosae Celtiberiae fili,
Egnati, opaca quem bonum facit barba
et dens Hibera defricatus urina.

Разнузданный с набравшимся кабаком сбродом
(девятый столб от околпаченных братьев),
ужели только вашим и торчать хренам
и только вам дозволено всех малышей
перепирать, козлами посчитав прочих?
Ужели, если сотня или две сселось
неостроумных вместе вас, — мне две сотни
сидящих в одиночку не отмужичить?
Нет — лучше я и вдоль и поперек стены
кабацкие снаружи испишу бранью!
Малышка, что с моих коленей сбежала,
любима мною так, как ни одна больше,
из-за кого кулачные я вел войны,
уселась там. Красавцы знатные любят
до одного ее, но что того хуже,
до одного паршивых кобелей свора,
а пуще остальных один из обросших,
сын Кельтиберии крольчиной, Эгнатий,
кого густая делает брада знатным
и зубы, что иберскою мочой терты.

XXXVIII

Malest, Cornifici, tuo Catullo,
malest, me hercule, et laboriose,
et magis magis in dies et horas.
quem tu, quod minimum facillimumque est,
qua solatus es allocutione?
irascor tibi. – sic meos amores?
paulum quidlubet allocutionis,
maestius lacrimis Simonideis!

Безотрадно Катуллу, Корнификий,
безотрадно, ей-богу, и труднее
с каждым часом и днем все больше, больше.
Что ж ты так до сих пор обыкновенным
сожаленьем меня и не утешил?
Я рассержен. — Вот так с моей любовью?
Сожаленья какого-нибудь каплю,
пусть надрывней рыданий Симонида!

XXXIX

Egnatius, quod candidos habet dentes,
renidet usque quaque. – si ad rei ventum est
subsellium, cum orator excitat fletum,
renidet ille. – si ad pii rogum filii
lugetur, orba cum flet unicum mater,
renidet ille. – quidquid est, ubicumque est,
quodcumque agit, renidet: hunc habet morbum,
neque elegantem, ut arbitror, neque urbanum.

quare monendum est [te] mihi, bone Egnati:
si urbanus esses aut Sabinus aut Tiburs
aut pinguis Umber aut obesus Etruscus
aut Lanuvinus ater atque dentatus
aut Transpadanus, ut meos quoque attingam,
aut quilubet, qui puriter lavit dentes,
tamen renidere usque quaque te nollem:
nam risu inepto res ineptior nulla est.

Эгнатий, оттого что так белы зубы,
все скалится без дела. Так в суде дело
заслушивают, все до одного плачут —
он скалится. Когда, упав на гроб сына
единственного, мать скорбит и льет слезы —
он скалится. Когда бы, как бы и чем бы
ни занимался — скалится. Порок этот
и не красив, по-моему, и не вежлив.

А посему напомним, знатный Эгнатий,
что римлянин, сабинец, или тибурец,
иль скопидомный умбр, или этруск жирный,
иль мрачный ланувин, к тому же зубатый,
иль транспаданец (трону и своих тоже),
иль кто угодно, чистящий свои зубы,
не скалится без дела, и тебе так бы:
зане, чем глупый смех, глупее нет дела.

nunc Celtiber [es]: Celtiberia in terra,
quod quisque minxit, hoc sibi solet mane
dentem atque russam defricare gingivam,
ut quo iste vester expolitor dens est,
hoc te amplius bibisse praedicet loti.

Но ты-то кельтибер, а в Кельтибер землях
обычай: сколько б утром ни надул, в зубы
себе вливать и докрасна тереть десны, —
а значит, каждый зуб из всех твоих чистых
кричит, какими струями его мыли.

XL

Quaenam te mala mens, miselle Ravide,
agit praecipitem in meos iambos?
quis deus tibi non bene advocatus
vecordem parat excitare rixam?
an ut pervenias in ora vulgi?
quid vis? qualubet esse notus optas?
eris, quandoquidem meos amores
cum longa voluisti amare poena!

Что за умысел злой тобой, бедняжка
Равид, в ямбы мои ввалиться движет?
Бог какой, не ко времени накликав,
спор безумный раздуть тебя сподобил?
Или быть на устах у черни хочешь?
Что тебе? захотелось стать известным?
Станешь, так как мою любовь удумал
полюбить — вместе с карой вековечной!

XLI

Ameana, puella defututa,
tota milia me decem poposcit,
ista turpiculo puella naso,
decoctoris amica Formiani.

propinqui, quibus est puella curae,
amicos medicosque convocate:
non est sana puella, nec rogare,
qualis sit: solet aes imaginosum.

Амеана, испертая малышка,
десять тысяч содрать с меня решила, —
та малышка с невыносимым носом,
проходимца формийского подружка.

Родственнички, заботой окруживши,
к ней дружков с лекарями созовите:
безнадежно больна, тяжелый случай. —
Чем? — Да бредит какими-то деньгами.

XLII

Adeste, hendecasyllabi, quot estis
omnes undique, quotquot estis omnes!
iocum me putat esse moecha turpis
et negat mihi nostra reddituram
pugillaria, si pati potestis.
persequamur eam et reflagitemus!

quae sit, quaeritis? illa, quam videtis
turpe incedere, mimice ac moleste
ridentem catuli ore Gallicani.
circumsistite eam, et reflagitate:
'moecha putida, redde codicillos,
redde, putida moecha, codicillos!'

non assis facis? o lutum, lupanar,
aut si perditius potes quid esse,
sed non est tamen hoc satis putandum.
quod si non aliud potest ruborem
ferreo canis exprimamus ore.
conclamate iterum altiore voce:
'moecha putida, redde codicillos,
redde, putida moecha, codicillos!'

Отовсюду, одиннадцатисложки,
как один, сколько б ни было, сбегайтесь!
Шутки шутит хромая тварь со мною
и не хочет того, что ею взято,
ни в какую отдать — невыносимо.
Так догоним ее мы и прикажем!

Знать хотите какая? Вон хромает
вам навстречу, притворно и противно
скаля зубы подобно сучке галльской.
Окружите ж ее и прикажите:
«Тварь вонючая, дай сюда расписку,
дай, вонючая тварь, сюда расписку!»

Ни во грош нас не ставишь? Мразь, блядюшник
или то, что последнего развратней, —
ей и этого, видно, маловато!
Раз ничем не пронять, хотя бы в краску
мы собаку с железной мордой вгоним —
заорите ж по новой, только громче:
«Тварь вонючая, дай сюда расписку,
дай, вонючая тварь, сюда расписку!»

sed nil proficimus, nihil movetur.
mutanda est ratio modusque vobis,
siquid proficere amplius potestis:
'pudica et proba, redde codicillos'.

Безуспешно — ничем не расшевелим.
Может, переменив и тон, и способ,
вы достигнете большего успеха:
«Не отдашь ли, стыдливая, расписку?»»

XLIII

Salve, nec minimo puella naso
nec bello pede nec nigris ocellis
nec longis digitis nec ore sicco
nec sane nimis elegante lingua,
decoctoris amica Formiani.
ten provincia narrat esse bellam?
tecum Lesbia nostra comparatur?
o saeculum insapiens et infacetum!

Эй, малышка, ни маленького носа,
ни чернеющих глаз, ни стройных ножек,
ни опрятного рта, ни длинных пальцев,
ни изысканной речи у которой,
проходимца Формийского подружка!
Называют красивой в захолустье
не тебя ль, с нашей Лесбией равняя?
Поколение — ни ума, ни вкуса!

XLIV

O funde noster, seu Sabine seu Tiburs
(nam te esse Tiburtem autumant, quibus non est
cordi Catullum laedere; at quibus cordi est,
quovis Sabinum pignore esse contendunt),
sed seu Sabine sive verius Tiburs,
fui libenter in tua suburbana
villa, malamque pectore expuli tussim,
non inmerenti quam mihi meus venter,
dum sumptuosas appeto, dedit, cenas.
nam, Sestianus dum volo esse conviva,
orationem in Antium petitozem
plenam veneni et pestilentiae legi.
hic me gravedo frigida et frequens tussis
quassavit usque, dum in tuum sinum fugi,
et me recuravi otioque et urtica.

quare refectus maximas tibi grates
ago, meum quod non es ulta peccatum.
nec deprecor iam, si nefaria scripta
Sesti recepso, quin gravedinem et tussim
non mi, sed ipsi Sestio ferat frigus,
qui tunc vocat me, cum malum librum legi.

О наш надел, сабинец или тибурец
(зане тебя сабинцем назовут те, кто
не по сердцу Катуллу, — где бы ты ни был,
тибурцем те, кто по сердцу, тебя кличут);
так вот, сабинец иль, вернее, тибурец,
на загородной славно я твоей даче
побыл, прогнав противный из груди кашель, —
в нем виновато чрево предо мной, жадно
обильному обеду на беду сдавшись.
Там по соседству с Сестием мне сесть вышло,
читавшим против Антия свои речи,
заразы преисполненные и яда.
Я весь похолодел и подхватил кашель,
что бил меня, покуда под твоим кровом
бездельем и крапивой не исцелился.

А посему за то, что мне простил слабость,
премного благодарен я тебе, лекарь.
Не откажусь, зловещее приглашение
от Сестия приняв, но чур не мой кашель,
пускай похолодеет Сестий сам, если,
зазвав, своей зловредной угостит книгой.

XLV

Acmen Septimius suos amores
tenens in gremio: 'mea,' inquit, 'Acme,
ni te perdit amo atque amare porro
omnes sum assidue paratus annos,
quantum qui pote plurimum perire,
solus in Libya Indiaque tosta
caesio veniam obvius leoni'.
hoc ut dixit, Amor, sinistra ut ante,
dextra sternuit approbationem.

at Acme leviter caput reflectens
et dulcis pueri ebrios ocellos
illo purpureo ore suaviata,
'sic,' inquit, 'mea vita, Septimille,
huic uni domino usque serviamus,
ut multo mihi maior acriorque
ignis mollibus ardet in medullis'.
hoc ut dixit, Amor, sinistra ut ante,
dextra sternuit approbationem.

Взявши Акму, свою любовь, Септимий
на колени: «Моя, — ей молвит, — Акма,
аще до смерти не люблю и паче
я любить не готов тебя прилежно
все года, как на гибель обреченный,
чтоб я, в Ливии ль, в Индии ли знойной
встретив льва, с ним вступил в единоборство».
Сказано — и Амор, налево прежде,
согласившись, теперь чихнул направо.

Акма ж, голову наклонив немножко
и в сладчайшие мальчика целуя
опьянелые глазки ртом пурпурным:
«Жизнь моя, — ему молвит, — так послужим
одному мы, Септимчик, господину, —
в наших нежных сердцах да воспылает
огнь желаний еще сильней и жарче».
Сказано — и Амор, налево прежде,
согласившись, теперь чихнул направо.

nunc ab auspicio bono profecti
mutuis animis amant amantur.
unam Septimius misellus Acmen
mavult quam Syrias Britanniasque,
uno in Septimio fidelis Acme
facit delicias libidinisque.
quis ullos homines beatiores
vidit, quis Venerem auspiciorem?

Вот, начавшие с доброго знаменья
любят единодушно и любимы:
и Септимий-бедняжка только Акму
хочет больше всех Сирий и Британний;
и Септимию преданная Акма
с ним лишь делит утехы да забавы.
Кто кого-нибудь из людей блаженной
видел?! кто — знаменательней Венеру?!

XLVI

Iam ver egelidos refert tepores,
iam caeli furor aequinoctialis
iucundis Zephyri silescit aureis.
linquantur Phrygii, Catulle, campi
Nicaeaeque ager uber aestuosae:
ad claras Asiae volemus urbes!
iam mens praetrepidans avet vagari,
iam laeti studio pedes vigescunt.

o dulces comitum valetе coetus,
longe quos simul a domo profectos
diversae varie viae reportant.

Уж теплом воздаст весна за холод,
уж и бурь равноденственную смуту
усмиряет Зефир дыханьем легким.
От фригийских полей, Катулл, отправясь,
знойной долов Nikeи изобильных,
к светлым Азии полетим столицам!
Уж трепещет душа от жажды странствий,
уж отрадно бодрит стремленье ноги.

О приятные спутники, прощайте!
Те, кто вместе от дома удалились,
врозь дорогами разными вернуться.

XLVII

Porci et Socraton, duae sinistrae
Pisonis, scabies famesque mundi,
vos Veraniolo meo et Fabullo
verpus praeposuit Priapus ille?
vos convivia lauta sumptuose
de die facitis? mei sodales
quaerunt in trivio vocationes.

Ненасытность и похоть, пара левых
рук Писона, Сократион и Поркий,
вы ль Фабуллу и моему Вераше
этим прытким предпочтены Приапом?
Вы ли правите день-деньской обильный
пир? Мои же приятели напрасно
приглашения ждут на перекрестке.

XLVIII

Mellitos oculos tuos, Iuveni,
si quis me sinat usque basiare,
usque ad milia basiem trecenta.
nec numquam videar satur futurus,
non si densior aridis aristis
sit nostrae seges osculationis.

Меда слаще глаза твои, Ювентий, —
если б мне лобызать их позволялось,
трех сот тыщ лобызаний было б мало.
Я себя ощущать не буду сытым,
если класов сухих ничуть не гуще
встанут наших посева прикасаний.

XLIX

Disertissime Romuli nepotum,
quot sunt quotque fuere, Marce Tulli,
quotque post aliis erunt in annis,
gratias tibi maximas Catullus
agit, pessimus omnium poeta,
tanto pessimus omnium poeta,
quanto tu optimus omnium patronus.

Языкастейший в Ромула потомках,
сколько есть их, Марк Туллий, сколько было,
сколько после во оны будет годы!
Благодарен тебе Катулл премного,
никудашний из всех поэтов самый,
никудашний из всех поэтов так же,
как из всех ты защитников кудышний.

L

Hesterno, Licini, die otiosi
multum lusimus in meis tabellis,
ut convenerat esse delicatos:
scribens versiculos uterque nostrum
ludebat numero modo hoc modo illoc,
reddens mutua per iocum atque vinum.

atque illinc abii tuo lepore
incensus, Licini, facetiisque,
ut nec me miserum cibus iuaret
nec somnus tegeret quiete ocellos,
sed toto indomitus furore lecto
versarer, cupiens videre lucem,
ut tecum loquerer simulque ut essem.
at defessa labore membra postquam
semimortua lectulo iacebant,
hoc, iucunde, tibi poema feci,
ex quo perspiceres meum dolorem.

Допоздна от безделья мы, Ликиний,
на дощечках моих вечер играли,
что к лицу избалованным, и только:
должен каждый из нас, пища стишата,
был размером играть то так, то этак,
за вином откликаясь на насмешки.

Я расстался с тобой, твоим, Ликиний,
и умом, и приятством так растроган,
что противна была еда бедняге,
да и сон не смежал мне мирно веки —
весь на ложе, восторгом обуянный,
извертелся, рассвета дожидаясь,
чтоб с тобой говорить и быть чтоб вместе.
А потом, изнуренные в метаньях
члены как полумертвый распластавши,
сотворил я сию поэму, чтобы
ты, милоч, о моей узнал печали.

nunc audax cave sis, precesque nostras,
oramus, cave despuas, ocelle,
ne poenas Nemesis reposcat a te;
est vehemens dea: laedere hanc caveto!

А теперь, дорогуша, умоляем:
не дерзи и не плюй на наши просьбы,
а не то Немесида покарает.
Не гневи безрассудную богиню!

LI

Ille mi par esse deo videtur,
ille, si fas est, superare divos,
qui sedens adversus identidem te
spectat et audit

dulce ridentem, misero quod omnis
eripit sensus mihi: nam simul te,
Lesbia, aspexi, nihil est super mi

.

lingua sed torpet, tenuis sub artus
flamma demanat, sonitu suo
tintinant aures, gemina et teguntur
lumina nocte.

otium, Catulle, tibi molestum est:
otio exsultas nimiumque gestis;
otium et reges prius et beatas
perdidit urbes.

Тот сравнялся, кажется мне, с богами,
тот, коль то возможно, богов превыше,
кто тобой любуется то и дело,
сидя напротив,

сладкий слышит смех, что меня, беднягу,
всех лишает чувств, — на тебя лишь только,
Лесбия, взгляну — ничего мне больше

.

но язык немеет, струится пламя
по суставам зыбкое, перезвоны
дребезжат в ушах, и зеницы обе
кроются мраком.

Тягостно, Катулл, для тебя безделье —
скачешь ты и прыгаешь от безделья.
Столько встарь царей и столиц безделье
славных сгубило.

LII

Quid est, Catulle? quid moraris emori?
sella in curuli struma Nonius sedet,
per consulatum perierat Vatinius:
quid est, Catulle? quid moraris emori?

Ну что же ты, Катулл, со смертью мешкаешь?
Хват Ноний кресло получил в правительстве,
Ватиний лжеклянется ради должности, —
ну что же ты, Катулл, со смертью мешкаешь?

LIII

Risi nescio quem modo e corona,
qui, cum mirifice Vatiniana
meus crimina Calvos explicasset,
admirans ait haec manusque tollens:
'di magni, salaputium disertum!'

Рассмешил из толпы какой-то малый —
он, когда мой Ватиниевых дивно
Кальв распутывал преступлений узел,
изумленный, всплеснув руками, крикнул:
«Боги правые, карлик языкастый!»

LIV

Otonis caput oppido est pusillum,
Hirri rustica semilauta crura,
subtile et leve peditum Libonis,
si non omnia, displicere vellem
tibi et Fufidio seni recocto –
irascere iterum meis iambis
inmerentibus, unice imperator.

Крохотная Отона головенка,
Хирровы грязноватые коленки
и пердёж переливчатый Либонов —
если это не всё тебе противно
и Фуфидию, старому проньре,
вновь невинными ямбами моими,
выскачка полновластный, будь рассержен.

LV

Oramus, si forte non molestum est,
demonstres ubi sint tuae tenebrae!

te [in] Campo quaesivimus Minore,
te in Circo, te in omnibus libellis,
te in templo summi Iovis sacrato.
in Magni simul ambulatione
femellas omnes, amice, prendi,
quas vultu vidi tamen serenas,
[ac te vel] sic ipse flagitabam:
'Camerium mihi, pessimae puellae!
quaedam inquit, nudum [sinum] reduc[ens]:
'en hic in roseis latet papillis!
sed te iam ferre Herculi labos est.

tanto te in fastu negas, amice?
dic nobis ubi sis futurus, ede
audacter, committe, crede luci!
nunc te lacteolae tenent puellae?
si linguam clauso tenes in ore,

Умоляем, если ты не против,
расскажи, по каким щелям таился!

Не нашли тебя на Малом поле,
на ристалище, и в книжных лавках,
и в святом Юпитеровом храме.
Вдоль по гульбищу я, дружок, Большому
до одной перехватал всех девок,
что лицом казались посмазливей,
но тебя лишь требовал: «Малышки
никудашные, мне Камерий нужен!»
Оголивши грудь, одна сказала:
«Вот он между розовых сосочков!»
Но тебя искать — труд Геркулесов.

Что, дружок, молчишь ты так надменно?
Сообщай, где бываешь, говори же
нам открыто, все поведай свету!
Не молочные держат ли малышки?
Коль язык за зубами ты удержишь,

fructus proicies amoris omnes:
verbosa gaudet Venus loquella.
vel, si vis, licet obseres palatum,
dum vestri sim particeps amoris.

всех любви плодов лишиться можешь —
многословие Венере в радость.

Впрочем, можешь уста сжимать, коль хочешь,
лишь бы нашей был любви причастен.

LVI

O rem ridiculam, Cato, et iocosam,
dignamque auribus et tuo cachinno!
ride, quidquid amas, Cato, Catullum:
res est ridicula et nimis iocosa.
deprendi modo pupulum puellae
trusantem; hunc ego, si placet Dionae,
pro telo rigida mea cecidi.

Вот забавы предмет, Катон, и смеха,
стоит выслушать и — обхохотаться.
Позабавься, Катон, с Катуллом вместе:
случай сей так смешон и так забавен.
Залучив, как один наглец малышку
тискал, я с позволения Дионы
поразил его собственным дрекольем.

LVII

Pulchre convenit improbis cinaedis,
Mamurrae pathicoque Caesarique.
nec mirum: maculae pares utrisque,
urbana altera et illa Formiana,
impressae resident nec eluentur;
morbosi pariter, gemelli utrique,
uno in lecticulo erudituli ambo,
non hic quam ille magis vorax adulter,
rivales socii puellularum:
pulchre convenit improbis cinaedis.

Спарились непотребные прекрасно,
блудозады Кесарь и Мамурра.
И не диво: в похожих оба пятнах,
тот в столичных, а этот весь в формийских,
въевшихся глубоко, не отмываясь;
поровну необузданны двойняшки:
и подельничают искусно вместе,
в алчности ненасытной соревнуясь,
и малышечек совокупно емлют, —
спарились непотребные прекрасно.

LVIII

Caeli, Lesbia nostra, Lesbia illa,
illa Lesbia, quam Catullus unam
plus quam se atque suos amavit omnes,
nunc in quadriuis et angiportis
glubit magnanimi Remi nepotes.

Келий! Лесбия, Лесбия-то наша,
наша Лесбия, что Катуллом больше
всех своих и себя была любима,
нынче по перекресткам и проулкам
клеит Рема потомков благородных.

LVIIIb

Non custos si fingar ille Cretum,
non Ladas ego pinnipesve Perseus,
non si Pegaseo ferar volatu,
non Rhesi niveae citaeque bigae;
adde huc plumipedas volatilesque,
ventorumque simul require cursum,
quos iunctos, Cameri, mihi dicares:
defessus tamen omnibus medullis
et multis languoribus peresus
essem te mihi, amice, quaeritando.

Стражу Крита ль не уподоблялся,
Ладу ль я, крылоногому ль Персею,
не носился ль парением Пегаса,
Реса ль пары лихой и белоснежной;
всех пернатых прибавь и всех парящих
к ним, и всех разыщи ветров полеты,
чтоб, запрягши, Камерий, мне вручить их, —
утомлен всеми членами настолько
и до полной сил потери выжат
был я розысками, дружок, твоими.

LIX

Bononiensis Rufa Rifulum fellat,
uxor Meneni, saepe quam in sepulcretis
vidistis ipso rapere de rogo cenam,
cum devolutum ex igne prosequens panem
ab semiraso tunderetur ustore.

У Руфчика Бононская сосет Руфа,
Менения жена, — ее всегда видят
на кладбище хватающей с могил пищу:
нагнется за скатившимся с костра хлебом,
сжигальщику нестриженому подставясь.

LX

Num te leaena montibus Libystinis
aut Scylla latrans infima inguinum parte
tam mente dura procreavit ac taetra,
ut supplicis vocem in novissimo casu
contemptam haberes, a nimis fero corde?

Неужто ты ливийскою рожден львицей,
из лающего ль выскочил дупла Скиллы,
что уродился так жесток душой, гадок,
и смеешь вопиющего презреть голос
безжалостным, ах, сердцем на краю бездны?

LIBELLUS SECUNDUS

LXI

Collis o Heliconii
cultor, Uraniae genus,
qui rapis teneram ad virum
virginem, o Hymenaeae Hymen,
o Hymen Hymenaeae;

cinge tempora floribus
suave olentis amaraci,
flammeum cape, laetus huc
huc veni, niveo gerens
luteum pede soccum;

excitusque hilari die,
nuptialia concinens
voce carmina tinnula,
pelle humum pedibus, manu
pineam quate taedam.

namque Iunia Manlio,
qualis Idalium colens

ВТОРОЙ СВИТОК

61

О жилец Геликон-горы,
сын Урании, нежную
умыкающий девушку
к мужу, о Гименей-Гимен,
о Гимен-Гименею,

благовонной душицею
вкруг висков обвяжись, и к нам,
взяв огнистый покров, явись
весел, вдев белоснежные
в обувь желтую ноги,

и, взволнованный радостным
днем, приветствуй венчание,
возглашай заклинания,
топай оземь, сосновою
потрясая свещою!

Ибо Юния Манлию,
как Венера-Идалия

venit ad Phrygium Venus
iudicem, bona cum bona
nubet alite virgo,

floridis velut enitens
myrtus Asia ramulis
quos Hamadryades deae
ludicrum sibi roscido
nutriunt umore.

quare age, huc aditum ferens,
perge linquere Thespieae
rupis Aonios specus,
nympha quos super irrigat
frigerans Aganippe,

ac domum dominam voca,
coniugis cupidam novi
mentem amore revinciens,
ut tenax hedera huc et huc
arborem implicat errans.

vosque item simul, integrae
virgines, quibus advenit
par dies, agite in modum
dicite: 'o Hymenae Hymen,
o Hymen Hymenae!' –

судодею фригийскому,
поручает себя, — с благим
знаком дева благая,

как цветущая веточка
мирта лучшего в Азии, —
поливаемый росами,
был он гамадриадами
для забавы взлелеян.

Приходи же, не мешкая,
к нам, оставив Аонии
долы с кручами Феспия,
орошенные нимфою
Аганиппой прохладной,

и вводи-ка хозяйшккой
в дом невесту, обнявшую
так любимого жадно, как
плющ рыскучий вокруг дерева
обвивается, цепок.

Вы же, девушки чистые,
для которых такие же
дни настанут когда-нибудь, —
хором: «О Гименей-Гимен,
о Гимен-Гименею!» —

ut libentius, audiens
se citarier ad suum
munus, huc aditum ferat
dux bonae Veneris, boni
coniugator amoris.

quis deus magis est ama-
tis petendus amantibus?
quem colent homines magis
caelitum, o Hymenaeae Hymen,
o Hymen Hymenaeae?

te suis tremulus parens
invocat, tibi virgines
zonula soluunt sinus,
te timens cupida novus
captat aure maritus.

tu fero iuveni in manus
floridam ipse puellulam
dedis a gremio suae
matris, o Hymenaeae Hymen,
o Hymen Hymenaeae.

nil potest sine te Venus,
fama quod bona comprobet,
commodi capere: at potest
te volente. – quis huic deo
compararier ausit?

веселей, чтоб, не мешкая,
вам внимая, к обязанно-
стям своим приступил бы уж
вождь Венеры благой, благих
сочетатель любовей.

Бог какой донимаем столь
любящими — любимыми?
Чтут кого небожителей
больше, о Гименей-Гимен,
о Гимен-Гименею?

Всяк родитель зовет тебя
к милым чадам, и девушки,
пояски развязавшие,
чуткий слух обратил к тебе
новобрачный, робея.

В руки юноше грубому
ты малышку цветущую
отдаешь с материнского
лона, о Гименей-Гимен,
о Гимен-Гименею.

Без тебя благодати нет,
что молвой одобрялась бы,
от Венеры, — с тобою же —
сколь угодно. Сравнится ли
бог какой-нибудь с этим?

nulla quit sine te domus
liberos dare, nec parens
stirpe nitier: at potest
te volente. – quis huic deo
compararier ausit?

quae tuis careat sacris,
non queat dare praesides
terra finibus: at queat
te volente. – quis huic deo
compararier ausit?

claustra pandite ianuae!
virgo adest. – viden, ut faces
splendidas quatiunt comas?

.
.

.
.

tardet ingenuus pudor:
quem tamen magis audiens
flet, quod ire necesse est.

flere desine! non tibi Au-
runculeia periculum est,
ne qua femina pulchrior
clarum ab Oceano diem
viderit venientem.

Без тебя опустеет дом,
ведь хозяин останется
без потомства, — с тобою же —
сколь угодно. Сравнится ли
бог какой-нибудь с этим?

Прекратись твои таинства —
и границам защитников
не́ даст родина, — с ними же —
сколь угодно. Сравнится ли
бог какой-нибудь с этим?

Распахнитесь пред девою,
двери! — Видишь, как светочи
блещут сéребром локонов?

.
.

.
.

стыд природный мешает ей:
плачет, им заморожена,
а ведь надо идти-то.

Ну не плачь! ибо вне ты, Ав-
рункулея, опасности,
и прекраснее женщины
не увидит пресветлого
дня восход с Океана.

talis in vario solet
divitis domini hortulo
stare flos hyacinthinus.
sed moraris, abit dies:
[prodeas nova nupta.]

prodeas nova nupta, si
iam videtur, et audias
nostra verba. – vide, ut faces
aureas quatiunt comas?
prodeas nova nupta.

non tuus levis in mala
deditus vir adultera,
probra turpia persequens,
a tuis teneris volet
secubare papillis,

lenta sed velut adsitas
vitis implicat arbores,
implicabitur in tuum
complexum. – sed abit dies:
prodeas nova nupta.

o cubile, quod omnibus
.....
.....
.....
candido pede lecti,

Так в саду распускается
пестром цвет иакинфовый
у хозяина знатного.
Но ты медлишь. — Смеркается, —
новобрачная, выйди.

Новобрачная, выйди, коль
ты не против, и выслушай
сказ наш. — Видишь, как светочи
блещут золотом локонов, —
новобрачная, выйди.

Твой бесстыдно развратничать
муж, порыву преступному
легкомысленно следуя,
не осмелится, нежные
эти бросив сосочки, —

как лозою обвитое
гибкой дерево намертво,
так же будет в объятиях
он твоих. — Но смеркается, —
новобрачная, выйди.

О постель, всевозможными
.
.
.
ложка белою ножкой,

quae tuo veniunt ero,
quanta gaudia, quae vaga
nocte, quae medio die
gaudeat! sed abit dies:
 prodeas nova nupta.

tollite, [o] pueri, faces:
flammeum video venire.
ite, concinite in modum:
'io Hymen Hymenaeae io,
 io Hymen Hymenaeae!'

ne diu taceat procax
fescennina iocatio,
nec nuces pueris neget
desertum domini audiens
 concubinus amorem.

da nuces pueris, iners
concubine! satis diu
lusisti nucibus: lubet
iam servire Talasio.
 concubine, nuces da.

sordebant tibi villicae,
concubine, hodie atque heri:
nunc tuum cinerarius
tondet os. – miser, a miser
 concubine, nuces da!

доставляя хозяевам
удовольствия, коими
зыбкой ночью ли, в полдень ли
радует! — Но смеркается, —
новобрачная, выйди.

Выше, юноши, светочи! —
Вон огнистый покров мелькнул.
В путь, и хором воспойте-ка:
«Ой Гимен-Гименею ой,
ой Гимен-Гименею!»

Раздаются потешные
скоморошины, мальчиков
угощает орешками
господином отставленный
от любви наложник.

Дай, наложник оставленный,
им орешков — достаточно
наигрался орешками:
послужи-ка Таласию.
Дай, наложник, орешков!

Лишь намедни бабенками
ты, наложник, гнушался, но
вот уже и цирюльником
брит. Ах, бедный-несчастненький,
дай, наложник, орешков!

diceris male te a tuis
unguentate glabris marite
abstinere, sed abstine.
io Hymen Hymenaeae io,
 [io Hymen Hymenaeae.]

scimus haec tibi quae licent
sola cognita, sed marito
ista non eadem licent.
io Hymen Hymenaeae io,
 io Hymen Hymenaeae.

nupta, tu quoque, quae tuus
vir petet, cave ne neges,
ni petitum aliunde eat.
io Hymen Hymenaeae io,
 io Hymen Hymenaeae.

en tibi domus ut potens
et beata viri tui,
quae tibi sine serviat
(io Hymen Hymenaeae io,
 io Hymen Hymenaeae),

usque dum tremulum movens
cana tempus anilitas
omnia omnibus annuit.
io Hymen Hymenaeae io,
 io Hymen Hymenaeae.

Скажешь, трудно женатому
от юнцов напомаженных
воздержаться, — но воздержись!
Ой Гимен-Гименею ой,
ой Гимен-Гименею.

Знаем, все, что дозволено,
ты познал, но женатому
это все не дозволено.
Ой Гимен-Гименею ой,
ой Гимен-Гименею.

Ты, жена, если просит твой
муж, давай — не отказывай,
а не то он к другим пойдет.
Ой Гимен-Гименею ой,
ой Гимен-Гименею.

Твоего пред тобою дом
мужа, крепок и благостен, —
в нем ты будешь хозяйничать
(ой Гимен-Гименею ой,
ой Гимен-Гименею)

до трясущейся старости,
седовласой и немощной,
безразлично кивающей.
Ой Гимен-Гименею ой,
ой Гимен-Гименею.

transfer omine cum bono
limen aureolos pedes,
rasilemque subi forem!
io Hymen Hymenaeae io,
 io Hymen Hymenaeae.

aspice, intus ut accubans
vir tuus Tyrio in toro
totus immineat tibi.
io Hymen Hymenaeae io,
 io Hymen Hymenaeae.

illi non minus ac tibi
pectore uritur intimo
flamma, sed penite magis.
io Hymen Hymenaeae io,
 io Hymen Hymenaeae.

mitte brachiolum teres,
praetextate, puellulae:
iam cubile adeat viri.
io Hymen Hymenaeae io,
 io Hymen Hymenaeae.

[vos] bonae senibus viris
cognitae bene feminae,
collocate puellulam!
io Hymen Hymenaeae io,
 io Hymen Hymenaeae.

По благому обычаю
через порог перешагивай
мимо створок начищенных.
Ой Гимен-Гименею ой,
ой Гимен-Гименею.

Глянь-ка, муж твой прилег уже
на подушечки тирские
и тебя дожидается!
Ой Гимен-Гименею ой,
ой Гимен-Гименею.

Он сжигаем и пламенем
задушевным не менее
твоего — даже более.
Ой Гимен-Гименею ой,
ой Гимен-Гименею.

Локоточек малышечки,
дружка, выпусти — в спальне быть
ей пора бы супружеской.
Ой Гимен-Гименею ой,
ой Гимен-Гименею.

Вы же, единомужницы,
благочестные тетушки,
уложите малышечку!
Ой Гимен-Гименею ой,
ой Гимен-Гименею.

iam licet venias, marite:
uxor in thalamo tibi est,
ore floridulo nitens
alba parthenice velut
 luteumve papaver.

at, marite, ita me iuvent
caelites, nihilo minus
pulcher es, neque te Venus
neglegit. – sed abit dies:
 perge, ne remorare!

non diu remoratus es:
iam venis, bona te Venus
iuverit, quoniam palam
quod cupis cupis et bonum
 non abscondis amorem.

ille pulveris Africi
siderumque micantium
subducat numerum prius,
qui vestri numerare volt
 multa milia ludi.

ludite, ut lubet, et brevi
liberos date! non decet
tam vetus sine liberis
nomen esse, sed indidem
 semper ingenerari.

Муж, пора бы входить в нее!
На постели жена твоя,
ясным ликом цветущая
ярче белого девника
или желтого мака.

Не дадут небожители
мне соврать! ты не менее,
муж, прекрасен, Венерою
не забыт. — Но смеркается, —
начинай же, не медли!

Ты не слишком медлителен —
вот, с Венериной помощью,
входишь и долгожданное
получаешь, благой своей
не скрывая любви.

Пусть и лучики звездные,
и пески африканские
исчислит предварительно
тот, кто ваших задумает
игр исчислять тыщи.

Вам играть, как захочется,
и детей наживать! Не след
оставаться столь древнему
без наследников роду — но
прирастать постоянно.

Torquatus volo parvulus
matris e gremio suae
porrigens teneras manus
dulce rideat ad patrem
semihante labello.

sit suo similis patri
Manlio et facile insciis
noscitetur ab omnibus
et pudicitiam suae
matris indicet ore.

talis illius a bona
matre laus genus approbet,
qualis unica ab optima
matre Telemacho manet
fama Penelopeo.

claudite ostia, virgines:
lusimus satis. – at boni
coniuges, bene vivite et
munere assiduo valentem
exercete iuventam!

Чтоб младенец Торкватушка,
на коленях у матушки
сидя, ручки протягивал
к папе, сладко смеялся бы,
губки приоткрывая.

Пусть походит на Манлия
и легко посторонними
ото всех отличается,
личиком целомудрие
матушки выражая.

Славу добрую матушки
пусть сынок унаследует,
как от лучшей из матерей
Пенелопы воспринята
Телемахом известность.

Девы, двери захлопните! —
вволю мы напотешились.
Жить, супруги, вам счастливо,
службу младости радостной
исполняя прилежно!

LXII

Vesper adest: iuvenes, consurgite! Vesper Olympo
exspectata diu vix tandem lumina tollit.
surgere iam tempus, iam pinguis linquere mensas:
iam veniet virgo, iam dicitur Hymenaeus:

'Hymen o Hymenae, Hymen ades o Hymenae!'

cernitis, innuptae, iuvenes? consurgite contra!
nimirum Oetaeos ostendit Noctifer ignes.
sic certest: viden, ut pernicious exsiluere?
non temere exsiluere: canent, quod vincere par est:

'Hymen o Hymenae, Hymen ades o Hymenae!'

non facilis nobis, aequales, palma parata est:
aspicite, innuptae secum ut meditata requirunt!
non frustra meditantur: habent, memorabile quod sit;
nec mirum, penitus quae tota mente laborant.
nos alio mentes, alio divisimus aures;
iure igitur vincemur: amat victoria curam.
quare nunc animos saltem convertite vestros!
dicere iam incipient, iam respondere decebit.

Hymen o Hymenae, Hymen ades o Hymenae!

Вечер настал — пора, вставайте, юноши! Блещет по-над Олимпом звезды вечерней свет долгожданный. Время вставать, и столы оставить тучные время — дева уже идет, уже Гименей призываем:

«О Гименей-Гимен, явись, о Гимен-Гименею!»

Юношам что ж уступать, молодки? Вставайте напротив! Ноченосец огонь всюю являет этейский.

Так и есть — как они подскочили проворно-то, видишь? Подскочили не зря — запоют и победу стяжают:

«О Гименей-Гимен, явись, о Гимен-Гименею!»

Не достанется нам легко, ровесники, пальма — гляньте, молодки в себя углубились, приступ готовя!

Неспроста — таят, видать, необычное что-то, и не диво, что вглубь все мысли они устремляют.

Наши мысли иным, иным заполнены чувства; быть побежденными нам — победа старание любит.

Сосредоточьте всё теперь внимание ваше!

Петь вот-вот начнут, вот-вот отвечать им придется.

О Гименей-Гимен, явись, о Гимен-Гименею!

Hespere, quis caelo fertur crudelior ignis?
qui natam possis complexu avellere matris,
complexu matris retinentem avellere natam
et iuveni ardenti castam donare puellam.
quid faciunt hostes capta crudelius urbe?

Hymen o Hymenaeae, Hymen ades o Hymenaeae!

Hespere, quis caelo lucet iucundior ignis?
qui desponsa tua firmes conubia flamma,
quae pepigere viri, pepigerunt ante parentes,
nec iunxere prius, quam se tuus extulit ardor.
quid datur a divis felici optatius hora?

Hymen o Hymenaeae, Hymen ades o Hymenaeae!

.
.
Hesperus e nobis, aequales, abstulit unam!
.
.

[Hymen o Hymenaeae, Hymen ades o Hymenaeae!]

namque tuo adventu vigilat custodia semper,
nocte latent fures, quos idem saepe revertens,
Hespere, mutato comprehendis nomine Eous.
at lubet innuptis ficto te carpere questu.
quid tum, si carpunt, tacita quem mente requirunt?

Hymen o Hymenaeae, Hymen ades o Hymenaeae!

Геспер, какой огонь зияет жесточе на небе?
Ты вырываешь навек из объятий дочь материнских,
из материнских дочь объятий хранимую, дабы
юноше пылкому дать малышку чистую, вырвав.
Что вытворяют враги жестокие, град покоривши?
О Гименей-Гимен, явись, о Гимен-Гименею!

Геспер, какой огонь сияет приятней на небе?
Брак скрепляешь ты обещанный пламенем неким,
как велели мужи, прапращуры древле велели:
прежде не сочетать, чем ты свой пыл не возвысил.
Что богами дано желанней счастливого часа?
О Гименей-Гимен, явись, о Гимен-Гименею!

.....
.....
Геспер отнял у нас одну, ровесницы, нынче!
.....
.....

[О Гименей-Гимен, явись, о Гимен-Гименею!]

Ибо всегда с твоим приходом бодрствует стража,
ночью таятся вору, которых ты же и ловишь,
Геспер, воротясь под именем сменным Эоя.
Надо тебя ругать молодкам, жалуясь ложно.
Что, ругая, они за тайные мысли лелеют?
О Гименей-Гимен, явись, о Гимен-Гименею!

ut flos in saeptis secretus nascitur hortis,
ignotus pecori, nullo convolsus aratro,
quem mulcent aurae, firmat sol, educat imber;
multi illum pueri, multae optavere puellae;
idem cum tenui carptus defloruit ungui,
nulli illum pueri, nullae optavere puellae:
sic virgo, dum intacta manet, dum cara suis est;
cum castum amisit polluto corpore florem,
nec pueris iucunda manet, nec cara puellis.

Hymen o Hymenaeae, Hymen ades o Hymenaeae!

ut vidua in nudo vitis quae nascitur arvo,
numquam se extollit, numquam mitem educat uvam,
sed tenerum prono deflectens pondere corpus
iam iam contingit summum radice flagellum;
hanc nulli agricolae, nulli coluere iuveni;
at si forte eadem est ulmo coniuncta marito,
multi illam agricolae, multi coluere iuveni:
sic virgo dum intacta manet, dum inculta senescit;
cum par conubium maturo tempore adepta est,
cara viro magis et minus est invisae parenti.

[Hymen o Hymenaeae, Hymen ades o Hymenaeae!]

et tu ne pugna cum tali coniuge virgo!
non aequom est pugnare, pater cui tradidit ipse,
ipse pater cum matre, quibus parere necesse est.

Как сокрытый растет цветок за садовой оградой,
недоступен скоту домашнему, плугом не срезан,
холодный ветром, дождем питаемый, солнцем крепимый,
он и мальчикам всем, и всем желанен малышкам;
но как только не цел, затронутый тоненьким ногтем,
мальчикам он никаким, никаким не желанен малышкам; —
так и дева — мила своим, покуда не взята;
только чистый цветок пронзенным телом утрачен,
мальчикам не мила она, не отрадна малышкам.

О Гименей-Гимен, явись, о Гимен-Гименею!

Как пустая растет лоза средь чистого поля,
не поднимаясь ввысь, не давая спелые грозди,
но тяжелым стволом беспомощно книзу сгибаясь
так, что верхний побег почти касается корня, —
ни земледелам она не надобна, ни поселянкам;
но коль скоро сплелась супружества узами с вязом,
всем земледелам она уж надобна, всем поселянкам;
так и дева — зазря стареет, покуда не взята;
только в равный брак в урочное время вступает,
больше мужу мила и противна родителям меньше.

[О Гименей-Гимен, явись, о Гимен-Гименею!]

Ты же, дева, с таким супругом не спорь понапрасну!
Спорить не надо с тем, кому сам отдал отец твой,
сам отец и мать, которых слушаться должно.

virginitas non tota tua est, ex parte parentum est;
tertia pars patri est, pars est data tertia matri,
tertia sola tua est: noli pugnare duobus,
qui genero suo iura simul cum dote dederunt.

Hymen o Hymenaeae, Hymen ades o Hymenaeae!

Девственность не вся твоя — есть родителей части:
третья часть у отца и часть у матери третья,
треть одна — твоя, противу двух не поспорить,
кои вместе свои с приданым права передали.

О Гименей-Гимен, явись, о Гимен-Гименею!

LXIII

Super alta vectus Attis celeri rate maria,
Phrygium ut nemus citato cupide pede tetigit
adiitque opaca silvis redimita loca deae,
stimulatus ibi furenti rabie, vagus animis,
devolsit ilei acuto sibi pondera silice.

itaque ut relictis sensit sibi membra sine viro,
etiam recente terrae sola sanguine maculans,
niveis citata cepit manibus leve typanum,
typanum tuum, Cybele, tua, Mater, initia,
quatiensque terga tauri teneris cava digitis
canere haec suis adorta est tremebunda comitibus:

'agite ite ad alta, Gallae, Cybeles nemora simul,
simul ite, Dindymenae dominae vaga pecora,
aliena quae petentes velut exules loca
sectam meam exsecutae duce me mihi comites
rapidum salum tulistis truculentaque pelagi
et corpus evirastis Veneris nimio odio;
hilarate erae citatis erroribus animum.
mora tarda mente cedat: simul ite, sequimini

По морям промчавшись Аттис на стремительном челноке,
в глубину фригийской кущи с вожделием припустил
и, войдя в леса густые вокруг святилища божества,
там, нестойкий духом, ярим исступлением побужден,
тяготившие заостренным камнем уды себе отсек.

И едва остаток тела свой без мужества ощутив,
окропляя кровью свежей невозделанный чернозем,
подхватила вмиг руками белоснежными барабан,
барабан, о Мать Кибела, посвящающийся тебе,
по воловьей коже стала, нежнопалая, ударять
и запела, содрогаясь, перед свитой своей она:

«Ну же, мчитесь, галлы, в чащу вскачь Кибелину всей толпой,
всей толпой, заблудшие твари всевладычицы Диндимы,
кои сами на чужбину как изгнанники пронеслись,
предводимы мной, спешащей свитой по моим стопам,
над пучиной пенной, волны разъяренные одолев, —
ненавистники Венеры, обезмужившие тела,
и раскрепощенным духом порадейте же госпоже.
Мчитесь всей толпой за мною, замешательство поборов,

Phrygiam ad domum Cybeles, Phrygia ad nemora deae,
ubi cymbalum sonat vox, ubi tympana reboant,
tibicen ubi canit Phryx curvo grave calamo,
ubi capita Maenades vi iaciunt hederigerae,
ubi sacra sancta acutis ululatus agitant,
ubi suevit illa divae volitare vaga cohors,
quo nos decet citatis celerare tripudiis!

simul haec comitibus Attis cecinit notha mulier,
thiasus repente linguis trepidantibus ululat,
leve tympanum remugit, cava cymbala recrepant,
viridem citus adit Idam properante pede chorus.
furibunda simul anhelans vaga vadit, animam agens,
comitata tympano Attis per opaca nemora dux,
veluti iuvenca vitans onus indomita iugi;
rapidae duces sequuntur Gallae properipedem.

itaque, ut domum Cybeles tetigere lassulae,
nimio e labore Somnum capiunt sine Cerere.
piger his labante languore oculos sopor operit:
abit in quiete molli ravidus furor animi.

sed ubi oris aurei Sol radiantibus oculis
lustravit aethera album, sola dura, mare ferum,
pepulitque noctis umbras vegetis sonipedibus,
ibi Somnus excitam Attin fugiens citus abiit;
trepidante eum recepit dea Pasithea sinu.

ко святилищу Кибелы, во фригийский ее хором,
где на звонких бубнов голос откликается барабан,
где фригиец из цевницы гнутой сиплый выводит гуд,
где менады головами плющепóвитыми трясут,
где зовут к священной жертве, улюлюкая навзрыд,
где богини стадом движет нескончаемый перепляс, —
вот и нам туда вприпрыжку поторапливаться пора».

Пред своею свитой Аттис, новоявленная жена,
лишь пропела, и внезапно ликований раздался лик,
барабан быстрее забухал, гулко бубны отозвались —
по цветущим Иды склонам шустрый шествует хоровод.
Тяжело дыша, безумьем подгоняемая ведет
всех заблудших кушей Аттис, — ей сопутствует барабан, —
так телица мчится, путы разорвавшая, напролом, —
и летят за быстроногой проводницею галлы вслед.

И едва в хором Кибелы прибежали, утомлены,
без Кереры Сну покорились по великих они трудах.
Навалилась им дремота, обессиленным, на глаза, —
в безмятежности восторгом обуянные улеглись.

Но как только око Солнца златоликого, просияв,
озарив прозрачный воздух, твердь земную, морскую зыбь,
разогнало тени ночи, звонконогих приободрив, —
отступил, оставив Аттис пробуждающуюся, Сон
перепуганный, на лоно Пасифеино воротясь.

ita de quiete molli rapida sine rabie,
simul ipsa pectore Attis sua facta recoluit,
liquidaque mente vidit, sine quis ubique foret,
animo aestuante rusum reditum ad vada tetulit.
ibi maria vasta visens lacrimantibus oculis,
patriam allocuta maestast ita voce miseriter:

'patria o mei creatrix, patria o mea genetrix,
ego quam miser relinquens, dominos ut erifugae
famuli solent, ad Idae tetuli nemora pedem,
ut aput nivem et ferarum gelida stabula forem
et earum omnia adirem furibunda latibula,
ubinam aut quibus locis te positam, patria, reor?
cupit ipsa pupula ad te sibi derigere aciem,
rabie fera carens dum breve tempus animus est.
egone a mea remota haec ferar in nemora domo?
patria, bonis, amicis, genitoribus abero?
abero foro, palaestra, stadio et gyminasiis?
miser, a, miser, querendum est etiam atque etiam, anime!
quod enim genus figuraest, ego non quod obierim?
ego mulier, ego adulescens, ego ephebus, ego puer;
ego gymnasi fui flos, ego eram decus olei:
mihi ianuae frequentes, mihi limina tepida,
mihi floridis corollis redimita domus erat,
linquendum ubi esset orto mihi Sole cubiculum.
ego nunc deum ministra et Cybeles famula ferar?
ego Maenas, ego mei pars, ego vir sterilis ero?
ego viridis algida Idae nive amicta loca colam?

Так, придя в себя, очнувшись, успокоившись, вразумясь, принялся усердно Аттис о случившемся вспоминать, и, умом яснея, понял, что стряслось и чего лишен, — и к волнистым водам хладным распаленного понесло. Там, увидя ширь морскую, опечалившись, на глазах со слезами вдаль к отчизне стал он жалостливо взывать:

«О отчизна, моя отчизна, мать, родительница моя!
Неужель, тебя оставив, уподобился я рабам,
от господ бегущим, жалкий, к идским кущам перенесясь,
чтобы жить у снежных высей меж прибежищами зверей
и к холодным логовищам их в неистовстве подбегать,
где, в каких местах, отчизна, расположена ты, ища?
На тебя зеницы жаждут взор направить сами собой,
на короткий миг покуда буйства дикого дух лишен.
Здесь ли мне, вдали от дома, в этих кущах существовать?
О отчизна, знать, знакомцы и родители, — как без вас?
Как без обществ и собраний, без ристалищ и площадей?
Бедный, бедный, мне осталось только сетовать вновь и вновь!
Нынче пол сменил, а прежде не менялся ли я не раз?
Я и женщина, я и подросток, я и отрок, я и дитя;
я ристалищ был надеждой, я ристателей был красотой:
многолюдными были двери, и порог мой не остывал,
у меня весь дом украшен был веночками из цветов,
где восходом солнца спальня освещаемая была.
Я ль теперь богов служанкой и Кибелиной стал рабой?
Я ль Менада? я ль обрубок? я ли выхолощенный муж?
Я ль в одетой снегом Иды обитателя превращусь?»

ego vitam agam sub altis Phrygiae columinibus,
ubi cerva silvicultrix, ubi aper nemorivagus?
iam iam dolet quod egi, iam iamque paenitet.'

roseis ut huic labellis sonitus [citus] abiit
geminas deorum ad aures nova nuntia referens,
ibi iuncta iuga resolvens Cybele leonibus
laevumque pecoris hostem stimulans ita loquitur:

'agedum,' inquit, 'age ferox [i], fac ut hunc furor [agitet],
fac uti furoris ictu reditum in nemora ferat,
mea libere nimis qui fugere imperia cupit.
age caede terga cauda, tua verbera patere,
fac cuncta mugienti fremitu loca retonent,
rutilam ferox torosa cervice quate iubam!'

ait haec minax Cybele religatque iuga manu.
ferus ipse sese adhortans rapidum incitat animo,
vadit, fremit, refringit virgulta pede vago.
at ubi humida albicantis loca litoris adiit,
teneramque vidit Attin prope marmora pelagi,
facit impetum: illa demens fugit in nemora fera;
ibi semper omne vitae spatium famula fuit.

dea magna, dea Cybele, dea domina Dindymi,
procul a mea tuos sit furor omnis, era, domo:
alios age incitatos, alios age rapidos.

Я ли жизнь под остриями гор фригийскими проведу,
где блуждает лань лесами, где чащобами рыщет вепрь?
Как скорблю о том, что сделал, как раскаиваюсь теперь».

Лишь возвышен был губами розоватыми голосок,
до ушей богов та новость небывалая донеслась —
тут же узы пут Кибела приослабливает на львах,
разжигая пламя злобы в сердце левого, говоря:

«Ну-ка, — мол, — давай, свирепый, до безумия доведи,
вороти его пинками, обезумевшего, назад, —
от моей так просто власти он избавиться захотел.
Ну давай, ударь, как плетью, распрямляющимся хвостом,
зарычи, по всей округе чтобы отревы разнеслись,
и, храбрец жестоковыйный, рыжей гривой затряси!»

Приказав, Кибела пути вмиг развязывает рукой.
Сам себя вгоняя в буйство, раззадоривается зверь, —
бег стремит, ревет, ломает ветки лапами на пути.
А когда на влажный берег белозвончатый прибежал,
рядом с мраморною пеной Аттис нежную увидав,
подскочил — и та помчалась, перепуганная, назад:
там, в чащобах, оставаться ей пожизненной работой.

Всемогущая Кибела, всевладычица Диндимы,
стороной пускай обходят все безумства твои мой дом,
подвигай же других на буйство, раззадоривай же других!

LXIV

Peliaco quondam prognatae vertice pinus
dicuntur liquidas Neptuni nasse per undas
Phasidos ad fluctus et fines Aeetaeos,
cum lecti iuvenes, Argivae robora pubis,
auratam optantes Colchis avertere pellem
ausi sunt vada salsa cita decurrere puppi,
caerula verrentes abiegnis aequora palmis.
diva quibus retinens in summis urbibus arces
ipsa levi fecit volitantem flamine currum,
pineae coniungens inflexae texta carinae.
illa rudem cursu primam imbuit Amphitriten;
quae simulac rostro ventosum proscidit aequor
tortaque remigio spumis incanduit unda,
emersere freti candenti e gurgite vultus
aequoreae monstrum Nereides admirantes.
illa, atque [haud] alia, viderunt luce marinas
mortales oculis nudato corpore Nymphas
nutricum tenus exstantes e gurgite cano.
tum Thetidis Peleus incensus fertur amore,
tum Thetis humanos non despexit hymenaeos,
tum Thetidi pater ipse iugandum Pelea sensit.

Некогда на горе Пелийской рожденные сосны,
говорят, по волнам Нептуна кипучим поплыли
в край, где Фасиса ток и где пределы Ээта,
избранные когда мужи, аргивская юность,
золотое стремясь руно похитить Колхиды,
на проворной корме по зыби соленой помчались,
синие теребя еловыми дланями глади.
Им богиня, что стен городских созиждет высоты,
легкостью плавной сама летучий корабль оснастила,
остов соединив сосновый на выгнутом днище.
Первым тропу проторил в нетронутой он Амфитрите:
носом равнину едва взволнованную раздвоил
и забелела волна витая под веслами пеной,
из пучины седой, выныривая, показали
лица, чуду сему дивясь, nereиды морские.
Смертных очам тогда средь бела дня и предстали
обнаженные нимф тела впервые подводных
до торчащих сосцов по-над пучиной сребристой.
Тут к Фетиде Пелей воспылал, как бают, любовью,
тут не пренебрегла человеческой свадьбой Фетида,
тут сам отец сочетать Фетиду с Пелеем задумал.

o nimis optato saeclorum tempore nati
heroes, salvete, deum genus et bona matrum,
vos ego saepe, meo vos carmine compellabo.
teque adeo eximie, taedis felicibus aucte,
Thessaliae columen, Peleu, cui Iuppiter ipse,
ipse suos divum genitor concessit amores.
tene Thetis tenuit pulcherrima Nereine?
tene suam Tethys concessit ducere neptem,
Oceanusque, mari totum qui amplectitur orbem?

quae simul optatae finito tempore luces
advenere, domum conventu tota frequentat
Thessalia, oppletur laetanti regia coetu:
dona ferunt prae se, declarant gaudia vultu.
deseritur Cieros, relinquunt Pthiotica Tempe
Crannonisque domos ac moenia Larissaea,
Pharsalum coeunt, Pharsalia tecta frequentant.
rura colit nemo, mollescunt colla iuvenis,
non humilis curvis purgatur vinea rastris,
non glebam pronò convellit vomere taurus,
non falx attenuat frondatorum arboris umbram,
squalida desertis rubigo infertur aratris.
ipsius at sedes, quacumque opulenta recessit
regia, fulgenti splendent auro atque argento.
candet ebur soliiis, collucent pocula mensae,
tota domus gaudet regali splendida gaza.
pulvinar vero divae geniale locatur
sedibus in mediis, Indo quod dente politum
tinctorum tegit roseo conchyli purpura fuco.

О поколение в век весьма желанный рожденных,
здравствуйте, дети богов и благих матерей, о герои,
вас я моей не раз вас песнью затрагивать буду
и, конечно, тебя, счастливой свещою богатый,
всей Фессалии столп, Пелей, кому сам Юпитер,
сам родитель богов свою любовь предоставил.
Взят Фетидой не ты ль, прекраснейшей nereидой?
Тефия не тебе ль увести позволила внучку
и Океан, весь круг земной объемлющий морем?

Вот желанные дни тем временем наконец-то
наступили, и вся стеклась Фессалия к дому
без исключения, двор толпой ликующих полон:
преподносят дары, выражая лицами радость.
Обезлюдел Киер, оставлена Фтийская Темпа,
и Краннона дома, и крепости пусты Лариссы, —
все сошлись в Фарсал, стеклись под кровы Фарсала.
На поле никого, мягчают выи воловы,
ни мотыгой кривой виноградник низкий не полот,
не ворочает бык изогнутым лемехом глыбы,
не убавляет ножом садовник сени древесной,
покрывается плуг заброшенный ржою шершавой.
Но повсюду, куда ни распростирается царский
двор, лучистые там серебро сверкают и золото;
тронов белеет кость, столы блистают посудой;
весь веселится дом сверканием царских сокровищ.
На середине стоит богини брачное ложе,
бивнем индийским сплошь отделано; сверху покрыто
крашенной багрецом из розовых раковин тканью.

haec vestis priscis hominum variata figuris
heroum mira virtutes indicat arte.
namque fluentisono prospectans litore Diae
Thesea cedentem celeri cum classe tuetur
indomitos in corde gerens Ariadna furores,
necdum etiam sese quae visit visere credit,
utpote fallaci quae tum primum excita somno
desertam in sola miseram se cernat harena.
immemor at iuvenis fugiens pellit vada remis,
irrita ventosae linquens promissa procellae.
quem procul ex alga maestis Minois ocellis,
saxea ut effigies bacchantis prospicit, euhoe,
prospicit et magnis curarum fluctuat undis,
non flavo retinens subtilem vertice mitram,
non contacta levi velatum pectus amictu,
non tereti strophio lactentis vincta papillas,
omnia quae toto delapsa e corpore passim
ipsius ante pedes fluctus salis alludebant.
sed neque tum mitrae neque tum fluitantis amictus
illa vicem curans toto ex te pectore, Theseu,
toto animo, tota pendebat perdita mente.

a misera, assiduis quam luctibus externavit
spinosas Erycina serens in pectore curas
illa tempestate, ferox quo ex tempore Theseus
egressus curvis e litoribus Piraei
attigit iniusti regis Gortynia templa.

Сей покров, людей изображающий древних,
подвиги передает с искусством дивным героев.
С волнозвонного вот глядящая берега Дии
зрит уходящему вслед на быстрых судах Тесею,
в сердце чувствуя страсть безудержную, Ариадна
и не верит тому, что видит своими глазами,
от обманного сна пробужденная вдруг ощутивши
на пустынном песке одинокой себя и несчастной.
Веслами бьет на бегу беспамятный юноша воду,
обещаний пустых слова бросая на ветер.
Взором печальным вдаль со взморья глядит Миноида
иступленно — эвой! — изваянью из камня подобна,
вдаль глядит, на волнах тревоги качаясь великих.
Не покрыта глава золотая изящным убором,
не закутаны вскользь накидкой легкою плечи,
не перевиты тугой молочные стяжкой сосочки —
все, что с тела ее упало грудой небрежной,
вместе у самых ног соленые струи шевелят:
ни о том, где убор, ни о том, что накидка намокла,
не заботясь, она всем сердцем, Тесей, за тобою,
всеми мыслями, всей душой — без памяти — следом.

Ах, несчастная! как истерзала тебя Эрикина
плачем протяжным, тревог посеяв терние в сердце,
с той поры, когда Тесей отважный, отчалив
от Пирея берегов изогнутых, в области прибыл,
правимые царем Гортинии несправедливым.

nam perhibent olim crudeli peste coactam
Androgeoneae poenas exsolvere caedis
electos iuvenes simul et decus innuptarum
Cecropiam solitam esse dapem dare Minotauro.
quis angusta malis cum moenia vexarentur,
ipse suum Theseus pro caris corpus Athenis
proicere optavit potius quam talia Cretam
funera Cecropiae nec funera portarentur.
atque ita nave levi nitens ac lenibus auris
magnanimum ad Minoa venit sedesque superbas.
hunc simulac cupido conspexit lumine virgo
regia, quam suavis exspirans castus odores
lectulus in molli complexu matris alebat,
quales Eurotae praecingunt flumina myrtus
aurave distinctos educit verna colores,
non prius ex illo flagrantia declinavit
lumina, quam cuncto concepit corpore flammam
funditus atque imis exarsit tota medullis.

heu misere exagitans immitti corde furores
sancte puer, curis hominum qui gaudia misces,
quaeque regis Golgos quaeque Idalium frondosum,
qualibus incensam iactastis mente puellam
fluctibus, in flavo saepe hospite suspirantem!
quantos illa tulit languenti corde timores!
quanto saepe magis fulgore expalluit auri,
cum saevum cupiens contra contendere monstrum
aut mortem appeteret Theseus aut praemia laudis!

Прежде, говорят, поражен жестокой заразой,
за убийство неся Андрогее кару, отборных
юношей должен был и дев незамужних Кекропов
по обычаю град на корм отдавать Минотаву.
Так как, напастью такой теснимо, крепость скудела,
сам Тесей решил за милые лучше Афины
тело свое сложить, чем стольких заживо мертвых
Криту Кекропов град продолжать приношение будет.
Легким судном несом и ветром попутным, к Миносу
великодушному он пришел и селениям пышным.
Жаждающим взором едва на него взглянула царевна,
дева, что возвращена среди непорочных, приятно
благоухающих лож в объятиях матери нежных, —
миртам подобна тем, что потоки Эвроты рождают,
или пестрым, весны дыханием вызванным, краскам, —
огненный взор она от него отвела, но не прежде,
чем до глубины вобрала пламя всем телом
внутри себя и вся до мозга костей воспылала.

Ты, несчастных сердца жестоко страстью мятущий,
отрок святой, к людским тревогам мешающий радость,
и, царица, ты, чей Голг и лесистый Идалий, —
душу какими вы всколыхнули волнами малышке
пылкой, о русом так вздыхающей часто пришельце!
Сколько страхов она томящимся вынесла сердцем!
Как же часто бледней становилась блестящего злата,
со свирепым когда чудовищем жаждущий схватки
или смерти Тесей искал, или славы в награду!

non ingrata tamen frustra munuscula divis
promittens tacito suscepit vota labello.
nam velut in summo quatientem brachia Tauro
quercum aut conigeram sudanti cortice pinum
indomitus turbo contorquens flamine robur
eruit (illa procul radicitus exturbata
prona cadit, late quaevis cumque obvia frangens),
sic domito saevum prostravit corpore Theseus
nequiquam vanis iactantem cornua ventis.
inde pedem sospes multa cum laude reflexit
errabunda regens tenui vestigia filo,
ne labyrinthis e flexibus egredientem
tecti frustraretur inobservabilis error.

sed quid ego a primo digressus carmine plura
commemorem, ut linquens genitoris filia vultum,
ut consanguineae complexum, ut denique matris,
quae misera in gnata deperdita laeta[atur],
omnibus his Thesei dulcem praeoptarit amorem?
aut ut vecta rati spumosa ad litora Diae
[venerit]? aut ut eam devinctam lumina somno
liquerit immemori discedens pectore coniunx?

saepe illam perhibent ardenti corde furentem
clarisonas imo fudisse e pectore voces,
ac tum praeruptos tristem conscendere montes,
unde aciem [in] pelagi vastos protenderet aestus,
tum tremuli salis adversas procurrere in undas

Не напрасно богам она подарки сулила
в благодарность, обет губами безмолвными давши.
Будто бы дуба ствол, на Тавра вершине ветвями
машущего, иль сосны шишконосной с корою потливой
неукротимый вихрь, порывами раскачавши,
вырывает (он, исторгнутый с корнем, по склону
катится вниз, на пути сокрушая все, что ни встретит),
так повергнул Тесей укрощенное тело свирепца,
тщетно ветер пустой бодающего рогами.
Цел — назад обратив стопы со славой великой,
тонкой нитью шаг блуждающий направляет,
дабы, выходя по лабиринта изгибам,
незаметно ему в чертогах не заблудиться.

Но зачем, удалясь от начала песни, я буду
упоминать, как дочь от отчих очей убежала,
единокровной сестры объятий и матери даже,
хоть бедняжка души в пропащей не чаяла дочке,
сладкую любовь Тесея всему предпочтившей?
Иль как на челноке ко берегу пенному Дию
прибыла? Или как ее, смежившую очи
сном, уходя, супруг, душой беспамятный, бросил?

Часто, вещают, она, ярясь пылающим сердцем,
из глубины души выливала глас внятнозвучный;
то, тоскуя, она на горы крутые взбиралась,
чтобы взор устремлять чрез валы необъятной пучины;
против прибоя то вбегала в соленые волны,

mollia nudatae tollentem tegmina surae,
atque haec extremis maestam dixisse querellis,
frigidulos udo singultus ore cientem:

'sicine me patriis avectam, perfide, ab aris,
perfide, deserto liquisti in litore, Theseu?
sicine discedens neglecto numine divum,
immemor, a devota domum periuria portas?
nullane res potuit crudelis flectere mentis
consilium? tibi nulla fuit clementia praesto,
immitte ut nostri vellet miserescere pectus?
at non haec quondam blanda promissa dedisti
voce mihi, non haec miserae sperare iubebas,
sed conubia laeta, sed optatos hymenaeos:
quae cuncta aereii discerpunt irrita venti.
nunc iam nulla viro iuranti femina credat,
nulla viri speret sermones esse fidelis;
quis dum aliquid cupiens animus praegestit apisci,
nil metuunt iurare, nihil promittere parcunt:
sed simulac cupidae mentis satiata libido est,
dicta nihil miminere, nihil periuria curant.
certe ego te in medio versantem turbine leti
eripui et potius germanum amittere crevi,
quam tibi fallaci supremo in tempore dessem:
pro quo dilaceranda feris dabor alitibusque
praeda neque iniacta tumulabor mortua terra.
quaenam te genuit sola sub rupe leaena,
quod mare conceptum spumantibus exspuit undis,

воздымая подол нагими икрами мягкий,
и такие, скорбя, издавала последние вопли,
всхлипы влажным ртом леденящие исторгая:

«Ты ль, от отчих умчав алтарей меня, вероломный,
вероломный Тесей, на бреге пустынным оставил?
Ты ль, уходя, пренебрег — беспамятный, ах, на обеты —
волей богов и домой увез преступление клятвы?
Разве ничто не могло смягчить настолько жестокий
норов? Разве в тебе сострадания нет никакого,
что не сподобился нас пожалеть суровой душою?
А не такие давал обещания некогда нежным
голосом мне, вселял не такие бедняжке надежды,
но «счастливый брак», но «долгожданная свадьба», —
лишь по воздуху всё развеяли ветры напрасно.
Женщина пусть ни одна мужчины клятвам не верит,
не возлагает надежд ни одна на речи мужчины —
жаждущий дух пока чего-либо хочет добиться,
не боятся клятв, обещаний они не жалеют;
но, как только души насыщена жаждущей похоть,
сказанного не боясь, преступаемых клятв и не помнят.
Я же от верной тебя погибели, вихрем кружащей,
уберегла и скорей лишиться брата решилась,
чем в последний час тебя, обманщик, покинуть.
Отдана за то зверям на съеденье и птицам
на расклев, и землей не буду по смерти покрыта.
Породила ль тебя под скалой одинокая львица
иль извергла, зачав, волнами пенными моря

quae Syrtis, quae Scylla rapax, quae vasta Carybdis,
talia qui reddis pro dulci praemia vita?
si tibi non cordi fuerant conubia nostra,
saeva quod horrebas prisca praecepta parentis,
at tamen in vestras potuisti ducere sedes,
quae tibi iucundo famularer serva labore,
candida permulcens liquidis vestigia lymphis,
purpureave tuum consternens veste cubile.
sed quid ego ignaris nequiquam conquerar auris,
externata malo, quae nullis sensibus auctae
nec missas audire queunt nec reddere voces?
ille autem prope iam mediis versatur in undis,
nec quisquam apparet vacua mortalis in alga.
sic nimis insultans extremo tempore saeva
fors etiam nostris invidit questibus auris.
Iuppiter omnipotens, utinam ne tempore primo
Gnosia Cecropiae tetigissent litora puppes,
indomito nec dira ferens stipendia tauro
perfidus in Cretam religasset navita funem,
nec malus hic celans dulci crudelia forma
consilia in nostris requiesset sedibus hospes!
nam quo me referam? quali spe perdita nitor?
Idaeosne petam montes? at gurgite lato
discernens ponti truculentum dividit aequor?
an patris auxilium sperem? quemne ipsa reliqui
respersum iuvenem fraterna caede secuta?
coniugis an fido consoler memet amore?
quine fugit lentos incurvans gurgite remos?

Сирта, Харибда ли ненасытная, хищная ль Скилла,
что за сладкую жизнь воздаешь такую наградой?
Если были тебе не по сердцу наши во браке,
ибо строгих отца престарелого правил страшился,
все же мог бы меня и в ваши отправить жилища,
где как рабыня трудом тебе служила б отрадным,
белы ноги водой прозрачную услаждая
иль устилая твою постель покрывалом пурпурным.
Но зачем я ветрам несмысленным плачусь бесплодно,
пораженная злом, когда ни чувствам ответить,
ни услышать просьб, ни голос подать не умеют?
Одолена пока им волн почти половина,
не появлялся никто из смертных на взморье открытом.
Так в последний час судьба жестокая даже
не желает внимать, насмехаясь, жалобам нашим.
От начала времен, всемогущий Юпитер! когда бы
Кносских берегов кормы Кекроповы не касались,
дикому быку неся ужасную подать,
вероломный бы вервь не крепил корабельщик на Крите,
сей злодей, что таил под видом сладким жестокий
норов, в наших как гость жилищах приют не обрел бы.
Возлагать на что надежду? куда мне податься?
К Идским бежать ли горам? но как, широкой пучиной
отделена когда разбушеванного моря?
Иль на помощь отца положиться? Не мной ли он брошен,
кровью брата вослед обгаренному юноше мчавшей?
Иль утешиться мне любовью верной супруга?
Не бежит ли, прогнув упругие весла, пучиной?

praeterea nullo litus, sola insula, tecto,
nec patet egressus pelagi cingentibus undis,
nulla fugae ratio, nulla spes: omnia muta,
omnia sunt deserta, ostentant omnia letum.
non tamen ante mihi languescunt lumina morte,
nec prius a fesso secedent corpore sensus,
quam iustam a divis exposcam prodita multam
caelestumque fidem postrema comprecet hora.
quare, facta virum multantes vindice poena
Eumenides, quibus anguino redimita capillo
frons expirantis praeporat pectoris iras,
huc huc adventate, meas audite querellas,
quas ego, vae misera, extremis proferre medullis
cogor inops, ardens, amenti caeca furore.
quae quoniam verae nascuntur pectore ab imo,
vos nolite pati nostrum vanescere luctum,
sed quali solam Theseus me mente reliquit,
tali mente, deae, funestet seque suosque!

has postquam maesto profudit pectore voces,
supplicium saevis exposcens anxia factis,
annuit invicto caelestum numine rector,
quo motu tellus atque horrida contremuerunt
aequora concussitque micantia sidera mundus.
ipse autem caeca mentem caligine Theseus
consitus oblito dimisit pectore cuncta,
quae mandata prius constanti mente tenebat,
dulcia nec maesto sustollens signa parenti

Кровли меж тем никакой на острове нету пустынным;
выход, волн морских окруженный кольцом, не доступен;
не возможен побег; надежды нету, — всё немо,
всё безлюдно, всё погибелью угрожает.

Нет, не прежде мои со смертью померкнут зеницы,
чувства не раньше пусть ослабелое тело покинут,
чем у богов испрошу предательству казни достойной,
вымолю при конце у жителей неба опеку.

Вы, проделки мужей казнящие мстительной карой,
Эвмениды, на чьих змеящимися волосами
лицах повитых гнев, в душе кипящий, представлен,
мчите сюда, сюда, внемлите жалобам, кои
я, бедняжка, увы, стремлюсь вознести из последних
сил, пылая, слепа от ярости безрассудной.

Так как из глубины души вырывается правда,
нашему воплю вы пропасть не дадите впустую,
но — оставил как Тесей меня одинокой,
так, богини, пускай и себя, и своих он погубит».

Только лишь излила скорбящую голосом душу,
боязливо прося поступкам суровым отмщенья,
в знак подтверждения ей кивнул небесный правитель,
что земля от толчка и хладная гладь содрогнулись,
и подвигнулся свод, созвездиями блестящий.

Тотчас и сам Тесей затуманенным помрачился
разумом и все из памяти выронил, даже
тот наказ, что хранил постоянно в памяти прежде, —
он отрадный отцу скорбящему так и не подал

sospitem Erechtheum se ostendit visere portum.
namque ferunt olim, classi cum moenia divae
linquentem gnatum ventis concrederet Aegeus,
taliam complexum iuveni mandata dedisse:

'gnate mihi longa iucundior unice vita,
gnate, ego quem in dubios cogor dimittere casus,
reddite in extrema nuper mihi fine senectae,
quandoquidem fortuna mea ac tua fervida virtus
eripit invito mihi te, cui languida nondum
lumina sunt gnati cara saturata figura:
non ego te gaudens laetanti pectore mittam,
nec te ferre sinam fortunae signa secundae,
sed primum multas expromam mente querellas,
canitiem terra atque infuso pulvere foedans,
inde infecta vago suspendam linthea malo,
nostros ut luctus nostraeque incendia mentis
carbasus obscurata dicet ferrugine Hibera.
quod tibi si sancti concesserit incola Itoni,
quae nostrum genus ac sedes defendere Erecthei
annuit, ut tauri respergas sanguine dextram,
tum vero facito ut memori tibi condita corde
haec vigeant mandata, nec ulla oblitteret aetas;
ut simulac nostros invisent lumina collis,
funestam antennae deponant undique vestem,
candidaque intorti sustollant vela rudentes,
quam primum cernens ut laeta gaudia mente
agnoscam, cum te reducem aetas prospera sistet!'

знак, явившись цел узреть Эрехтееву пристань.
Прежде, бают, когда суда покидали богини
крепости, своего ветрам доверяющий сына,
юноше дал Эгей такой наказ, обнимая:

«Сын единственный мой, что жизни самой мне милее,
сын, которого я в опасный поход посылаю,
возвращенный мне недавно под самую старость,
ибо судьба моя и твоя горячая доблесть
поневоле тебя у меня вырывают, хоть очи
слабые дорогим не сыты обликом сына, —
нет, не весел тебя, не радуясь я отсылаю,
знак благой судьбы нести тебе не дозволив,
но сперва изолью во многих жалобах душу,
пеплом и перстью земной седины посыпавши, после
темное подниму ветрило на шаткую щёглу,
чтобы нашу скорбь и горе душевное наше
ткань, черненная ржой иберской, провозвещала.
Если святого тебе дозволит Итона жилица,
род хранящая наш с обителями Эрехтея
по обету, быка забрызгать кровью десницу,
то пускай у тебя записанный в памяти сердца
сей остается наказ, с годами ничуть не стираясь;
только лишь наши холмы твои зеницы завидят,
скорбные пускай все с рей ниспустят покровы
и витые ткань поднимут белую верви,
чтобы, заметив едва, в душе обильную радость
я ощутил: тебя мне день возвращает желанный!»

haec mandata prius constanti mente tenentem
Thesea ceu pulsae ventorum flamine nubes
aerium nivei montis liquere cacumen.
at pater, ut summa prospectum ex arce petebat,
anxia in assiduos absumens lumina fletus,
cum primum infecti conspexit lintea veli,
praecipitem sese scopulorum e vertice iecit,
amissum credens immiti Thesea fato.
sic funesta domus ingressus tecta paterna
morte ferox Theseus, qualem Minoidi luctum
obtulerat mente immemori, talem ipse recepit.

quae tum prospectans cedentem maesta carinam
multiplices animo volvebat saucia curas.
at parte ex alia florens volitabat Iacchus
cum thiaso Satyrorum et Nysigenis Silenis,
te quaerens, Ariadna, tuoque incensus amore.
cui Thyades passim lymphata mente furebant,
euhoe, bacchantes, euhoe, capita inflectentes.
harum pars tecta quatiebant cuspidе thyrso,
pars e divolso iactabant membra iuvenco,
pars sese tortis serpentibus incingebant,
pars obscura cavis celebrabant orgia cistis,
orgia, quae frustra cupiunt audire profani;
plangebant aliae proceris tympana palmis,
aut tereti tenuis tinnitus aere ciebant;
multis raucisonos efflabant cornua bombos
barbaraque horribili stridebat tibia cantu.

Сей наказ, что храним постоянно в памяти прежде
был Тесеем, исчез, как облако, ветра порывом
с острия горы бесследно развеяно снежной.
А отец, со стены высокой взор устремлявший
вдаль, постоянным томя зеницы тревожные плачем,
только черных ветрил надутые ткани завидел
издали, сам стремглав с вершины утеса низвергся,
в том, что жестокой судьбой Тесей погублен, уверясь.
Так под кровы вступил скорбящего дома по смерти
отчей жестокий Тесей — в какую печаль Миноиду
отчей жестокий Тесей — в какую печаль Миноиду
верг, в такую душой беспаятный сам окунулся.

Та же, глядя вослед уходящим днищам с тоскою,
множеством тревог в душе смятенной терзалась.
А с другой стороны цветущий Иакх, Ариадна,
с хором сатиров мчал и силенов нисорожденных,
только тебя ища и к тебе лишь любовью пылая.
Тут безумной толпой неистовствовали тиады,
исступленно — эвой! — качая — эвой! — головами:
потрясали те остриями жертвенных жезлов,
те метали куски растерзанной ими телицы,
те змиями себя изворотливыми обвивали,
те ковчегом пустым совершали таинства странны,
таинства, коим вотще непосвященные внемлют.
В бубны, длани вверх подъяв, ударяли иные
или тонкий звон извлекали из меди округлой;
многие из рогов хрипливый гуд выдували,
варварская свирель ужасным сипела напевом.

talibus amplifice vestis decorata figuris
pulvinar complexa suo velabat amictu.
quae postquam cupide spectando Thessala pubes
expleta est, sanctis coepit decedere divis.
hic, qualis flatu placidum mare matutino
horrificans Zephyrus proclivas incitat undas,
Aurora exoriente vagi sub limina Solis,
quae tarde primum clementi flamine pulsae
procedunt lenique sonant plangore cachinni,
post vento crescente magis magis increbescunt,
purpureaque procul nantes ab luce refulgent:
sic tum vestibuli linquentes regia tecta
ad se quisque vago passim pede discedebant.

quorum post abitum princeps e vertice Pelei
advenit Chiron portans silvestria dona:
nam quoscumque ferunt campi, quos Thessala magnis
montibus ora creat, quos propter fluminis undas
aura parit flores tepidi fecunda Favoni,
hos indistinctis plexos tulit ipse corollis,
quo permulsa domus iucundo risit odore.
confestim Penios adest, viridantia Tempe,
Tempe, quae silvae cingunt super impendentes,
Mnemosim linquens claris celebranda choreis,
non vacuos: namque ille tulit radicitus altas
fagos ac recto proceras stipite laurus,
non sine nutanti platano lentaque sorore
flammati Phaethontis et aerea cupressu.

Пышным узором таких изображений украшен,
брачное ложе покров своей обнимал поволокой.
Зрелищем жаждущий взор усладя, фессалийская юность
уходить начала, святым богам уступая.
Тут, подобно как, дыханием утренним зыбля
тихое море, Зефир толкает покатые волны,
стоит Авроре встать у порога грядущего солнца,
медленно сперва, порывом слабым гонимы,
возникают они и еле слышно хохочут,
крепнушим ветром потом вздымаются больше и больше,
и пурпурным, прочь уносясь, отливом блистают,
так же, царский кров покидая, толпой из передней
гости — каждый к себе, — пошатываясь, расходились.

После ухода их с вершины пришел Пелиона
первым Хирон, дары природные приносящий:
что поля ни родят, что край ни растит Фессалийский
меж высоких гор, что лучшего волн при потоке
теплый Фавон ни плодит дыханием животворным, —
всё принес он, сам сплетя без разбору в веночки,
запахом их наслаждаясь приятным, дом усмехнулся.
Следом прибыл Пеней, зазеленевшую Темпу,
Темпу, над коей леса, опоясывая, нависают,
славным уступив для торжеств Мнемонид хороведам,
не пустой, — ибо он принес корнями глубоких
буков и прямых стволами высокими лавров,
не без колеблющихся платанов, сожженного гибких
Фаэтона сестер и вздымающихся кипарисов.

haec circum sedes late contexta locavit,
vestibulum ut molli velatum fronde vireret.
post hunc consequitur sollerti corde Prometheus,
extenuata gerens veteris vestigia poenae,
quam quondam silici restrictus membra catena
persoluit pendens e verticibus praeuptis.
inde pater divum sancta cum coniuge natisque
advenit, caelo te solum, Phoebe, relinquens
unigenamque simul cultricem montibus Idri:
Pelea nam tecum pariter soror aspernata est
nec Thetidis taedas voluit celebrare iugales.

qui postquam niveis flexerunt sedibus artus,
large multiplici constructae sunt dapae mensae,
cum interea infirmo quatientes corpora motu
veridicos Parcae coeperunt edere cantus.
his corpus tremulum complectens undique vestis
candida purpurea talos incinxerat ora,
at roseae niveo residebant vertice vittae,
aeternumque manus carpebant rite laborem.
laeva colum molli lana retinebat amictum,
dextera tum leviter deducens fila supinis
formabat digitis, tum prono in pollice torquens
libratum tereti versabat turbine fusum,
atque ita decerpens aequabat semper opus dens,
laneaque aridulis haerebant morsa labellis,
quae prius in levi fuerant exstantia filo;
ante pedes autem candentis mollia lanae

Их рядком широко вокруг жилища расставил,
чтобы двор зеленел, повитый свежей листвою.
Вслед за ним Прометей явился разноискусный,
сглаженные следы носящий древняя кары,
некогда к скале цепями прикованным телом
претерпенной, по-над обрывом с вершины свисая.
Тут и отец богов пришел со святою супругой
и детьми, одного тебя на небе оставив,
Феб, и жилицу гор единородную Идрских, —
ибо вместе с тобой сестра презирала Пелея,
свадебной торжествовать свечи не желала Фетиды.

Все на седалищах лишь белоснежных расположились,
разнообразием яств столы уставляются щедро,
а меж тем тела движением слабым колебля,
Парки возвещать принялись вернословные песни.
Тело дрожащее их, вокруг объято покровом
белым, каймой у пят опоясывалось пурпурной,
на белоснежной главе розоватые были повязки,
и по порядку вели работу вечную руки.
Левая прялку с комком кудели мягкой держала,
правая — то легко свивала в пальцах подвижных,
нить образуя, то на большом, отводя под наклоном,
с круглым веретено равновесное пряслом вращала,
и выравнивал зуб непрестанно труд, обирая,
и кудели с губ иссохших огрызки свисали,
что на нити пред тем излишествовали тонкой.
А у самых ног они готовую пряжу —

vellera virgati custodibant calathisci.
haec tum clarisona pellentes vellera voce
talìa divino fuderunt carmine fata,
carmine, perfidiae quod post nulla arguet aetas:

'o decus eximium magnis virtutibus augens,
Emathiae tutamen, Opis carissime nato,
accipe, quod laeta tibi pandunt luce sorores,
veridicum oraculum: sed vos, quae fata sequuntur,

currere ducentes subtegmina, currere, fusi!
adveniet tibi iam portans optata maritis
Hesperus, adveniet fausto cum sidere coniunx,
quae tibi flexanimo mentem perfundat amore
languidulosque paret tecum coniungere somnos,
levia substernens robusto brachia collo.

currere ducentes subtegmina, currere, fusi!
nulla domus tales umquam contexit amores,
nullus amor tali coniunxit foedere amantes,
qualis adest Thetidi, qualis concordia Peleo.

currere ducentes subtegmina, currere, fusi!
nascetur vobis expertis terroris Achilles,
hostibus haud tergo, sed forti pectore notus,
qui persaepe vago victor certamine cursus
flammea praevertet celeris vestigia cervae.

currere ducentes subtegmina, currere, fusi!
non illi quisquam bello se conferet heros,
cum Phrygii Teucro manabunt sanguine [campi]
Troicaque obsidens longinquo moenia bello,

мягкой кудели белей — хранили в кошницах плетеных.
Пряжу прядущие так, издавая глас внятнотвучный,
прорицали судьбу божественной песнью такую,
песнью, не уличит во лжи которой потомство:

«О великими честь деяниями стяжавший,
ты, Эматии щит, столь сыном Опы ценимый,
слушай, что сестры тебе в отрадный день открывают,
вернословную весть. А вы, судьбу поверяя,

вейте двестикрат, веретёна, да вейте волокна!

Уж идет жениху несущий желанное Геспер
и к тебе, идет со звездой счастливой невеста,
что милосердной тебе любовью душу наполнит
и расслабленным сном готова с тобой сочетаться,
нежными окружив могучую дланями выю.

Вейте двестикрат, веретёна, да вейте волокна!

Дом ни один еще не сливал подобных любовей,
не сочетала любовь союзом любящих так же
никогда, как Пелей, никогда, как Фетида, согласно.

Вейте двестикрат, веретёна, да вейте волокна!

Пусть у вас Ахилл родится, страха лишенный,
не спиной врагам, но твердой грудью знакомый,
он, победитель всех состязаний по быстрому бегу,
пламенные следы нагонит резвья лани.

Вейте двестикрат, веретёна, да вейте волокна!

С ним и на войне герой никакой не сравнится,
кровью зальются когда поля фригийские тевкров
и, осаду продля, Троянскую крепость повергнет

periuri Pelopis vastabit tertius heres.

currere ducentes subtegmina, currere, fusi!
illius egregias virtutes claraque facta
saepe fatebuntur gnatorum in funere matres,
cum incultum cano solvent a vertice crinem
putridaque infirmis variabunt pectora palmis.

currere ducentes subtegmina, currere, fusi!
namque velut densas praecerpens messor aristas
sole sub ardenti flaventia demetit arva,
Troigenum infesto prosternet corpora ferro.

currere ducentes subtegmina, currere, fusi!
testis erit magnis virtutibus unda Scamandri,
quae passim rapido diffunditur Hellesponto,
cuius iter caesis angustans corporum acervis
alta tepefaciet permixta flumina caede.

currere ducentes subtegmina, currere, fusi!
denique testis erit morti quoque reddita praeda,
cum teres excelso coacervatum aggere bustum
excipiet niveos percussae virginis artus.

currere ducentes subtegmina, currere, fusi!
nam simulac fessis dederit fors copiam Achivis
urbis Dardaniae Neptunia solvere vincla,
alta Polyxenia madefient caede sepulcra;
quae, velut ancipiti succumbens victima ferro,
proiciet truncum summisso poplite corpus.

currere ducentes subtegmina, currere, fusi!
quare agite optatos animi coniungite amores!

клятвопреступного в прах Пелопса третий наследник.

Вейте двестикрат, веретёна, да вейте волокна!
Славных деяний его и подвигов знаменитых
матери позабыть у могил сыновних не смогут,
на главе седой власы распуская небрежно
и увядшую грудь колебля слабою дланью.

Вейте двестикрат, веретёна, да вейте волокна!
Ибо, словно жнец, густые срезающий класы,
злак на поле златом сжинает под солнцем палящим,
он троянцев тела враждебным повергнет железом.

Вейте двестикрат, веретёна, да вейте волокна!
Подвигов будет волна Скамандра свидетель великих,
что сливается со стремительным Геллеспонтом, —
грудами путь ее изрубленных тел преградится,
и глубокий поток потеплеет, смешанный с кровью.

Вейте двестикрат, веретёна, да вейте волокна!
Будет свидетель другой — преданная смерти добыча,
сооруженный когда костер на кургане высоком
белоснежный состав закланной девы разнимет.

Вейте двестикрат, веретёна, да вейте волокна!
Ибо как только судьба усталому войску ахейцев
град Дарданов предаст, Нептуновы пути расторгнув,
сразу могильный холм впитает кровь Поликсены —
словно падшая под сугубым жертва железом,
тела ствол, преклонив колена, она распластает.

Вейте двестикрат, веретёна, да вейте волокна!
Так сочетайте ж скорей желанной души любовью!

accipiat coniunx felici foedere divam,
dedatur cupido iam dudum nupta marito.
 currite ducentes subtegmina, currite, fusi!
non illam nutrix orienti luce revisens
hesterno collum poterit circumdare filo
 (currite ducentes subtegmina, currite, fusi!)
anxia nec mater discordis maesta puellae
secubitu caros mittet sperare nepotes.
 currite ducentes subtegmina, currite, fusi!"

talia praefantes quondam felicia Pelei
carmina divino cecinerunt pectore Parcae.
praesentes namque ante domos invisere castas
heroum et sese mortali ostendere coetu,
caelicolae nondum spreta pietate solebant.
saepe pater divum templo in fulgente revisens,
annua cum festis venissent sacra diebus,
conspexit terra centum procumbere tauros.
saepe vagus Liber Parnasi vertice summo
Thyiadas effusis euantis crinibus egit,
cum Delphi tota certatim ex urbe ruentes
acciperent laeti divum fumantibus aris.
saepe in letifero belli certamine Mavors
aut rapidi Tritonis era aut Ramnusia virgo
armatas hominum est praesens hortata catervas.

sed postquam tellus scelere est imbuta nefando
iustitiamque omnes cupida de mente fugarunt,

Пусть обнимет супруг счастливым союзом богиню,
жаждущему тотчас отдастся пусть мужу невеста.

Вейте двестикрат, веретёна, да вейте волокна!
Ни кормилица ей, с восходом дня приступая,
шею окружить не сможет нитью вчерашней, —

вейте двестикрат, веретёна, да вейте волокна! —
ни беспокойная мать, боясь отказов малышки
несогласной, надежд на внуков драгих не лишится.

Вейте двестикрат, веретёна, да вейте волокна!»

Некогда из груди божественной, прорицая,
пели такую песнь счастливую Парки Пелею.
Ибо лично входить небожители в дома героев
чистые и себя являть собраниям смертных
древле были не прочь, пока благочестие чтилось.
Часто отец богов, оказавшись в сияющем храме,
совершают когда годовые на праздник обряды,
созерцал, как быков на землю рушится сотня.
Часто сводил Тиад с вершины Парнаса высокой,
растрепавши власы эвоющих, Либер нестойкий, —
все дельфийцы, валя из города валом навстречу,
воскурить алтари отрадному богу спешили.
Часто Марс на войне среди смертоносного боя
или владелица струй Тритона, Рамнусия-дева ль,
ободряли полки вооруженные лично.

Но с тех пор, как земля злодейством пропитана гнусным,
а из жаждущих душ справедливость изгнана всеми;

perfudere manus fraterno sanguine fratres,
destitit extinctos gnatus lugere parentes,
optavit genitor primaevi funera nati,
liber ut innuptae poteretur flore novercae,
ignaro mater substernens se impia nato
impia non verita est divos scelerare penates:
omnia fanda nefanda malo permixta furore
iustificam nobis mentem avertere deorum.
quare nec talis dignantur visere coetus
nec se contingi patiuntur lumine claro.

брatья руки багрить готовы братнею кровью;
сын обрекает на смерть родителей беспомощных;
гибели отец желает сыну младому,
чтоб овладеть без помех безмужней цветом невестки;
сыну бесстыжая мать неопытному подстилаясь,
отчих осквернить богов не боится бесстыдством, —
все, что льзя и нельзя, в безумии перемешавшись,
души прочь от нас отвернуло богов справедливых:
посему не хотят являться собраниям нашим,
ясных очей своих позором не помрачают.

LIBELLUS TERTIUS

LXV

Etsi me assiduo confectum cura dolore
 sevocat a doctis, Ortale, virginibus,
nec potis est dulcis Musarum expromere fetus
 mens animi, tantis fluctuat ipsa malis:
namque mei nuper Lethaeo in gurgite fratris
 pallidulum manans alluit unda pedem,
Troia Rhoeteo quem subter litore tellus
 ereptum nostris obterit ex oculis;
alloquar, audiero numquam tua [facta] loquentem,
 numquam ego te, vita frater amabilior,
aspiciam posthac; at certe semper amabo,
 semper maesta tua carmina morte canam,
qualia sub densis ramorum concinit umbris
 Daulias, absumpti fata gemens Ityli;
sed tamen in tantis maeroribus, Ortale, mitto
 haec expressa tibi carmina Battiadae,
ne tua dicta vagis nequiquam credita ventis
 effluxisse meo forte putes animo,
ut missum sponsi furtivo munere malum
 procurrit casto virginis e gremio,

ТРЕТИЙ СВИТОК

65

Хоть постоянно скорбь, томлением изнуряя,
Гортал, от мудрых дев и отвлекает меня,
сладкого муз плода хотя из души и не может
разум извлечь, — в таком водовороте я сам:
ведь недавно совсем волна Летейской пучины
бледную моего брата омыла стопу,
там, на берегу Ретея, его заманила
и от наших глаз Трои сокрыла земля —
как ни зывай, твоего никогда не услышать ответа,
на тебя никогда, жизни любимее брат,
уж не взглянуть; но любить тебя мне вечно отныне
и о смерти твоей песни унылые петь,
точно под сенью ветвей густой навзрыд воспевает
сгубленного судьбу Итиса Давлия так, —
всё же, Гортал, я и в таком унынии эти
переводные тебе шлю Баттиада стихи,
чтобы, будто слова твоих заверений на ветер
из моей души вылетели, не считал, —
так на лоне лежит непорочном яблоко, деве
брошенное в залог тайных обетов, меж тем

quod miserae oblitae molli sub veste locatum,
dum adventu matris prosilit, excutitur,
atque illud prono praeceps agitur decursu,
huic manat tristi conscius ore rubor.

мать приближается к ней, бедняжке, под мягкой одеждой
притаившей его, но уронившей, вскочив;
тут оно стремглав покатилося вниз, и заметно,
как заливает лицо грустное краска стыда.

LXVI

Omnia qui magni dispexit lumina mundi,
 qui stellarum ortus comperit atque obitus,
flammeus ut rapidi solis nitor obscuretur,
 ut cedant certis sidera temporibus,
ut Triviam furtim sub Latmia saxa relegans
 dulcis amor gyro devocet aereo;
idem me ille Conon caelesti in limine vidit
 e Bereniceo vertice caesariem
fulgentem clare, quam multis illa dearum
 levia protendens brachia pollicita est,
qua rex tempestate novo auctus hymenaeo
 vastatum finis iuerat Assyrios,
dulcia nocturnae portans vestigia rixae,
 quam de virgineis gesserat exuviis.
estne novis nuptis odio Venus? anne parentum
 frustrantur falsis gaudia lacrimulis,
ubertim thalami quas intra limina fundunt?
 non, ita me divi, vera gemunt, iuerint.
id mea me multis docuit regina querellis
 invisente novo proelia torva viro.

Кто пространного все пределы мира измерил,
кто восход и закат звезд рассчитал и постиг,
как созвездия в срок положенный исчезают,
затмевается как солнца палящего блеск,
как сзывает тайком с воздушного Тривию круга
сладостная любовь прямо к Латмийской скале,
именно оный Конон меня, косу Береники,
воссиявшую вдруг ярко, в пределах небес
и узрел вослед за тем, как пообещала
всем богам, вознося гладкие длани, она,
ибо тогда пошел, недавней свадьбой богатый,
в ассирийский край с опустошением царь,
сладостные с собой следы ночной уносящий
схватки, в которой он пряди девичьи добыл.
Новобрачной ужель ненавистна Венера? Неужто
радость родителей вся ложью обманута слез,
что проливаются столь обильно спальни в пределах?
Нет, богами клянусь, — истинно плачут, стена!
В этом царица моя меня убедила великим
воплем, проводив мужа на гибельный бой.

an tu non orbum luxti deserta cubile,
sed fratris cari flebile discidium?
quam penitus maestus exedit cura medullas!
ut tibi tunc toto pectore sollicitae
sensibus ereptis mens excidit! at [te] ego certe
cognoram a parva virgine magnanimam.
anne bonum oblita es facinus, quo regium adepta es
coniugium, quod non fortior ausit alis?
sed tum maesta virum mittens quae verba locuta es!
Iuppiter, ut tristi lumina saepe manu!
quis te mutavit tantus deus? an quod amantes
non longe a caro corpore abesse volunt?
atque ibi me cunctis pro dulci coniuge divis
non sine taurino sanguine pollicita es,
si reditum tetulisset: is haut in tempore longo
captam Asiam Aegypti finibus addiderat.
quis ego pro factis caelesti reddita coetu
pristina vota novo munere dissoluo.
invita, o regina, tuo de vertice cessi,
invita: adiuro teque tuumque caput,
digna ferat quod si quis inaniter adiurarit:
sed qui se ferro postulet esse parem?
ille quoque eversus mons est, quem maximum in oris
progenies Thiae clara supervehitur,
cum Medi peperere novum mare, cumque iuventus
per medium classi barbara navit Athon.
quid facient crines, cum ferro talia cedant?
Iuppiter, ut Chalybon omne genus pereat,

Иль не пустую постель оплакивала, одинока,
но разлуку ты с братом своим дорогим?
Так тревога насквозь печальная печень проела!
что внутри тебя было расстроено все, —
чувств лишенная, ум почти потеряла! Но девой
твердой духом я с детства знавала тебя.
Подвиг ужели благой, обернувшийся царственным браком,
позабыла? — тебе смелости не занимать.
Сколь же скорбных речей сказала, с мужем прощаясь,
ты и зеницы рукой терла, Юпитер! не раз.
Бог какой так тебя изменил? Иль невыносимо
любящим пребывать долго без тел дорогих?
Всем богам ты тогда сладчайшего ради супруга —
не без крови быка — пообещала меня,
лишь бы принесло возвращение, — в краткое время
Асию он, захватив, с краем Египетским слил.
Вот и сбылось, за то — оплатой прежних обетов —
в жертву принесена сонму небесному я.
Против воли тебя покинула я, о царица!
против — клянусь и тобой, и головою твоей, —
поделом тому, кто всуе клянется, воздастся! —
но с железом себя кто пожелает сравнить?
Гору свернуло оно, которой высокие склоны
Фии светлый сын переезжает с трудом,
новое море когда прорыли Меды и юных
варваров насквозь судна проплыли Афон.
Локоны что, когда уступает железу такое? —
Пусть халибов род пропадом весь пропадет,

et qui principio sub terra quaerere venas
 institit ac ferri stringere duritiem!
abiunctae paulo ante comae mea fata sorores
 lugebant, cum se Memnonis Aethiopis
unigena, impellens nutantibus aera pennis,
 obtulit Arsinoes Locridis ales equos,
isque per aetherias me tollens avolat umbras
 et Veneris casto collocat in gremio:
ipsa suum Zephyritis eo famulum legarat,
 Graia Canopitis incola litoribus.
gentibus hic vario ne solum in lumine caeli
 ex Ariadnaeis aurea temporibus
fixa corona foret, sed nos quoque fulgeremus,
 devotae flavi verticis exuviae,
uvidulam a fluctu cedentem ad templa deum me
 sidus in antiquis diva novum posuit:
Virginis et saevi contingens namque Leonis
 lumina, Callisto iuncta Lycaoniae,
vertor in occasum, tardum dux ante Booten,
 qui vix sero alto mergitur Oceano;
sed quamquam me nocte premunt vestigia divum,
 lux autem canae Tethyi restituit.
pace tua fari hic liceat, Ramnusia virgo,
 namque ego non ullo vera timore tegam,
nec, si me infestis discerpent sidera dictis,
 condita quin veri pectoris evoluam:
non his tam laetor rebus, quam me afore semper,
 afore me a dominae vertice discrucior,

и, Юпитер! тот, кто первым подземные жилы
начал вытягивать, стал твердость железа ковать!
Сестры еще о судьбе моих волос отделенных
плакали, когда режущий взмахами крыл
воздух Мемнона брат Эфиопа, Локридской пернатый
конь Арсинои, меня в небо с собою вознес
и расположил, промчав по эфирному мраку,
на непорочном он лоне Венеры меня.
Своего слугу Зефирита-Гречанка, канопских
жительница берегов, с тем и послала сама.
Будет не только венец златой с висков Ариадны
находиться теперь между небесных светил,
но над всеми и мы народами воссияем,
преданные богам рыжие пряди волос.
Влажную от слез, в обитель богов поместила
новым богиня среди древних созвездий меня.
С Девой на западе я и Львом свирепым вращаюсь,
Ликаоновой близ дщери Каллисто, теперь,
предводительница медлительного Волопаса,
что не слишком спешит в глубь Океана сходить.
И хоть ночью меня стопы богов попирают,
Тефии седой день возвращает опять.
Не в обиду тебе скажу, Рамнусия-дева,
ибо истину скрыть страх не заставит меня, —
нет, хоть подвергнут меня созвездия грубым нападкам,
все, что таила внутри, выложу начистоту:
радостно здесь не столь, сколь мучительно быть подалеку,
подалеку быть мне от хозяйки моей, —

quicum ego, dum virgo quondam fuit, omnibus expers
 unguentis, una milia multa bibi.
nunc vos, optato quas iunxit lumine taeda,
 non prius unanimis corpora coniugibus
tradite nudantes reiecta veste papillas,
 quam iucunda mihi munera libet onyx,
vester onyx, casto colitis quae iura cubili.
 sed quae se impuro dedit adulterio,
illius a mala dona levis bibat irrita pulvis:
 namque ego ab indignis praemia nulla peto.
sed magis, o nuptae, semper concordia vestras,
 semper amor sedes incolat assiduus.
tu vero, regina, tuens cum sidera divam
 placabis festis luminibus Venerem,
unguinis expertem non Syriis esse tuam me,
 sed potius largis affice muneribus.
sidera cur retinent? utinam coma regia fiam,
 proximus Hydrochoi fulgeret Oarion!

девой когда была она, пила благовоний
тыщи я одна, ныне — всего лишена.
Вы же, светом кого вожделенным свеща сочетала,
предавайте мужьям единомудушным тела,
сброшенным обнажив сосочки покровом, не прежде,
чем ублажит меня жертвой отрадной сосуд,
ваш сосуд, в чистоте блюдущие брачное ложе.
Той же, что предала прелюбодейству себя
грязному, прахом пойдет бесплодным дар злополучный, —
от недостойной наград я никаких не приму.
О новобрачные, пусть всегда согласие с вами
и всегда любовь пусть проживает в дому.
Ты, царица, возрев на созвездия, верно, Венере
в праздник приносить станешь богине дары,
не лиши ж и меня твоих благовоний сирийских,
но, наоборот, ими щедрей надели.
Что до созвездий? Когда б я вновь волосами царицы
стала — хоть Орион близ Водолея сияй!

LXVII

O dulci iucunda viro, iucunda parenti,
salve, teque bona Iuppiter auctet ope,
ianua, quam Balbo dicunt servisse benigne
olim, cum sedes ipse senex tenuit,
quamque ferunt rursus gnato servisse maligne,
postquam es porrecto facta marita sene:
dic agedum nobis, quare mutata feraris
in dominum veterem deservisse fidem.

'non (ita Caecilio placeam, cui tradita nunc sum)
culpa mea est, quamquam dicitur esse mea,
nec peccatum a me quisquam pote dicere quicquam:
verum isti populi ianua quicque facit!
qui, quacumque aliquid reperitur non bene factum,
ad me omnes clamant: ianua, culpa tua est!'

non istuc satis est uno te dicere verbo,
sed facere ut quivis sentiat et videat.

'qui possum? nemo quaerit nec scire laborat.'
nos volumus; nobis dicere ne dubita!

О, отрада отцу и нежному мужу отрада,
дверь, — Юпитер пускай щедро тебя наградит, —
здравствуй, прежде добром, говорят, служившая Бальбу
долго, пока старик сам был хозяином здесь,
и, напротив, злом с тех пор служа́щая детям,
бают, как ноги, сыграв свадьбу, старик протянул, —
ну-ка скажи: отчего, изменившись, ты перестала,
как хозяину встарь, верой и правдой служить.

«Нет, — мной Кекилий, кому досталась в наследство, доволен, —
я не виновна ни в чем, хоть обвиняют меня,
никакого за мной греха никогда не водилось, —
правда, вечно чуть что люди пеняют на дверь!
Стоит кому-то узнать о чем-нибудь нехорошем,
сразу кричат на меня: дверь, ты виновна во всем!»

Одного твоего о том недостаточно слова —
надо, чтобы любой внял и прочувствовал сам.

«Что я могу? Никто ни спросить, ни узнать не желает».
Мы хотим — расскажи все, ничего не тая!

'primum igitur, virgo quod fertur tradita nobis,
falsum est. – non illam vir prior attigerat,
languidior tenera cui pendens sicula beta,
numquam se mediam sustulit ad tunicam;
sed pater illius gnati violasse cubile
dicitur et miseram conscelerasse domum,
sive quod impia mens caeco flagrabat amore,
seu quod iners sterili semine natus erat,
ut quaerendus [homo], unde foret nervosius illud,
quod posset zonam solvere virgineam!'

egregium narras mira pietate parentem,
qui ipse sui gnati minxerit in gremium!

'atqui non solum hoc dicit se cognitum habere
Brixia Cycneae supposita speculae,
flavus quam molli praecurrit flumine Mella,
Brixia, Veronae mater amata meae;
sed de Postumio et Corneli narrat amore,
cum quibus illa malum fecit adulterium.
dixerit hic aliquis: quid? tu istaec, ianua, nosti,
cui numquam domini limine abesse licet,
nec populum auscultare, sed hic suffixa tigillo
tantum operire soles aut aperire domum?
saepe illam audivi furtiva voce loquentem
solam cum ancillis haec sua flagitia,
nomine dicentem quos diximus, utpote quae mi
speraret nec linguam esse nec auriculam.

«Ну, во-первых, что нам досталась дева, как бают, —
ложь. Ее не муж первым сразил наповал,
у которого меч, свисавший сморщенной свеклой
из-под поддевки, на бой не был готов никогда;
но, говорят, его родитель чадолюбивый
бедный дом осквернил, ложе сыновнее смял, —
то ли в порочной душе слепая любовь воспылала,
то ли был урожден хилый неплодным сынок,
и попроворнее здесь кого-нибудь не хватало,
кто бы пояс помог девственности развязать».

Подвиги ты отца добродетельного возвещаешь,
что сынку своему сам помочился в карман!

«Не об этом одном говорит, доподлинно зная,
Бриксия, что вокруг башни Лебязьей лежит,
где, не торопясь, протекает Мелла золотая,
Бриксия, моей матерью Вероны родной;
но про Постумия все с Корнелием возвещает,
с коими нагло она прелюбодействовала.
Спросит кто-нибудь: дверь, откуда ты все это знаешь,
если хозяйский порог не преступить никогда,
ни подслушать в толпе тебе, к косяку пригвожденной,
только лишь открывать призванной и закрывать? —
Часто слыхала я ее рассказы служанкам
о проделках своих шепотом, с глазу на глаз,
где назывались те, о ком мы сказали, — напрасно
думать, что у меня ни языка, ни ушей».

praeterea addebat quendam, quem dicere nolo
nomine, ne tollat rubra supercilia:
longus homo est, magnas cui lites intulit olim
falsum mendaci ventre puerperium!

Надо добавить еще об одном, чье имя не стоит,
чтоб не вскинул бровей он, покраснев, называть:
он долговяз, накладным животом причинила брюхатость
ложная ему некогда много хлопот!»

LXVIII

Quod mihi fortuna casuque oppressus acerbo
 conscriptum hoc lacrimis mittis epistolium,
naufragum ut eiectum spumantibus aequoris undis
 sublevem et a mortis limine restituam,
quem neque sancta Venus molli requiescere somno
 desertum in lecto caelibe perpetitur,
nec veterum dulci scriptorum carmine Musae
 oblectant, cum mens anxia pervigilat:
id gratum est mihi, me quoniam tibi dicis amicum,
 muneraque et Musarum hinc petis et Veneris.
sed tibi ne mea sint ignota incommoda, Manli,
 neu me odisse putes hospitis officium,
accipe, quis merser fortunae fluctibus ipse,
 ne amplius a misero dona beata petas.

tempore quo primum vestis mihi tradita pura est,
 iucundum cum aetas florida ver ageret,
multa satis lusi, non est dea nescia nostri,
 quae dulcem curis miscet amaritiem;
sed totum hoc studium luctu fraterna mihi mors
 abstulit. – o misero frater adempte mihi,

Оттого что судьба тебя да напасти скрутили,
удрученному мне слезное шлешь ты письмо,
потерпевшего чтоб кораблекрушение вынул
я из пенистых волн, смерти отвел от ворот:
не позволяет тебе святая Венера забыться,
одинокому, сном неги на ложе пустом,
Музы не веселят стихами древних поэтов
сладостными, когда бодрствует сумрачный ум, —
мне приятно, что ты своим зовешь меня другом,
Муз и Венеры даров требуя снова от нас.
Но о невзгодах моих как только, Манлий, узнаешь,
не сочтя, что забыл гостеприимство, поймешь,
что и сам я судьбы водоворотом затянут,
что у бедняги теперь нечего счастья просить.

В те же годы, когда впервой облекли меня белым
и с цветущей весной время пришло для забав,
наигрался я всласть, изведав тайны богини,
что томлений хитра сладость и горечь мешать, —
напрочь отбила мне охоту к подвигам этим
скорбью смерть, у меня бедного брата отняв.

Брат мой, умерший мой брат, ты все надежды разрушил
наши, и род наш весь вместе с тобой погребен,
вместе с тобой мои все радости разом избылись,
кои при жизни своей ты лишь любовью питал.
Гибель твоя из ума изгнала к подвигам этим
всю охоту и все, все наслажденья души.
Нет, — хоть и пишешь ты: «Позор в Вероне Катуллу
находиться, пока всякий из знатных тела
тут согревает в его пустой и студеной постели», —
это же — не позор, Манлий, скорее — беда.
Так что прости меня за то, что тебе по причине
скорби я этих даров не поднесу, не смогу.
У меня к тому ж в запасе мало поэтов —
вышло так, ведь мы в Риме живем: там и дом,
там и место мое, там жизнь моя протекает, —
лишь один с собой короб в дорогу я взял.
Это правда, и ты пойми — не по злоумышлению
так случилось и не от криводушья совсем, —
нет, не останутся без ответа две твои просьбы:
будет возможность, я все предоставлю тебе.
Не могу утаить от вас, богини, во скольких
Манлий делах мне помог, сколько услуг оказал, —
скоротечная жизнь забывчивых поколений
не покроет его подвигов мраком глухим.
Я возвещаю вам, а вы поведайте многим
тыщам, страницу сию сделайте вещей навек,
.
и по смерти своей станет славней и славней.
Имени Манлия, нет, не заплетет, в одиночку
строя крепость свою, тонкою тканью паука.

nam, mihi quam dederit duplex Amathusia curam,
scitis, et in quo me torruerit genere,
cum tantum arderem quantum Trinacria rupes
lymphaque in Oetaeis Malia Thermopylis,
maesta neque assiduo tabescere lumina fletu
cessarent tristique imbre madere genae.
qualis in aerii perlucens vertice montis
rivus muscoso prosilit e lapide,
qui, cum de prona praeceps est valle volutus,
per medium densi transit iter populi,
dulce viatori lasso in sudore levamen,
cum gravis exustos aestus hiulcat agros,
ac velut in nigro iactatis turbine nautis
lenius aspirans aura secunda venit
iam prece Pollucis, iam Castoris implorata:
tale fuit nobis Manlius auxilium.
is clausum lato patefecit limite campum,
isque domum nobis isque dedit dominae,
ad quam communes exerceremus amores.
quo mea se molli candida diva pede
intulit et trito fulgentem in limine plantam
innixa arguta constituit solea,
coniugis ut quondam flagrans advenit amore
Protesilaeam Laodamia domum
inceptam frustra, nondum cum sanguine sacro
hostia caelestis pacificasset eros.
nil mihi tam valde placeat, Ramnusia virgo,
quod temere invitis suscipiatur eris.

Ибо, каким предала меня Аматусия мукам
лживая, знаете вы, чем истерзала и как,
разгорячившегося, тринакрийским кручам подобно
и малийским водам Эты вблизи Фермопил,
что неустанно из глаз лились горячие слезы
и неумно скорбь скатывалась по щекам.
На вершине горы, под небом блестящей, наружу
из-под замшелых глыб так вырывается ключ,
устремляющийся в долину со склона крутого
бурным наперерез торной дороге ручьем,
путников дабы, с полей, раскаленных от зноя, бредущих,
утомленных трудом, сладким забвеньем поить;
и мореходам так, застигнутым черною бурей,
вдруг смиренный, подув, ветер спасенье несет,
Поллуксу мольбой иль Кастору призван на помощь —
вот каким бывал Манлий спасителем нам.
Он и простор открыл для деятельности широкий,
он же нам и дом, он и хозяйку отдал,
с тем чтоб любовью мы совместной с ней занимались.
Как заносила сюда нежные ножки моя
белокурая та богиня и ставила плавно
на истертый порог в обуви звонкой стопы —
некогда, воспылав любовной страстью, к супругу
Протесилаю так Лаодамия вошла
в недостроенный дом, когда священная жертва
кровью небесных еще не умирила владык.
(Все не по нраву мне из того, Рамнусия-дева,
произволению что несообразно владык!)

quam ieiuna pium desiderat ara cruorem,
docta est amisso Laudamia viro,
coniugis ante coacta novi dimittere collum,
quam veniens una atque altera rursus hiems
noctibus in longis avidum saturasset amorem,
posset ut abrupto vivere coniugio:
quod scibant Parcae non longo tempore abesse,
si miles muros isset ad Iliacos,
nam tum Helenae raptu primores Argivorum
coeperat ad sese Troia ciere viros,
Troia – nefas! – commune sepulcrum Asiae Europaeque,
Troia virum et virtutum omnium acerba cinis,
quaene etiam nostro letum miserabile fratri
attulit? – ei misero frater adempte mihi,
ei misero fratri iucundum lumen ademptum!
tecum una tota est nostra sepulta domus,
omnia tecum una perierunt gaudia nostra,
quae tuus in vita dulcis alebat amor.
quem nunc tam longe non inter nota sepulcra
nec prope cognatos compositum cineres,
sed Troia obscena, Troia infelice sepultum
detinet extremo terra aliena solo.
ad quam tum properans fertur [lecta] undique pubes
Graecae penetralis deservisse focos,
ne Paris abducta gavisus libera moecha
otia pacato degeret in thalamo.
quo tibi tum casu, pulcherrima Laudamia,
ereptum est vita dulcius atque anima

Как по крови алтарь истосковался священной,
Лаодамия познать с мужем в разлуке смогла;
ей оторваться пришлось от шеи мужниной прежде,
чем успела одна, следом другая зима
долгими подавить ночами любовную жажду,
чтоб сумела и без мужа покойно прожить.
Парки же знали, что недолго беды дожидаться,
коль уйдет воевать он к Илиона стенам, —
и как раз начала к себе похищением Елены
Троя призывать лучших аргивских мужей,
Троя — совместный погост Европы и Азии (ужас!),
Троя — всего и всех — мужества прах и мужей,
ты теперь принесла несчастному нашему брату
гибель, увы, у меня бедного брата отняв;
отняты, бедный брат, у нас навеки забавы
жизни, и род наш весь вместе с тобой погребен,
вместе с тобой мои все радости разом избылись,
кои при жизни своей ты лишь любовью питал.
Как же ты далеко — ни меж могилами близких,
ни поблизости от родственников положен, —
Троя, Троя-змея, тебе, горемыке, постлала
света на краю жесткий чужой чернозем.
Там, отовсюду куда когда-то юноши греки,
очаги побросав, ринулись, все как один,
чтобы перестал, ворованной тварью развратной
наслаждаясь, Парис в спальне мирной пастись.
Той напастью ты, прекрасная Лаодамия,
мужа, что тебе жизни и воздуха был

coniugium: tanto te absorbens vertice amoris
 aestus in abruptum detulerat barathrum,
quale ferunt Grai Pheneum prope Cyllenaeum
 siccare emulsa pingue palude solum,
quod quondam caesis montis fodisse medullis
 audit falsiparens Amphitryoniades,
tempore quo certa Stymphalia monstra sagitta
 perculit imperio deterioris eri,
pluribus ut caeli tereretur ianua divis,
 Hebe nec longa virginitate foret.
sed tuus altus amor barathro fuit altior illo,
 qui tunc indomitam ferre iugum docuit;
nam nec tam carum confecto aetate parenti
 una caput seri nata nepotis alit,
qui, cum divitiis vix tandem iuventus avitis
 nomen testatas intulit in tabulas,
impia derisi gentilis gaudia tollens,
 suscitat a cano volturium capiti:
nec tantum niveo gavisa est ulla columbo
 compar, quae multo dicitur improbius
oscula mordenti semper decerpere rostro,
 quam quae praecipue multivola est mulier.
sed tu horum magnos vicisti sola furores,
 ut semel es flavo conciliata viro.
aut nihil aut paulo cui tum concedere digna
 lux mea se nostrum contulit in gremium,
quam circumcursans hinc illinc saepe Cupido
 fulgebat crocina candidus in tunica.

сладостней, лишена, — пылающую любовной
страстью, тебя с вершин в бездну низвергла она,
в бездну, Фенея близ Килленского словно, где жирный —
бают греки — болот склизких иссох чернозем,
оттого что горы изрыть упругие недра
ненастоящий сын Амфитрионов дерзнул,
по приказанию он владыки ничтожного чудищ
Стимфалийских когда меткой стрелюю сразил,
чтобы многим богам отворились небесные двери, —
девственницей потом Геба недолго была.
Но твоя любовь над той возвысилась бездной,
умудривши тебя с кротостью иго сносить, —
и единственная на радость отцу пожилому
дочка не растит внука желанного так,
внука, который, лишь родившись, наследником главным
дедовских богатств стал, в завещанье внесен,
истребив родни злорадствующей насмешки,
коршуна отогнал прочь от седой головы, —
так не ласкается ни одна с голубком белоснежным
самочка, наобещав много, бесстыднее чтоб,
в клюв вцепляясь ему, клевки срывать неустанно,
с похотливою лишь женщиной сходная тем.
Ты же со временем все безумства свои победила,
раз и навсегда рыжему мужу верна.
Не уступала ничуть достоинством, разве немножко,
свет мой, и ты ей, когда к нашей прильнула груди,
но белокурый тут в поддевке шафранной, порхая
шустро туда-сюда, начал сверкать Купидон.

quae tamen etsi uno non est contenta Catullo,
rara verecundae furta feremus erae,
ne nimium simus stultorum more molesti:
saepe etiam Iuno, maxima caelicolum,
coniugis in culpa flagrantem concoquit iram,
noscens omnivoli plurima furta Iovis.
atqui nec divis homines componier aequum est,
ingratum tremuli tolle parentis onus;
nec tamen illa mihi dextra deducta paterna
fragrantem Assyrio venit odore domum,
sed furtiva dedit mira munuscula nocte,
ipsius ex ipso dempta viri gremio.
quare illud satis est, si nobis is datur unis
quem lapide illa dies candidiore notat.

hoc tibi, quod potui, confectum carmine munus
pro multis, Manli, redditur officiiis,
ne vestrum scabra tangat rubigine nomen
haec atque illa dies atque alia atque alia.
huc addent divi quam plurima, quae Themis olim
antiquis solita est munera ferre piis.
sitis felices et tu simul et tua vita,
et domus, in qua [nos] lusimus et domina,
et qui principio nobis terram dedit [haustis],
a quo sunt primo omnia nata bona,
et longe ante omnes mihi quae me carior ipso est,
lux mea, qua viva vivere dulce mihi est!

Все ж одного тебе Катулла мало, но надо
нескольких редких измен скромной хозяйке простить,
дабы несносным глупцам не уподобиться нравом, —
даже Юнона сама, вышняя в сонме богов,
на всеядного гнев Юпитера часто смиряла,
вдруг об очередной мужа измене узнав.
Впрочем, с богами людей сопоставлять не пристало —
бремя отчих забот тягостно брать на себя.
Все ж не десницей отца приведённая, она в мой
дом, ассирийских духов запахом полный, вошла —
но подарочек свой чудесный тайком под покровом
ночи мне принесла, с мужниной выкрав груди.
Я доволен и тем, что мне одному даровала
день, означив его камнем белейшим, она.

Вот и закончил, как смог, я дар для тебя стихотворный —
воздаянье за все, Манлий, услуги твои;
имени вашего ржа шершавая не покорежит
ни сегодня, ни днем после, ни после него.
Боги подбавят к нему другие, какими Фемида
древле дарила всех благочестивых, дары.
Будьте счастливы все: и ты, и жизнь твоя тоже;
дом, где тешились мы вместе с хозяйкой моей,
тот, в котором нам нашлось достаточно места,
от которого все благополучия суть;
и конечно же ты, себя самого мне дороже,
свет мой, чьей жизнью жить слаще всего для меня!

LXIX

Noli admirari, quare tibi femina nulla,
Rufe, velit tenerum supposuisse femur,
non si illam rarae labefactes munere vestis
aut perluciduli deliciis lapidis.
laedit te quaedam mala fabula, qua tibi fertur
valle sub alarum trux habitare caper.
hunc metuunt omnes, neque mirum: nam mala valde est
bestia, nec quicum bella puella cubet.
quare aut crudelem nasorum interface pestem,
aut admirari desine cur fugiunt!

Не удивляйся, Руф, ничуть, что не хочет подставить
 женщина ни одна мягкие бедра тебе,
как бы ни потрясал пред ней роскошным покровом,
 как ни сулил бы в дар жемчуг, прозрачной слезы.
Ходит одна про тебя дурная сплетня, что будто,
 мол, в подмышках твоих страшный завелся козел.
Все боятся его, и не диво: крайне зловредный
 зверь — опасно с ним милой малышке лежать.
Посему иль носы избавь от заразы жестокой,
 иль удивляться, зачем прочь все бегут, перестань.

LXX

Nulli se dicit mulier mea nubere malle
 quam mihi, non si se Iuppiter ipse petat.
dicit: sed mulier cupido quod dicit amanti,
 in vento et rapida scribere oportet aqua.

Женщина моя говорит, что ни с кем, лишь со мною
хочет быть, — даже сам тщетно б Юпитер просил.
Жаждущему чего б любовнику ни говорила
женщина — всё на воде писано и на ветру.

LXXI

Si quoi iure bono sacer alarum obstitit hircus,
aut si quem merito tarda podagra secat,
aemulus iste tuus, qui vestrem exercet amorem,
mirifice est fato nactus utrumque malum.
nam quotiens futuit, totiens ulciscitur ambos:
illam affligit odore, ipse perit podagra.

Коль под мышки тому козлище вонючий по праву
ввержен, коль поделом косит ломота того,
кто соперник твой, любовь занимающий вашу,
то причудливо в нем обе напасти слились.
Всякий раз, как ее пропрет, — наказаны оба:
вонью она сражена, смерть от ломоты ему.

LXXII

Dicebas quondam solum te nosse Catullum,
 Lesbia, nec prae me velle tenere Iovem.
dilexi tum te non tantum, ut vulgus amicam,
 sed pater ut gnatos diligit et generos.
nunc te cognovi: quare etsi impensius uror,
 multo mi tamen es vilior et levior.
'qui potis est?' inquis. – quod amantem iniuria talis
 cogit amare magis, sed bene velle minus.

Как-то ты рекла, что будешь только с Катуллом,
Лесбия, — попроси даже Юпитер — не дашь.
Я же ценил тебя не так, как ценит подружку
чернь, но как отец дочь и ее женихов.
Нынче внял тебе, и хоть сильней распаляюсь,
все-таки для меня мельче и мелочней ты.
«Что стряслось?» — узнаешь. При таком произволе любовник
вынужден больше любить, менее благоволя.

LXXIII

Desine de quoquam quicquam bene velle mereri
aut aliquem fieri posse putare pium.
omnia sunt ingrata, nihil fecisse benigne
[prodest], immo etiam taedet obestque magis:
ut mihi, quem nemo gravius nec acerbius urget,
quam modo qui me unum atque unicum amicum habuit.

Удостаиваться чьего-либо благоволения
или в ком-либо искать преданности перестань.
Неблагодарны все. Ничего не дает добродетель —
отвращение лишь больше и больше еще:
так меня, как никто, сурово и тяжко терзает,
чем только можно, один мой и единственный друг.

LXXIV

Gellius audierat patruum obiurgare solere,
si quis delicias diceret aut faceret.
hoc ne ipsi accideret, patrum perdepsit ipsam
uxorem et patruum reddidit Arpocratem.
quod voluit fecit: nam, quamvis irrumet ipsum
nunc patruum, verbum non faciet patruus.

Геллий слышал, и не раз, как дядька ругается, если хвалит баловство кто-нибудь или творит. С ним случилось не то: как только дядькину дернул женушку — дядька стал как Гарпократ молчалив. Знал, что делал, — возьмет и хоть самого отмужичит дядьку теперь, — и то дядька не выронит слов.

LXXV

Huc est mens deducta tua, mea Lesbia, culpa
atque ita se officio perdidit ipsa suo,
ut iam nec bene velle queat tibi, si optima fias,
nec desistere amare, omnia si facias.

Разум мой довела проступком своим до того ты,
Лесбия, долгом своим так я себя доконал,
что уж благоволить не в силах тебе, хоть ты лучше
сделайся, и разлюбить немощен, сделай хоть что.

LXXVI

Siqua recordanti benefacta priora voluptas
est homini, cum se cogitat esse pium,
nec sanctam violasse fidem, nec foedere nullo
divum ad fallendos numine abusum homines:
multa parata manent in longa aetate, Catulle,
ex hoc ingrato gaudia amore tibi.
nam quaecumque homines bene cuiquam aut dicere possunt
aut facere, haec a te dictaque factaque sunt:
omnia quae ingratae perierunt credita menti.
quare iam te cur amplius excrucies?
quin tu animo offirmas atque istinc teque reduces,
et dis invitis desinis esse miser?
difficile est longum subito deponere amorem,
difficile est, verum hoc qua lubet efficias:
una salus haec est, hoc est tibi pervincendum,
hoc facias, sive id non pote sive pote.

o di, si vestrum est misereri, aut si quibus umquam
extremam iam ipsa in morte tulistis opem,
me miserum aspiciate et, si vitam puriter egi,
eripite hanc pestem perniciemque mihi,

Ежели человек, о благотворениях прежних
вспомнив, доволен, зане, чистым считая себя,
святости не нарушал ни доверия, ни договора
лжепризваньем богов, чая людей обмануть, —
радостей много тебе, Катулл, на долгие лета
остается от сей неблагодарной любви.

Ибо, что могут сказать хорошего люди кому-то
или сделать — тобой сказано, сделано суть.
Все пропало, что мной доверено неблагодарной, —
муки отчего ж претерпеваешь теперь?
Что же ты души не скрепишь? в себя не вернешься?
не перестанешь богам наперекор бедовать?
Тяжко отринуть любовь долговременную внезапно,
тяжко, но предстоит это, как хочешь, тебе, —
это — единственное спасение, это — победа;
сделай так, все равно: можно ли или нельзя.

Коль, о боги! кого пожалели вы иль кому-то
коль в опасности, коль при смерти, вы помогли, —
на беднягу меня взгляните — я чистой взыскую
жизни, — спасите от сей порчи, заразы меня,

heu mihi, subrepens imos ut torpor in artus
expulit ex omni pectore laetitas.
non iam illud quaero, contra me ut diligat illa,
aut, quod non potis est, esse pudica velit:
ipse valere opto et taetrum hunc deponere morbum.
o di, reddite mi hoc pro pietate mea!

подползающей, чтоб онемень в суставах — увы мне! —
выгнало из груди напрочь веселия все.
Уж не прошу о том: пускай она меня ценит, —
или: стыдлива пусть станет, — чему не бывать;
выздоровленья хочу, недуг противный отринув.
Дайте ж, о боги! его за благочестие мне!

LXXVII

Rufe mihi frustra ac nequiquam credite amice
 (frustra? immo magno cum pretio atque malo),
sicine subrepsti mi atque intestina perurens
 ei misero eripuisti omnia nostra bona?
eripuisti, heu heu nostrae crudele venenum
 vitae, heu heu nostrae pestis amicitiae!

Руф, и запросто мне доверенный друг и задаром
 (как задаром? — отнюдь, слишком цена дорога),
запросто ты ли ко мне подкрался, нутро прожигая,
 и у бедняги меня выкрал все наше добро?
Ты, ты выкрал, увы, жестокая нашей отравы
 жизни, дружбы всей нашей заразы, увы!

LXXVIII

Gallus habet fratres, quorum est lepidissima coniunx
alterius, lepidus filius alterius.

Gallus homo est bellus: nam dulces iungit amores,
cum puero ut bello bella puella cubet.

Gallus homo est stultus, nec se videt esse maritum,
qui patruus patrum monstrat adulterium.

Галл — двум братьям брат: прекраснейшею супругой
славен один, другой славен прекрасным сынком.

Галл — милее всех: любви сладкие сводит —
милого мальчика он с милой малышкой кладет.

Галл — глупее всех: не помнит, что сам он женатый
дядька, как дядьку поддеть прелюбодейством уча.

LXXVIIIb

Sed nunc id doleo, quod purae pura puellae
suavia comminxit spurca saliva tua.
verum id non impune feres: nam te omnia saecla
noscent et, qui sis, fama loquetur anus.

Ныне скорблю о том, что чистые чистой малышки
ты замарал уста мерзкой слюною твоей.
Но наказание ждет за это: каков ты, узнают
все века, и молва древняя скажет, кто ты.

LXXIX

Lesbius est pulcher. – quid ni? quem Lesbia malit
quam te cum tota gente, Catulle, tua.
sed tamen hic pulcher vendat cum gente Catullum,
si tria notorum suavia repperit.

Лесбий — красавец, — а то? — Его и Лесбия больше
хочет, Катулл, чем тебя с родом всем вместе твоим.
Только красавец сей продаст вместе с родом Катулла,
лишь бы от знатных тройной заполучить поцелуй.

LXXX

Quid dicam, Gelli, quare rosea ista labella
hiberna fiant candidiora nive,
mane domo cum exis et cum te octava quiete
e molli longo suscitatur hora die?
nescio quid certe est: an vere fama susurrat
grandia te medii tenta vorare viri?
sic certe est: clamant Victoris rupta miselli
ilia et emulso labra notata sero.

Геллий! отчего твои розоватые губки
белизны снегов зимних, никак не пойму,
из дому поутру когда выходишь ты, днем ли,
отдых, полный нег, свой наконец-то прервав?
Точно не знаю, но молва не верно ли шепчет,
что насосаться мужским соком не можешь никак?
Так и есть — вопят от надрыва уды бедняжки
Виктора и на губах знаки упорных трудов.

LXXXI

Nemone in tanto potuit populo esse, Iuventi,
bellus homo, quem tu diligere inciperes,
praeterquam iste tuus moribunda ab sede Pisauri
hospes inaurata pallidior statua?
qui tibi nunc cordi est, quem tu praeponere nobis
audes: et nescis quod facinus facias.

Ни одного в такой толпе красавчика что ли
нет, которого ты стал бы, Ювентий, ценить,
кроме как этот вот твой, из-под смертоносной Писавры
выходец, с виду — бледней, чем позлащенный кумир?
По сердцу он тебе, его предпочесть ты дерзаешь
нам — не ведаешь ты, что за деянье творишь.

LXXXII

Quinti, si tibi vis oculos debere Catullum
aut aliud si quid carius est oculis,
eripere ei noli, multo quod carius illi
est oculis seu quid carius est oculis.

Квинтий, когда обязать Катулла глазами ты хочешь
иль иным, если есть что драгоценнее глаз,
не лишай же того, что глаз драгоценней намного
для него, если есть что драгоценнее глаз.

LXXXIII

Lesbia mi praesente viro mala plurima dicit:
 haec illi fatuo maxima laetitia est.
mule, nihil sentis? – si nostri oblita taceret,
 sana esset; nunc quod gannit et obloquitur,
non solum meminit, sed, quae multo acrior est res,
 irata est: hoc est, uritur et loquitur.

Лесбия всяко меня бранит в присутствии мужа, —
не веселиться ему, олуху, немоготу. —
Сути не чуешь, лошак? — Забыв обо мне, промолчала б, —
благоразумна; причем — раз, обзывая, корит, —
помнит; не только, но — что более остроумно —
и сердита еще, — значит, горит и зовет.

LXXXIV

'Chommoda' dicebat, si quando 'commoda' vellet
dicere et 'insidias' Arrius 'hinsidias',
et tum mirifice sperabat se esse locutum,
cum quantum poterat dixerat 'hinsidias'.
credo, sic mater, sic liber avunculus eius,
sic maternus avus dixerat atque avia.
hoc misso in Syriam requierant omnibus aures:
audibant eadem haec leniter et leviter,
nec sibi postilla metuebant talia verba,
cum subito affertur nuntius horribilis,
Ionios fluctus, postquam illuc Arrius isset,
iam non Ionios esse, sed Hionios.

Говорил «прибыля» вместо «прибыли» Аррий,
если же надо сказать «за́говор», он — «заговóр»,
и при этом считал себя чрезвычайно речистым,
сил не жалея, когда произносил «заговóр».
Видимо, и мать, и дядька его простоватый,
дед и бабка его так говорили всегда.
Послан в Сирию он — и нашим ушам полегчало,
стало наконец легче и проще внимать.
Мы подобных словес уже перестали бояться,
но внезапно к нам страшная весть донеслась:
Ионийское лишь открылось пред Аррием море,
не Ионийским совсем стало, но — Ионийским.

LXXXV

Odi et amo. – quare id faciam, fortasse requires?
nescio, sed fieri sentio et excrucior.

Ненавидя люблю. — Как мешаю я чувства? — ты спросишь.
Знать бы, — смешались во мне сами, размучив меня.

LXXXVI

Quintia formosa est multis. – mihi candida, longa,
 recta est: haec ego sic singula confiteor.
totum illud 'formosa' nego: nam nulla venustas,
 nulla in tam magno est corpore mica salis.
Lesbia formosa est, quae cum pulcherrima tota est,
 tum omnibus una omnis surripuit veneres.

Квинтия — образец, — на слуху; по мне ж белокура,
 длиннонога, стройна. Да, по частям — хоть куда.
В целом она «образец» — ничуть, ведь нет обаянья,
 нет как нет остроты в теле роскошном ее.
Лесбия — образец; она и в целом прекрасна,
 всех и всеми одна прелестями завладев.

LXXXVII

Nulla potest mulier tantum se dicere amatam
 vere, quantum a me Lesbia amata mea est.
nulla fides ullo fuit umquam foedere tanta,
 quanta in amore tuo ex parte reperta mea est.

Женщине ни одной не зваться так же любимой,
как любима моя Лесбия, истинно, мной.
Верности ни в одном договоре не было столько,
сколько в любовном тебе было предъявлено мной.

LXXXVIII

Quid facit is, Gelli, qui cum matre atque sorore
prurit et abiectis pervigilat tunicis?
quid facit is, patruum qui non sinit esse maritum?
ecquid scis, quantum suscipiat sceleris?
suscipit, o Gelli, quantum non ultima Tethys
nec genitor Nympharum abluit Oceanus:
nam nihil est quicquam sceleris, quo prodeat ultra,
non si demisso se ipse voret capite.

Что ж он, Геллий, творит? — с мамашею и сестрицей
без поддевки шалит, бодрствуя ночь напролет.
Что ж он творит? — не дает житья супружнице дядьки.
Знаешь ли, что он за преступленья вершит?
Совершил, — и каких! — ни дальней Тефии сроду,
ни Океану, отцу нимф, их, о Геллий, не смыть, —
и преступленьям конца не будет, покуда, нагнувши
голову, у себя сам не прикусит конец.

LXXXIX

Gellius est tenuis: quid ni? cui tam bona mater
tamque valens vivat tamque venusta soror
tamque bonus patruus tamque omnia plena puellis
cognatis, quare is desinat esse macer?
qui ut nihil attingat, nisi quod fas tangere non est,
quantumvis quare sit macer invenies.

Геллий тонок, — а то? — Его мамаша здорова
и дородна вполне, столь же изящна сестра,
дядька дороден вполне, в родне всевозможных малышей
у него полно, — как же тут не исхудать?
Даже не трогай он совсем ничего из того, что
трогать не суждено, — съест, с чего исхудать.

XC

Nascatur magus ex Gelli matrisque nefando
coniugio et discat Persicum aruspicium:
nam magus ex matre et gnato gignatur oportet,
si vera est Persarum impia religio,
gratus ut accepto veneretur carmine divos,
omentum in flamma pingue liquefaciens.

Пусть от гнусного волхв родится союза мамыши
с Геллием, выучит пусть, как по-персидски гадать, —
ибо должен волхв от сына с мамашей родиться,
коль нечестивая в том персов примета верна, —
выродок пусть богов заклинаниями умоляет,
в знак приятия пусть в пламени плавится тук.

XCI

Non ideo, Gelli, sperabam te mihi fidum
in misero hoc nostro, hoc perduto amore fore,
quod te cognossem bene constantemve putarem
aut posse a turpi mentem inhibere probro,
sed neque quod matrem nec germanam esse videbam
hanc tibi, cuius me magnus edebat amor;
et quamvis tecum multo coniungerer usu,
non satis id causae credideram esse tibi.
tu satis id ducti: tantum tibi gaudium in omni
culpa est, in quacumque est aliquid sceleris.

Геллий, тебя своим поверенным в этой несчастной,
в сей пропащей любви видел я не потому,
что тебя хорошо я знаю и стойким считаю,
могущим себя от непотребств удержать,
но поскольку тебе не мать, не родная сестрица
та, к которой меня всепоглощала любовь;
и, хотя с тобой мы связаны крепко, не хватит
этого, чтобы в тебе твердо уверенным быть.
Этого тебе хватило — сколь радует всякий
из проступков тебя, в коем хоть сколько-то зла.

XCII

Lesbia mi dicit semper male nec tacet umquam
de me: Lesbia me dispeream nisi amat.
quo signo? quia sunt totidem mea: deprecor illam
assidue, verum dispeream nisi amo.

Лесбия часто меня бранит, обо мне не скрывая, —
коль не любит меня Лесбия, чтоб я пропал.
Почему? — Потому, что и сам: ее проклиная,
но, коль не люблю, истинно, чтоб я пропал.

XCIII

Nil nimium studeo, Caesar, tibi velle placere,
nec scire utrum sis albus an ater homo.

Ни приходится тебе по нраву не хочется, Кесарь!
ни же знать: человек светлый ли, темный ли ты.

XCIV

'Mentula moechatur'. – moechatur Mentula certe.
hoc est, quod dicunt: 'ipsa olera olla legit'.

«Распустился хрен». — Конечно, хрен распустился. —
«Сам себе, — говорят, — овощ находит горшок».

XCIV

Zmyrna mei Cinnae nonam post denique messem
 quam coepta est nonamque edita post hiemem,
milia cum interea quingenta Hortensius uno

.

Zmyrna cavas Satrachi penitus mittetur ad undas,
 Zmyrnam cana diu saecula pervoluent;
at Volusi annales Paduam morientur ad ipsam
 et laxas scombris saepe dabunt tunicas.
parva mei mihi sint cordi monumenta [sodalis],
 at populus tumido gaudeat Antimacho.

«Смирна» Кинной моим наконец-то издана после
жатв и зим, как засел он за нее, девяти, —
тыщ пятьсот за одну тем временем и Гортенсий

.

«Смирна» до волн дойдет глубокого зыбких Сатраха,
«Смирну» седым векам долго листать и листать;
около Падуи смерть найдут Волюсия книги,
и заворачивать в них будут селедку не раз.
Памятник мне моего приятеля по сердцу скромный,
а раздутый толпу радует пусть Антимах.

XCVI

Si quicquam mutis gratum acceptumve sepulcris
 accidere a nostro, Calve, dolore potest,
quo desiderio veteres renovamus amores
 atque olim missas flemus amicitias:
certe non tanto mors immatura dolori est
 Quintiliae, quantum gaudet amore tuo.

Если немых могил желанных наших и милых
нашей печали, Кальв, может хоть капля достичь,
поминаем когда любви давнишней утрату
и оплакиваем дружбы оборванной след, —
ранней смертью своей не столь Квинтилия, верно,
там опечалена, сколь рада любви твоей.

XCVII

Non – ita me di ament! – quicquam referre putavi,
 utrumne os an culum olfacerem Aemilio.
nilo mundius hoc, nihiloque immundius illud,
 verum etiam culus mundior et melior:
nam sine dentibus est. – hoc dentis sesquipedalis,
 gingivas vero ploxeni habet veteris,
praeterea rictum, qualem diffissus in aestu
 meientis mulae cunnus habere solet.
hic futuit multas et se facit esse venustum,
 et non pistrino traditur atque asino?
quem siqua attingit, non illam posse putemus
 aegroti culum lingere cornipedis?

Нет, — пусть боги мне простят! — не пойму, что зловонней:
то ли Эмилиев зад, то ли Эмилиев рот.
Этот не чище ничуть, а тот ничуть не грязнее, —
 правда, все-таки зад чище и лучше чуть-чуть,
ибо беззуб. — У него зубищи во рту в три аршина,
 пара десен — почти кузов повозки былой,
между — пропасть, она невольно напоминает
 приотверстую в зной ссушей мулицы дыру.
Многих он уже перепёр, притворяясь изящным, —
 а не послать ли его на мукомольню к ослам?
Тем же, кто до него дотрагивается, понятно,
 уж не лучше ли зад у палача полизать?

XCVIII

In te, si in quemquam, dici pote, putide Victi,
id quod verbosis dicitur et fatuis:
ista cum lingua, si usus veniat tibi, possis
culos et crepidas lingere carpatinas.
si nos omnino vis omnes perdere, Victi,
hiscas: omnino quod cupis efficies.

Как ни к кому, к тебе подходит, Виктий противный,
то, что про льстецов и болтунов говорят:
этаким языком, едва представится повод,
задницы можно лизать или полы подметать.
Если всех нас погубить совсем ты, Виктий, возжаждешь —
рот разинь и кого хочешь совсем изведешь.

XCIX

Surripui tibi, dum ludis, mellite Iuventi,
 suaviolum dulci dulcius ambrosia.
verum id non impune tuli: namque amplius horam
 suffixum in summa me memini esse cruce,
dum tibi me purgo nec possum fletibus ullis
 tantillum vestrae demere saevitiae.
nam simul id factum est, multis diluta labella
 guttis abstersisti omnibus articulis,
ne quicquam nostro contractum ex ore maneret,
 tamquam commictae spurca saliva lupae.
praeterea infesto miserum me tradere amori
 non cessasti omnique excruciare modo,
ut mi ex ambrosia mutatum iam foret illud
 suaviolum tristi tristius elleboro.

quam quoniam poenam misero proponis amori,
 numquam iam posthac basia surripiam.

Я украл у тебя, играя, медовый Ювентий,
поцелуйчик один — сладости слаще самой.
Но за проступок свой жестоко наказан и больше
часа я ко кресту, помнится, был пригвожден,
и, оправдываясь, твою жестокость слезами
никакими смягчить, как ни старался, не мог.
Ибо содеянному вослед с размякнувших губок
капли оттирать всеми перстами ты стал,
ничего моего присохшим на них не оставив, —
точно мерзкая то ссущей волчицы слюна.
После ж предал меня, беднягу, пыткам любовным,
роздыху не давал, всячески муча меня,
что из сладчайшего стал, претерпев изменения, ныне
поцелуйчик один — горечи горше самой.

Так как ты грозишь за любовь бедняге расплатой,
впредь не стану твои я лобызания красть.

C

Caelius Aufillenum et Quintius Aufillenam
flos Veronensum depereunt iuvenum,
hic fratrem, ille sororem. – hoc est, quod dicitur, illud
'fraternum' vere 'dulce sodalicium'.
cui faveam potius? – Caeli, tibi: nam tua nobis
per facta exhibita est unica amicitia,
cum vesana meas torreret flamma medullas.
sis felix, Caeli, sis in amore potens!

Келию — Ауфиллен, а Квинтию — Ауфиллена,
гибельная любовь — юных веронцев красе,
этому — брат, а тому — сестра. Воистину, этот
«братский нерушим, — как говорится, — союз».
Кто предпочтительней мне? — Ты, Келий, поскольку на деле
выказана нам редкая дружба твоя,
сердце мое когда огнем ненасытным пылало.
Будь же счастлив и будь, Келий, в любви всемогущ!

CI

Multas per gentes et multa per aequora vectus
advenio has miseris, frater, ad inferias,
ut te postremo donarem munere mortis
et mutam nequiquam alloquerer cinerem.
quandoquidem fortuna mihi tete abstulit ipsum,
heu miser indigne frater adempte mihi!
nunc tamen interea haec, prisco quae more parentum
tradita sunt tristi munere ad inferias,
accipe fraterno multum manantia fletu,
atque in perpetuum, frater, ave atque vale!

Много, брат, земель и морей прошедший немало,
я погребальный обряд прибыл сюда совершить,
чтобы наконец почтить умершего жертвой
и к нему воззвать праху — вотще! — твоему,
потому как судьба меня с собой разлучила,
нагло, увы, у меня бедного брата отняв!
Ныне же все-таки так, как пращурь завещали
издревле совершать этот печальный обряд, —
нескончаемые прими скорбящего брата
и обильные, брат, слезы, прости и прощай!

CII

Si quicquam tacito commissum est fido ab amico,
cuius sit penitus nota fides animi,
meque esse invenies illorum iure sacratum,
Corneli, et factum me esse puta Arpocratem.

Если какая из тайн надежным доверена другом,
чья душа ясна верная до глубины,
то и меня найдешь достойным священного права, —
Гарпократ воплощен сущий, Корнелий, во мне.

CIII

Aut sodes mihi redde decem sestertia, Silo,
deinde esto quamvis saevus et indomitus:
aut, si te nummi delectant, desine quaeso
leno esse atque idem saevus et indomitus!

Или, пожалуйста, мне верни, Силон, десять тысяч,
после ж, как хочешь, будь неукротим и жесток;
или, коль деньги тебя устраивают, послушай:
сводничай, но не будь неукротим и жесток.

CIV

Credis me potuisse meae maledicere vitae,
 ambobus mihi quae carior est oculis?
non potui, nec, si possem, tam perditae amarem:
 sed tu cum Tappone omnia monstra facis.

Ты ль уверяешь в том, что мог мою, мол, бранить я
жизнь, что обоих мне все ж драгоценнее глаз?
Нет, не мог; если ж мог — от губельной только любви;
но лишь ты да Таппон — всем небылицам творцы.

CV

Mentula conatur Pipeleium scandere montem:
Musae furcillis praecipitem eiciunt.

Вознамерился хрен взойти на Пиплейскую гору —
да погнали его Музы поганой метлой.

CVI

Cum puero bello praeconem qui videt esse,
quid credat, nisi se vendere discupere?

Вместе увидав с красавчиком и зазывалу,
кто поверит, что сей не на продажу товар?

CVII

Si quicquam cupido optantique optigit umquam
insperanti, hoc est gratum animo proprie.
quare hoc est gratum nobis quoque carius auro,
quod te restituis, Lesbia, mi cupido,
restituis cupido atque insperanti, ipsa refers te
nobis. – o lucem candidiore nota!
quis me uno vivit felicior aut magis hac res
optandus vita dicere quis poterit?

Если то, что желал и жаждал, обрящет внезапно
кто-нибудь, — до чего ж это приятно душе.
Так приятно и нам — ценнее золота — то, что,
Лесбия, жаждущему мне возвращаешься ты,
жаждущему себя возвращаешь ты, предаваясь
нам, сама, — о знак цвета белейшего дня!
Кто счастливей меня? — событие разве какое
в жизни кто-нибудь сможет желанней назвать?

CVIII

Si, Comini, populi arbitrio tua cana senectus
 spurcata impuris moribus intreat,
non equidem dubito quin primum inimica bonorum
 lingua exsecta avido sit data vulturio,
effossos oculos voret atro gutture corvus,
 intestina canes, cetera membra lupi.

Если, Коминий, толпы произволом за мерзость и подлость
пресечется враз старость седая твоя,
то, несомненно, сперва язык твой, знати враждебный,
вырван будет — пускай коршун терзает его;
пусть прожорливый вран глаза расклюет и проглотит;
псам на корм потроха, все остальное — волкам.

CIX

Lucundum, mea vita, mihi proponis amorem
 hunc nostrum inter nos perpetuumque fore.
di magni, facite, ut vere promittere possit
 atque id sincere dicat et ex animo,
ut liceat nobis tota perducere vita
 aeternum hoc sanctae foedus amicitiae.

Жизнь моя! ты любовь беззаботную мне обещаешь:
мол, обоюдную быть и непрерывною ей.
Боги правые! пусть это будет на правду похоже,
сделайте, честно пусть и от души говорит,
пусть предлагает нам священной нерасторжимо
дружбы договор через всю жизнь пронести.

CX

Aufillena, bonae semper laudantur amicae:
 accipiunt pretium, quae facere instituunt.
tu, quod promisti, mihi quod mentita inimica es,
 quod nec das et fers saepe, facis facinus.
aut facere ingenuae est, aut non promisse pudicae,
 Aufillena, fuit: sed data corripere
fraudando officii, plus quam meretricis avarae [est],
 quae sese toto corpore prostituit.

Ауфиллена, всегда благие хвалимы подружки,
что, получая дары, делают дело свое.
Ты не подружка мне, пообещав, обманула:
не давать и брать часто — злодейство творить.
Честно — не обещать, рассчитываться — не стыдно,
Ауфиллена, но данного не возвращать
нагло — злодейство, и ты похлеще алчной блудницы,
что предлагает всем тело за деньги свое.

CXI

Aufillena, viro contentam vivere solo,
nuptarum laus ex laudibus eximiis:
sed cuius quamvis potius succumbere par est,
quam matrem fratres [efficere] ex patruo.

Ауфиллена! жить, одним довольствуясь мужем, —
 высшая из всех хвал для замужней хвала;
но случаться с кем угодно лучше на равных,
 чем мамаше своей братьев от дядьки рожать.

CXII

Multus homo es, Naso, neque tecum multus homo [est, qui]
descendit: Naso, multus es et pathicus.

Ты велик, Насон, — но никто с тобой из великих
не сойдется, — велик сам ты, Насон, и твой зад.

CXIII

Consule Pompeio primum duo, Cinna, solebant
Maeciliam; facto consule nunc iterum
manserunt duo, sed creverunt milia in unum
singula. – fecundum semen adulterio!

Был впервые Помпей у власти, Кинна, — имели
двое Мекилию; он снова у власти теперь —
двое остались, но — еще по тыще на каждом
выросло, — урожай прелюбодейства богат!

CXIV

Firmano saltu non falso Mentula dives
fertur, qui tot res in se habet egregias,
aucupium omne genus, piscis, prata, arva ferasque.
nequiquam: fructus sumptibus exsuperat.
quare concedo sit dives, dum omnia desint;
saltum laudemus, dum modo ipse egeat.

Хрен, говорят, богат Фирманским поместьем не ложно —
всякой всячины столь много имеется в нем:
пашен, лугов, зверей и птиц, и рыб всевозможных, —
но напрасно: доход не превышает расход.
Ладно, пусть будет богат, пока в нищете пребывает;
слава поместью, пока прок от него никакой.

CXV

Mentula habet instar triginta iugera prati,
quadraginta arvi: cetera sunt maria.
cur non divitiis Croesum superare potis sit,
uno qui in saltu tot bona possideat,
prata, arva, ingentes silvas altasque paludesque
usque ad Hyperboreos et mare ad Oceanum?
omnia magna haec sunt, tamen ipsest maximus ultro,
non homo, sed vero mentula magna minax.

Хрен владеет почти тридцатью десятинами луга,
пашни — сорока; все остальное — моря.
Отчего бы не мог превзойти богатством и Креза
он, в поместье одном столько стяжавший добра:
пашен, лугов, лесов, болот и заливов до самых
Гипербореев и вплоть до Океана морей?
Все у него велико, и сам-то он величайший
только не человек, но угрожающий хрен.

CXVI

Saepe tibi studioso animo venante requirens
 carmina uti possem mittere Battiadae,
qui te lenirem nobis, neu conarere
 tela infesta [meum] mittere in usque caput,
hunc video mihi nunc frustra sumptum esse laborem,
 Gelli, nec nostras hic valuisse preces.
contra nos tela ista tua evitabimus amictu:
 at fixus nostris tu dabis supplicium.

Долго подыскивал я пытливым охотником случай,
чтобы тебе послать те Баттиада стихи,
коими нам тебя смирить, чтоб не вздумал копья ты
наизготове в мою голову прямо метнуть, —
видно мне стало теперь, что трата усилий напрасна,
Геллий, и ничего наши не стоят мольбы.
Против копья твоего покров мы этот накинём,
нашим же пронзен, дашь ты себя наказать.

FRAGMENTA

Fr. I

Hunc lucum tibi dedico consecroque, Priape,
qua domus tua Lampsaci est quaque [silva] Priapi:
nam te praecipue in suis urbibus colit ora
Hellespontia ceteris ostriosior oris.

Fr. II

...de meo ligurrire libido est.

Fr. III

At non effugies meos iambos.

Fr. IV

Lucida qua splendent carchesia mali...

ОТРЫВКИ

118

Здесь тебе предаю, Приап, я священную рощу,
где дома и леса твоих Лампсака и Приапы, —
читит в своих городах тебя больше брег Геллеспонта
по сравнению с прочими устричными берегами.

119

...лакомства моего захотелось.

120

Не избегнешь моих, однако, ямбов!

121

Светлые где блестят наверхия щёглы...

371

ПРИМЕЧАНИЯ

Настоящее издание является полным собранием всех стихотворений и отрывков, безоговорочно принадлежащих Катуллу, и воспроизводит каноническую последовательность латинского оригинала, принимая за основу следующие издания: *Catulli Veronensis liber*. Recensuit Mauitius Schuster. Editionem stereotypam correctionem editionis secundae curavit W Eisenhut. Lipsiae, 1958; *Catulli Veronensis Carmina*. Iterum edidit Henricus Bardou. Stutgardiae, 1973; *Catullus. The Poems*. Edited with Introduction, Revised Text & Commentary by Kenneth Quinn. Bristol Classical Press, 2003.

Из существующих разночтений выбраны наиболее соответствующие стилю и духу Катулла. Большие лакуны не восстанавливаются и заменяются отточиями. Лакуны малого объема, восполненные за счет близких по фонетическому составу и смыслу слов и выражений, заключаются в квадратные скобки.

Античная письменность имела свои особенности (например, не знала строчных букв и не отделяла слова друг от друга), поэтому издание любого памятника античной литературы предполагает ряд условностей. К таковым, например, относится звуко-различительное начертание букв *V* и *U*, *v* и *u*, принятое в настоящем издании.

Особенности транскрипции латинских имен и географических названий в переводе следующие: дифтонг *ae* всегда *e*, *c* всегда *к*, *s*

и *z* всегда *c* (например, Caesar — Кесарь, а не Кайсар и не Цезарь), дифтонг *ai* всегда *av* (кроме имен Ауфиллен и Ауфиллена, иначе труднопроизносимых по-русски), сочетание *gn* всегда *kn*, сочетание *th* — либо *ϕ*, либо *t*, в зависимости от укрепившейся традиции.

Сбивчивая латинская нумерация оригинала возникла в эпоху Возрождения и по сей день считается канонической. В переводе для устранения путаницы и удобства счета выставлена последовательная нумерация арабскими цифрами. Сноски и ссылки в примечаниях даются на обе нумерации.

‘CATULLI VERONENSIS LIBER’
«КНИГА КАТУЛЛА ВЕРОНСКОГО»

«Книга Катуллы Веронского» (*‘Catulli Veronensis liber’*), включающая 117 стихотворений, сохранившихся полностью или с частичными утратами, дошла в нескольких списках XIV – XV вв., сделанных, в свою очередь, с единственного экземпляра более раннего [предположительно IX – X вв.] списка — так называемой «Веронской рукописи» (*‘Codex Veronensis’*), обнаруженной в библиотеке одного из монастырей Вероны в начале XIV в. и впоследствии бесследно утраченной.

Единственное стихотворение, дошедшее (с разночтениями и ошибками, но с теми же лакунами) не только в составе «Веронской рукописи», но и в антологии (*‘Florilegium’*) [IX – X вв.], называемой *‘Codex Thuaneus’*, — №62 (LXII). Первое печатное издание (*‘Editio Princeps’*) вышло в 1472 г. в Венеции (вместе с Тибуллом и Проперцием).

«Книга Катуллы Веронского» не представляет собой полного собрания сочинений поэта, о чем говорят отрывки, сохранившиеся помимо нее. Вероятнее всего, она механически составлена на закате

римской цивилизации неизвестными переписчиками из трех подлинных книг (свитков). Античная поэтическая книга (свиток) могла содержать от 400 до 900 строк, независимо от количества включенных произведений. Деление на свитки поддерживается параллелями и переключками (тематическими, стилистическими, синтаксическими, лексическими и т. д.) внутри каждого из них.

LIBELLUS PRIMUS ПЕРВЫЙ СВИТОК

Первый свиток (848 сохранившихся и восстанавливаемых строк) состоит из небольших по объему стихотворений, написанных лирическими и ямбическими размерами [№ 1 (I) — 60 (LX)], жанр которых сам Катулл определил словами *pugae* («безделки», «мелочи») и *inertiae* («пустяки», «вздоры»); главный объединяющий принцип — метрическая пестрота.

1 (I). Посвящение, открывающее свиток, — одно из самых известных еще в Античности стихотворений Катулла, наследшее многих подражателей от анонимного автора «Приаповой книги» (*Carmina Priapea*) [I в. по Р. X.] до Д. Магна Авсония [IV в. по Р. X.].

Корнелий Непот (*Cornelius Nepos*) [94 – 24 гг. до Р. X.] — римский историк и писатель, земляк и друг Катулла; его «Хроника» в трех книгах, главный труд Непота-историка, до нас не дошла; сохранились лишь отрывки из книги «О знаменитых людях» (*De illustribus viris*), в которой он вскользь упоминает о смерти Катулла и Лукреция [см. прим. к № 27 (XXVIII)], называя их «изысканнейшими поэтами нашего времени» («Аттик», 12).

...пемзой третью жесткой... — Античная книга представляла собой склеенный из листов папируса довольно длинный свиток, накрученный вокруг палочки-держателя и отглаженный пемзой с обеих сторон по краям наподобие обреза [см. прим. к №21 (XXII)].

Юпитер! — Здесь восторженное восклицание, близкое по значению: клянусь!

Покровительница-дева — скорее всего, Немесида как богиня справедливого воздаяния [см. прим. к. №49 (L)].

2 (II). Образует пару с №4 (III). *Воробей*, к которому обращается Катулл, был посвящен Венере. Держать ручных воробьев в Риме считалось изысканной прихотью.

3 (IIb). Отрывок, некоторыми комментаторами присоединяемый к №2 (II). Аллюзия на миф об Аталанте, обещавшей подарить свою девственность тому, кто победит ее в беге. Юноша Гиппомен бросил под ноги Аталанте золотое яблоко, дар Афродиты. Бегунья замешкалась, поднимая, и проиграла. Пояс девственности достался Гиппомену.

4 (III). Пародия на плач по умершему; образует пару с №2 (II).

...Венеры и Купидоны... — *Венера* — римская богиня садов и плодородия, отождествленная с Афродитой и переосмысленная в богиню любви и красоты, дочь Юпитера и Дионы [см. прим. к №55 (LIV)]; считалась покровительницей римлян — потомков ее сына Энея; различались, по меньшей мере, две Венеры — земная и небесная, которым сопутствовали *Купидоны*, воплощающие страсти.

Орк — римский бог смерти и подземного царства, губитель и похититель жизней, тождественный греческому Аиду.

5 (IV). По возвращении домой из вифинской поездки [см. прим. к 11 (X)] Катулл посвятил изображение (или модель) кораблика (*phasellus* — имеющий форму стручка), на котором плыл, в храм Кастора и Поллукса.

...взморье Адриатики / губительное... Киклады... знатный Родос... лихая Фракия... Пропонтида... залив Понта... Китор самшитовосный и Понтийская / Амастра... — Топография пути Катулла из Вифинии домой в обратной последовательности. Адриатика и Киклады считались опасными для мореплавания; Кв. Гораций Флакк в оде I, 14 советует своему кораблю держаться подальше от Киклад. Родос был религиозным и торговым центром. Фракию, по мнению римлян, населяли жестокие разбойники. Гора Китор славилась самшитовыми лесами.

...благой Юпитер... — попутный ветер; Зевс (Юпитер) приходился ветрам дедом.

...до озера прозрачного... — Бенакское (Лидийское) озеро [см. прим. к 30 (XXXI)].

Двойняшка Кастор и двойняшка Кастора. — Братья-Диоскуры, бессмертный Кастор и его смертный брат Поллукс (Полидевк), сыновья Леды и брата Елены, покровители странствующих и путешествующих по морю и посуху.

6 (V). Образует пару с №8 (VII); вызвало множество пародий (например, ‘*Carmina Priarea*’, LI), подражаний (М. Валерий Марциал, Иоанн Секунд) и переложений (например, ‘*To Celia*’ Бена Джонсона). *Лесбия* — условно-поэтическое имя возлюбленной Катулла, этимологически — «жительница Лесбоса» (возможно, с намеком на Сапфу); традиционно (начиная с «Апологии» Л. Апулея) считается, что под этим именем скрывается известная красавица того времени Клодия (Клавдия) Пульхра (*Clodia Pul-*

chra), сестра народного трибуна 58 г. Публия Клодия Пульхра, противника Кикерона. Мужем Клодии был Квинт Метелл Келер [Q. Metellus Celer], наместник Предальпийской Галлии в 62 г., консул в 60 г., умерший в 59 г. до Р.Х. М. Туллий Кикерон [см. прим. к №48 (XLIX)] в 56 г., защищая в суде М. Келия Руфа [см. прим. к №57 (LVIII)], обвинил Клодию Пульхру во всех мыслимых и немыслимых грехах, например, помимо всего прочего, в отравлении собственного мужа и в преступной связи с братом [см. прим. к №80 (LXXIX)]. В письмах Кикерон называл Клодию по-гречески «волоокой» («βοῶπις»). Неоднократно филологами предпринимались тщетные попытки выстроить из любовных стихотворений Катутлла, прямо или косвенно повествующих о похождениях Лесбии, целый психологический роман.

...ночь — безжизненный сон и беспробудный. — У Катутлла дословно: *ночь есть сплошной вечный сон [без пробуждения]*; ночь — метафора смерти.

Тыщу дай лобызаний мне и сотню... — Диалектное слово *basium* (лобызание перевода), означающее *страстный поцелуй*, и производные от него формы, видимо, были распространены в родной Катутллу Транспаданской Галлии и употреблены им в латинской поэзии впервые. У римлян имелись другие — близкие по значению — слова, которыми, кстати, пользовался, но значительно реже, и Катутлл: *suavium*, *osculum* (поцелуй), *amplexus* (объятие). Но именно *basium* с легкой руки Катутлла укоренилось во всех романских языках.

...злодей никакой не сможет сгладить, /зная в точности, сколько лобызаний. — По народной примете, злые завистники могут навредить только при наличии точных сведений.

7 (VI). Пародия на разоблачительную речь. О *Флавии* ничего не известно. Любовь у греков, а во времена Катутлла и у римлян

считалась общественным достоянием, а укрывательство оной неуместным [ср. №54 (LV)].

...*Сирийских маслин благоуханьем*... — Сирия, римская провинция в Передней Азии, славилась своими благовониями.

8 (VII). Образует пару с №6 (V).

...*за Киреную душносмолоносной*... — Город и область Кирена, располагавшиеся в Северной Африке на краю *Ливийской* пустыни, славилась выращиванием лекарственного и пряного растения из семейства зонтичных, называемого *Laserpicium* или *Ferula assafoetida* (душносмол, дурной дух, чертов кал). Кирена была основана в VII в. до Р. Х. царем-заикой *Баттом*, гробница которого считалась священной; потомком Батта был александрийский поэт III в. до Р. Х. Каллимах (Баттиад). На противоположном краю Ливийской пустыни находилось знаменитое святилище и вешальня (ограclum) египетского бога Амона (*знойного Юпитера*).

9 (VIII). Перекликается с №36 (XXXVII), 76 (LXXVI) и 88 (LXXXVII); имеет кольцевую структуру; обращено в первой части — к самому себе, во второй — к Лесбии, не названной по имени.

...*не городаи вздора*... — Ср. с №7 (VI) и 16 (XIVb).

10 (IX). О *Верании*, упоминаемом вместе с *Фабуллом* [см. прим. к №14 (XIII)] в №13 (XII), 27 (XXVIII) и 46 (XLVII) и дважды именуемом ласкательно *Вераша* (*Veraniolus*), ничего не известно.

...*тремятами / тыщами*... — Часто употребляемое Катуллом для обозначения множества число [ср. №46 (XLVII)].

...*к своим пенатам*... — Пенаты, римские домашние боги, хранители семьи и очага.

...брошусь расцеловать в глаза и губы. — Обычай целовать приятеля при встрече отнюдь не римский, но кельтский; вероятно, он существовал в родной Катулле Транспаданской Галлии.

11 (X). Рассказ о посещении болящей подружки П. Альфена *Вара* [см. прим. к №21 (XXII)], в котором мелькают подробности неудачной поездки Катулла в Вифинию под началом наместника Г. Меммия [см. прим. к №27 (XXVIII)]. У поездки, предпринятой в 57 – 56 гг., было две цели: посетить могилу умершего под Троей брата и заработать денег; последняя цель достигнута не была.

...носильщиков прирожденных... — Вифиния славилась своими рабами-носильщиками.

Сератис — бог-целитель больных и увечных египетского происхождения.

Кинна Гай — поэт Г. Гельвий Кинна [о нем см. прим. к №96 (XCV)], спутник Катулла в вифинской поездке.

...неостроумна и несносна... — Катулл хочет скрыть свою бедность и выходит из положения, выдавая невозможность предоставить то, что у него просят, за нежелание по эстетическим соображениям.

12 (XI). Начальные строфы — пародия на гимн Полидевку и Кастору [см. прим. к. №5 (IV)] древнегреческого лирика Алкея с острова Лесбос [VII – VI вв. до Р. X.], наряду с Сапфой особо почитаемого Катуллом и поэтами его круга; три завершающие строки отсылают к стихотворению Сапфы [Fr. 105 с]. О *Фурии* и *Аврелии*, приятелях Катулла, ничего не известно; если только первый не Марк Фурий Бибакул (M. Furius Bibaculus), поэт из круга Катулла, прославившийся своими ямбами, автор книги «Шалости» ('Ludicra'), из которой сохранилось несколько

насмешливых отрывков о П. Валерии Катоне [см. прим. к №55 (LVI)]. В стихотворении очерчены (не без доли иронии) пределы мира, на тот момент (примерно к 55 г. до Р. Х.) подвластного Риму.

...киндамли он вторгнется за предельным... — инды — народы, жившие на правом берегу Инда, где по античным представлениям находился край света.

Эой — «утренняя звезда», денница; здесь — восточная часть света.

...к гирканам...к сагам...к стрелоносным парфам... — Воинственные *парфы* в союзе с *гирканами* и *сагами* противостояли натиску римлян на Востоке.

...Нил гладь морскую красит / рассемирный... — разветвленная дельта Нила, несущего в море красноватый плес.

...памятники Кесаря примечая... — Совершая завоевательный поход против *британнов*, Г. Юлий Кесарь с огромным войском впервые перешел Альпы в 55 г. до Р. Х.

Галльский Рен — река, граница Галлии и Германии (ныне — Рейн).

13 (XII). Направлено против *Асиния* Поллиона, воришки на пиру [ср. с №24 (XXV)]; судя по всему, он был старшим братом Гая Асиния *Поллиона*, известного в последствии полководца, оратора, историка, покровителя искусств. О *Верании* см. прим. к №10 (IX); о *Фабulle* см. прим. к №14 (XIII).

Руку левую... — По народному поверию, считалось, что левая рука предназначена для злых дел, а правая — для добрых.

Маррукин — уроженец отдаленного городка Маррукины.

Талант — денежная и весовая единица Греции; здесь — неопределенно большая сумма.

...триста одиннадцатисложек... — см. прим. к №41 (XLII).

...*Сетабские... платки...* — *Сетаб* — городок в Иберии, славившийся производством льна и изделий из него. На званые пиры было принято приходить со своим платком и столовым прибором.

14 (XIII). Пародия на приглашение к обеду. О *Фабулле*, упоминаемом вместе с *Веранием* [см. прим. к №10 (IX)] в стихотворениях №13 (XII), 27 (XXVIII) и 46 (XLVII), ничего не известно.

...от *Венер с Купидонами...* — см. прим. к №4 (III).

15 (XIV). Отповедь Г. Ликинию *Кальву* [см. прим. к №52 (LIII)], приславшему Катуллу к *Сатурналиям* книги дрянных стихотворцев. *Сатурналии* — любимый римлянами праздник в честь Сатурна, напоминавший о золотом веке; проводились с 17 по 21 декабря каждого года. На время праздника рабы становились господами, а господа прислуживали и всячески потакали рабам, прекращались войны, останавливалась торговля. Принято было прощать взаимные обиды и дарить друзьям и знакомым подарки. Последние три стиха — заклинательная формула [ср. с №26 (XXVII), 35 (XXXVI)].

...поднесен *буквоедом Суллой...* — вероятно, одним из подзащитных Кальва.

...*Кесиев и Аквинов и Суффенов...* — Имена плохих, с точки зрения Катуллы, поэтов, о которых ничего не известно.

16 (XIVb). Начало стихотворения, мотивом «нечистого содержания» перекликающегося с №18 (XVI).

17 (XV). Об *Аврелии* см. прим. к 12 (XI).

...задние ворота / протаранят... — Обычное наказание за прелюбодеяние, распространенное в Древней Греции, а затем и в Риме.

18 (XVI). Отповедь *Фурию* и *Аврелию* [см. прим. к 12 (XI)]; перекликается с *тыщами лобызаний* с №6 (V), 8 (VII) и 47 (XLVIII); имеет кольцевую структуру.

Чистым быть полагается поэту / самому, а стихиата — обойдутся... — Поэтическое кредо Катутлла, где он отчетливо противопоставляет себя-поэта себе-человеку.

19 (XVII). Скорее всего, литературно обработанная обрядовая песня [ср. с №33 (XXXIV), 61 (LXI), 63 (LXIII), 118 (Fr. I) и 119 (Fr. II)]. *Мосты* и болотные гати, по представлениям римлян, считались священными сооружениями, они использовались для ежегодных жертвоприношений и ритуальных игрив в первый день месяцев марта и октября. Салиями, жрецами бога Марса, на мостах устраивались *священные пляски* и распевались магические песни, призванные способствовать плодородию и деторождению (вероятно, этим и обусловлен выбор приапейского размера по аналогии). Поэтому и предлагается в качестве очистительной жертвы, исполняя архаичный обычай, самого неспособного для исполнения обязанностей мужа старика сбросить с моста.

Колония — городок, расположенный к востоку от родной Катутллу Вероны.

...*топором лигурийским...* — Лигурия (Gallia Cispadana) — местность, расположенная на северо-западе Апеннинского полуострова, между Лигурийским заливом и рекой Пад (ныне — По), к западу от Вероны. Почему топор назван *Лигурийским*, не ясно; возможно, он имел какую-то особую форму.

20 (XXI). Перекликается с №17 (XV). Об *Аврелии* см. прим. к 12 (XI).

...не сегодняшней лишь... — устойчивый оборот, повторяющийся (с некоторыми вариантами) еще дважды [см. №№23 (XXIV) и 48 (XLIX)].

21 (XXII). Публий Альфен *Вар* (P. Alfenus Varus) из Кремоны — известный юрист, приятель Катулла. О *Суффене* см. прим. к №15 (XIV).

...бумага царская, дивны /на стержнях свитки, скручены тесьмой красной, /линованы свинцом, отглажены пемзой... — Приметы роскошно «изданной» книги.

...не видно нам лишь то, что за спиной носим. — Цитата из басни Эзопа «Две сумы».

22 (XXIII). Пародия на увещательную речь; состоит из поговорочных выражений, гиперболизирующих бедность *Фурия* [см. прим. к 12 (XI)].

...сто тысяч просить... — 100 000 сестертиев — довольно большая сумма денег.

23 (XXIV). Перекликается с №22 (XXIII), 47 (XLVIII), 82 (LXXXI) и 100 (XCIX). *Ювентий*, *краса* (flosculus — цветочек) *всех Ювентиев*, — поэтическое имя любовника Катулла.

Мидас — фригийский царь, подпоивший Силена, спутника Диониса, и насильно оставивший его у себя с целью выведать кое-что тайное; в награду за его освобождение Дионис выполнил желание Мидаса превращать все, что ни попадет к нему в руки, в золото; здесь — сравнение *Фурия* с *Мидасом* — насмешка над первым.

24 (XXV). Отповедь «изнеженному» *Таллу*, воришке на пиру [ср. с 13 (XII)], о котором ничего не известно. Первые три строки построены на поговорочных выражениях.

...*богиня женская*... — вероятно, Диана-Луна [см. прим. к №33 (XXXIV)].

...*сегабский мой платок*... — см. прим. к № 13 (XII).

...*узорчатые финки*... — какие-то предметы, привезенные Катуллом из вифинской поездки (возможно, столовый прибор).

25 (XXVI). Построено на игре слов: двух значений слова *opposita* (заложена перевода) и двойного значения слова *ventum* (*ветер*), в сочетании с *pestilentem* дающим *ventum pestilentem* (морское поветрие). О *Фурии* см. прим. к № 12 (XI).

...*Бореем наглым, / Австром, Апельютом и Фавоном*... — северным, южным, восточным и западным ветрами.

Пятнадцать тысяч двести [сестертиев]. — Очень скромная для залога за дачку сумма.

26 (XXVII). Обращено к прислужнику, разносящему вино, которое считалось священным напитком Вакха, а сам обряд винопития был сакрален. По мере продолжения пира вино подносилось с каждым разом все крепче и крепче. Последние три стиха — заклинательная формула [ср. с № 15 (XIV), 35 (XXXVI)].

...*старичка Фалерна*... — персонифицированный сорт излюбленного римлянами вина.

...*Постумии глас, царицы пира*... — На пиру по греческому обряду на должность царя (царицы), выбиравшего сорт, крепость вина, порядок питья, назначался один из участников. О *Постумии* ничего не известно.

Фионец — бог вина Вакх-Дионис (Либер), названный так от имени матери Семелы (в сонме богов — Фионы), дочери царя Кадма и Гармонии; здесь — метафора вина.

27 (XXVIII). Образуется пару с № 46 (XLVII), а также поддерживает мотив № 11 (X). Лукий Кальпурний *Писон* Кесонин (L. Calpurnius Piso Caesoninus) — консул в 58 г., проконсул Македонии в 57–55 гг., по возвращении из которой подвергся обвинениям Кикерона (в речи «Против Писона»); отец Кальпурнии, жены Г. Юлия Кесаря. *Вераний* [см. прим. к № 10 (IX)] и *Фабулл* [см. прим. к № 14 (XIII)] находились в составе свиты Писона во время его македонского наместничества. Гай *Меммий* Гемелл (G. Memmius Gemellus) — народный трибун в 66 г., претор в 58 г., сторонник сначала Помпея, а потом Кесаря, друг Кикерона и Тита Лукретия Кара (T. Lucretius Carus) [99–55 гг. до Р. X.], посвятившего Меммию свою поэму «О природе вещей» ('De rerum natura'). В свите Меммия Катулл совершил поездку в Вифинию в 56 г., которым можно датировать стихотворение. Последние две строки напоминают ритуальное проклятие.

...позорище Ромула и Рема! — Так именует Катулл Писона и Меммия.

28 (XXIX). Направлено против Гая Юлия Кесаря (G. Iulius Caesar) [100–44 гг. до Р. X.], Гнея Помпея [см. прим. к № 114 (CXIII)] и *Мамурры* из города Формий, который был командиром инженерных войск в армии Кесаря во время его завоевательных походов и, видимо, неплохо нажился. Плиний Младший в «Естественной истории» ('Historia naturalis') рассказывает, ссылаясь на Корнелия Непота [см. прим. к № 1 (I)], что Мамурра был первым из римлян, украсившим стены своего дома

на Келийском холме мрамором. Существует небезосновательное предположение, что полное его имя — Лукий Витрувий Мамурра (L. Vitruvius Mamurra), происходивший из всаднического рода, известный инженер, изобретатель и архитектор, автор классического трактата «Об архитектуре» ('De architectura') в 10 книгах. В своем трактате, написанном уже в правление Кесаря Августа и ему верноподданнически посвященном, Витрувий рассказывает о том, что сопровождал Кесаря в походах, занимаясь строительством военных машин, и находился с ним в очень близких приятельских отношениях. Кроме того, многочисленные формийские надгробные надписи с указанием рода Витрувиев Мамурр говорят в пользу этого предположения. «Городом Мамурр» шутливо назвал Формий Гораций (Сатиры, I, 5). Историк Гай Светоний Транквилл (G. Suetonius Tranquillus) в «Жизни двенадцати цезарей» («Юлий», 73) сообщает, что «в стихках о Мамурре Катулл заклеил его [Г. Юлия Кесаря] вечным клеймом» (пер. М.Л. Гаспарова). Кесарь был рассержен, но все-таки, в знак примирения, пригласил Катуллу на обед. Поэт, после уговоров своего отца, близкого приятеля Кесаря, согласился принять это приглашение. Однако мнения своего Катулл не изменил, о чем живо свидетельствуют такие его стихотворения, как №53 (LIV), 56 (LVII), 94 (XCIII). Написано в 55 г.

Галлия Косматая (Gallia Comata) — официальное название Заальпийской Галлии, римской провинции, основанной на завоеванных Кесарем землях; жители Галлии по традиции носили длинные волосы.

Британния — самый крупный из Британских островов; в 55 и 54 гг. Г. Юлий Кесарь совершил два завоевательных похода на остров.

Блудливый Ромул... — Кесарь как воплощение прародителя римлян, Ромула.

...Адонис или голубок невиннейший! — финикийский бог плодородия, любовник Афродиты (Венеры), полгода проводящий с ней, полгода в царстве мертвых, и священная птица Венеры.

...полновластный выскочка... (imperator unice) — насмешливое прозвище Г. Юлия Кесаря.

...далекий остров... западный... — Британния.

...Понт, потом Иберия... — Подразумеваются война Гн. Помпея с Митридатом Понтийским в 66–62 гг. до Р. Х. и наместничество Кесаря в Иберии, во время которых Мамурра был начальником саперных и строительных работ.

Понт — римская провинция на северо-востоке Малой Азии.

Иберия — доримское название Испании по наименованию древних племен иберов.

...златоносный Таг... — река в Иберии (ныне — Тахо/Тежо).

...столичные правители, / вы, зять и тесть... — Г. Юлий Кесарь и Гн. Помпей, женатый на дочке Кесаря.

29 (XXX). Пародия на «похотливые песни» (идиллии XXIX и XXX) Феокрита из Сиракуз [310–245 гг. до Р. Х.], с первой связано темой и отчасти образами, со второй — стихотворным размером, большим асклепиадовым стихом. О П. *Альфене* Варе см. прим. к №21 (XXII).

Доверие — римское персонифицированное полубожество, охраняющее доверившихся и карающее его не оправдавших.

30 (XXXI). Написано по возвращении из Вифинии в 56 г. и обращено к полуострову *Сирмий (Sirmio)* на Бенакском озере, где находилась дача Катутлла. *Лидийским* Бенакское озеро

(ныне — Гарда), расположенное к западу от Вероны, названо, потому что жители окрестных мест считали себя выходцами из Лидии (Малая Азия), что подтверждается раскопками.

...*обоими Нептунами*... — Римляне различали двух Нептунов, морского и пресноводного.

...*финов / с вифинами*... — народов, населявших Вифинию [см. прим. к № 11 (X)].

Лар — римский бог домашнего очага; здесь — метафора дома.

31 (XXXII). О гетере *Инцидилле* ничего не известно.

В полдень — в послеполуденную сиесту.

...*чтобы двери / ...никто другой не запер*... — Когда у гетеры находился мужчина, она вывешивала специальную табличку с надписью, что-то вроде «Занято», чтобы не стучали зря.

...*девяяти непрерывным поражениям*. — Девять — сакральное число заговоров.

32 (XXXIII). О *Вибеннях*, отце и сыне, ничего не известно. Банное воровство и банная проституция в Риме процветали пышным цветом.

33 (XXXIV). Гимн *Диане*, римской богине растительности; считалось, что именно она помогает при родах, поэтому обычно ее называли женской богиней. Диана была отождествлена с греческой богиней Артемидой, *дщерью Юпитера* и Латоны (отсюда и имя — *Латония*). В зависимости от выполняемой функции ее также называли: *Люкиной* (светлой), покровительствующей браку и зачатию; *Луной*, тождественной греческой Мене (Селене), следившей за менструальным циклом; *Тривией*, богиней трех

дорог: на земле, на небе и в преисподней; *Юноной* Диана названа из-за функциональной близости при деторождении.

...под маслиной *делийской*... — под маслиной на острове Делос некогда Латона разрешилась Аполлоном и Артемидой (Дианой).

...*Ромула*... *род*... — римлян; *Ромул* — брат-близнец Рема, основатель Рима и первый его царь, убивший брата, посмевшего перешагнуть через стену только что заложенного города на холме Палатин; посмертно принят в сонм богов.

34 (XXXV). Обращено к *повестке*, отправленной *Кекилию*; существует предположение, что его полное имя — Гай Плиний Кекилий Секунд (G. Plinius Caecilius Secundus), предок Плиния Младшего, у которого был дом в *Новом Коле*, городке в Транспадании (по соседству Вероной), основанном в 59 г. на западном берегу *Ларийского* озера как военное поселение Г. Юлием Кесарем. Поэма, посвященная Кибеле, *всевладычице Диндимы, Великой Матери* богов, о начале которой говорит здесь Катулл, — № 63 (LXIII).

...*своего ль, моего ль*... *друга*... — Скорее всего, так Катулл называет самого себя, имея в виду себя-поэта и себя-человека.

Сапфа (Псапфа, Сапфо) — лирическая поэтесса [VII – VI вв. до Р. Х.] с острова Лесбос, «десятая муза», особенно почитавшаяся в эпоху эллинизма за изящество и мудрость.

35 (XXXVI). Пародия на обетный гимн; имеет кольцевую структуру. О *Волюсии* [см. также № 96 (XCV)] и его стихотворной летописи ('*Annales*') ничего не известно. Последние три стиха — заклинательная формула [ср. с № 15 (XIV), 35 (XXXVI)].

...*богу медленноному*... — богу огня Вулкану, отождествленному с Гефестом, мужем Афродиты (Венеры), хромым и некрасивым.

Амафунт, Голг, Идалий, Книд, Урий, Анкона, Дуррахий — основные места почитания Афродиты (Венеры).

36 (XXXVII). Образует пару с №38 (XXXIX); перекликается с №9 (VIII). Об *Эгнатии* ничего не известно.

Разнузданный... кабак... — Кабаки (*tabernae*) были одним из самых любимых римским простонародьем мест для времяпрепровождения и — естественно — рассадниками всяческих пороков. Посещение подобных заведений знатными римлянами, а тем более римлянками осуждалось.

...девятый столб от околпаченных братьев... — точный адрес кабака; храм братьев Диоскуров [см. прим. к №5 (IV)], изображавшихся в круглых войлочных шапочках, находился на южной стороне Форума (развалины храма сохранились).

...сын Кельтиберии крольчиной... — Кельтиберия [см. прим. к №38 (XXXIX)] славилась разведением особо плодovitых пород кроликов, которых отчеканили даже на кельтиберских монетах.

37 (XXXVIII). Квинт *Корнифиций* (Q. Cornificius) [ум. 41 г. до Р. X.] — поэт и оратор, автор поэмы «Главк» и множества мелких стихотворений, до нас не дошедших; участвовал в гражданской войне против Октавиана и погиб в Африке, оставленный своими солдатами.

...надрывней рыданий Симонида! — Древнегреческий поэт Симонид Кеосский [556–467 гг. до Р. X.] известен хорowymi надгробными плачами и эпитафиями.

38 (XXXIX). Образует пару с №36 (XXXVII). Объект насмешек — дикость некоего кельтибера *Эгнатия*. Порок, который Катулл считает *не вежливым* (*morbum ne urbanum* — не городская болезнь), — пустое зубоскальство.

...сабинец... тибурец, / ...скопидомный умбр... этруск жирный / ...мрачный ланувин... транспаданец... — перечисление названий жителей италийских областей, пользующихся правами латинского гражданства, с характерными для них эпитетами.

...в Кельтибер землях / обычай... — Кельтиберия — местность на территории современной Испании; кельтиберы отличались грубыми нравами и дикими, по представлениям римлян, обычаями, один из них — чистить зубы мочой.

39 (XL). О *Равиде* ничего не известно. Сходный мотив *долговременной расплаты, вечной кары* см. в № 79 (LXXVIIIb).

Ямбы — у Катуллы стихи «грозного» содержания независимо от размера, которым они написаны. Ср. с № 35 (XXXVI) и 53 (LIV).

40 (XLI). Перекликается с № 42 (XLIII). О гетере *Амеане* ничего не известно.

...десять тысяч... — см. прим. к № 104 (CIII).

...проходимца формийского подружка... — Мамурры [см. прим. к № 28 (XXIX)], уроженца города Формий, расположенного на побережье Тирренского моря.

41 (XLII). Катуллом описан древний обычай возврата владельцу незаконно полученного или приобретенного. Пострадавший мог собрать двух-трех человек, знавших обстоятельства дела, догнать обидчика и прилюдно дважды произнести его имя и требование. Расписка, о которой говорит Катулл, вероятно, им была дана гетере в том, за сколько и на какой срок он ее покупает, то есть являлась своеобразным долговым обязательством. Видимо, хромоногость гетеры и стала причиной отказа Катуллы от своих обязательств.

Одиннадцатисложки (hendecasyllabi) — олицетворенное название (во множественном числе) стихотворного размера, часто используемого Катуллом.

...*скаля зубы подобно сучке галльской*. — В Галлии разводили болонок, которые из-за своего непривычного вида и вошли в поговорку.

42 (XLIII). Перекликается с №40 (XLI).

...*ни маленького носа, / ни чернеющих глаз, ни стройных ножек, / ни опрятного рта, ни длинных пальцев, / ни изысканной речи...* — отсутствующие у Амеаны признаки женской красоты по Катуллу. Ср. также с №87 (LXXXVI).

43 (XLIV). Образует своего рода пару с №30 (XXXI), как и там, адресатом выступает не человек, а место. Публий *Сестий* (P. *Sestius*), народный трибун в 57 г., подзащитный Кикерона [см. прим. к №48 (XLIX)], речь которого «За Публия Сестия» ('Pro P. Sestio') 56 г. сохранилась. Речь же Сестия *против Антия*, причина болезни Катулла, — произведение неизвестное.

...*сабинец или тибурец...* — Сабин и Тибур — два небольших городка, граничащих друг с другом, в 40 км к востоку от Рима. Первый славился простотой жизни и нравов, второй — дачная местность римской знати — напротив, непомерной роскошью и необузданностью.

Крапива (urtica) — народное средство от кашля.

44 (XLV). Песнь на бракосочетание по греческому обряду римлянина *Септимия* и гречанки *Акмы* (о них ничего не известно), дающих клятвы в любви и верности перед алтарем *Амора*, римского божка любви; написана в 55 г. до Р. Х.

...в Ливии ль, в Индши ли... — Из этих отдаленных стран, где существовали профессиональные ловцы, в Рим привозили львов для травли.

...чихнул направо. — У римлян — благое знамение приятия клятвы, у греков — наоборот; чихая на две стороны, Амор принимает обе клятвы.

...одному... господину... — Амору.

...всех Сирий и Британний... — всех богатств этих стран; намек на неудачные завоевательные походы М. Ликиния Красса [ум. 53 г. до Р. Х.] в Сирию и Г. Юлия Кесаря в Британию в 55 г. до Р. Х.

...знаменательней Венеру?! — любовь с таким количеством благих знамений.

45 (XLVI). Написано перед возвращением из вифинской поездки в 56 г. [см. №5 (IV) и 30 (XXXI)], в которой одним из *приятных спутников* Катуллы был Г. Гельвий *Кинна* [см. прим. к №96 (XCV)].

...равноденственную смуту... — В дни весеннего равноденствия во Фригии проходили празднества в честь Аттиса и Кибелы [см. прим. к №63 (LXIII)].

Зефир — персонифицированный благоприятный ветер с запада.

От фригийских полей... / знойной долов Никеи... — Фригией у Катуллы названа Вифиния, на территории которой в древности находилось Фригийское царство; *Никея* — столица Вифинии.

...к светлым Асии... столицам! — Римская провинция Асия включала часть земель Малой Азии, расположенных на побережье Эгейского моря с городами Хиос, Смирна, Эфес и др.

46 (XLVII). Образует пару с №27 (XXVIII). О *Сократионе* и *Поркии*, подручных *Писона* [см. прим. №27 (XXVIII)], ничего

не известно; о *Верании* см. прим. к № 10 (IX); о *Фабулле* см. прим. к № 14 (XIII).

...пара левых / рук... — см. прим. к № 13 (XII).

...этим прытким... *Приапом?* — Писоном; о *Приане* см. прим. к № 118 (Fr. I).

...день-деньской обильный / пир? — С утра до послеполуденной сиесты у римлян было принято заниматься делами.

47 (XLVIII). Перекликается с № 6 (V), 8 (VII), 18 (XVI) и 100 (XCIX). О *Ювентии* см. прим. к № 23 (XXIV).

...трехсот тыщ... — см. прим. к № 10 (IX).

...класов сухих ничуть не гуще... — Происхождение этого причудливого образа можно объяснить архаической функцией Венеры [см. прим. к № 4 (III)].

48 (XLIX). *Марк Туллий* Кикерон (M. Tullius Cicero) [106 – 43 гг. до Р. Х.] — знаменитый римский оратор, политик и писатель, защитник «старой» и противник «новой» поэзии; как судебный оратор славился беспринципностью, ему ничего не стоило оправдать злодея и обвинить неподсудного.

Ромула потомки — римляне.

49 (L). Дружеское послание, обращенное к Г. *Ликинию* Кальву [см. прим. к № 52 (LIII)].

...на дощечках моих... — Дощечки (tabellae), покрытые слоем воска, служили римлянам писчими принадлежностями.

...противна была еда бедняге... — Душевные терзания римляне выражали через телесные муки.

Немесиды — богиня возмездия за гордыню, несправедливые поступки и любовные обиды.

50 (LI). Три первые строфы — перевод начала известной оды «*Φαίνεται μοι κῆνος ἴσος θεόισιν...*» Сапфы [см. прим. к № 34 (XXXV)], переадресованной *Лесбии*. Восьмая строка не сохранилась. Две последние строки заимствованы из найденной среди оксиринхских папирусов оды Алкея [см. прим. к № 12 (XI)], в которой благочестивая свадьба Фетиды и Пелея [см. прим. к № 64 (LXIV)], родителей Ахилла, противопоставляется порочной связи Париса и Елены, принесшей гибель городам и народам [см. прим. к № 68 (LXVIII)].

Безделье (otium) — свободное времяпрепровождение, в том числе любовь и занятия поэзией, в патриархальном Риме категорически осуждалось.

51 (LII). Марк *Ноний* Суфенас (M. Nonius Sufenas) — квестор 60 г., народный трибун в 57–56 гг., готовившийся стать курульным эдилом в 55 г. О *Ватинии* см. прим. к № 52 (LIII).

52 (LIII). Гай *Лициний Кальв* (G. Licinius Calvus) [82–47 гг. до Р. X.] — сын историка и оратора *Лициния Макра*, покончившего жизнь самоубийством после обвинений *Кикерона*, ближайший друг и покровитель *Катулла*, изящный поэт и темпераментный оратор, автор небольшой эпической поэмы «*Ио*», нескольких элегий и эпиграмм, множества мелких лирических стихотворений и эпиграмм. Из поэтического наследия *Кальва* до нас дошли несколько разрозненных отрывков; от речей (а современники называли его достойным соперником *Кикерону*) и вовсе ничего не осталось.

...*Ватиниевых...* / ...*преступлений...* — *Публий Ватиний* (P. Vatinius), ловкий политик из окружения *Кесаря*, претор в 55 г. Против него *Кальв* несколько раз выступал с обвинительными речами,

а Кикерон его защищал. Здесь, судя по всему, Катулл имеет в виду речь Кальва 54 г., где Ватиний обвинялся в организации подкупов ради достижения своей очередной должности. Видимо, этим годом можно датировать стихотворение.

...карлик языкастый! — Кальв был очень маленького роста.

53 (LIV). Направлено против Г. Юлия Кесаря и Гнея Помпея с их подручными. *Отон* — предположительно Лукий Поский Отон (L. Poscius Otho), народный трибун 67 г.; Гай Лукилий Хирр (G. Lucilius Hirrus) — двоюродный брат Помпея; Лукий Скрибоний Либон (L. Scribonius Libo) — тесть Помпея; *Фуфидий* — предположительно Лукий *Фуфидий* (L. Fufidius), упоминаемый Кикероном. Написано, видимо, в 54 г., после примирения с Кесарем [см. прим. к №28 (XXIX)]. Текст, возможно, несколько испорчен, но все-таки представляет законченное целое.

Ямбы — см. прим. к №39 (XL).

...выскачка полновластный... — Ср. с №28 (XXIX).

54 (LV). О *Камериш* ничего не известно. Перекликается с №58 (LVIIIb); против объединения с ним в одно стихотворение (как иногда делают) говорят разные ассоциативные ряды, положенные в основу: здесь — топография Рима, там — греческая мифология. Маршрут поиска лежал через места скопления празднующегося люда: от *Малого Марсова поля* на Келийском холме — через Большое *ристалище* (*circus*) — мимо *книжных лавок*, располагавшихся перед входом на главную площадь (*forum*), — до *храма Юпитера* на Капитолийском холме — к *Большому гульбищу*, колоннаде Помпея близ первого в Риме каменного театра, открытого в 55 г.

...многословие Венере в радость. — см. прим. к №7 (VI).

55 (LVI). Публий Валерий *Катон* (P. Valerius Cato) — поэт и филолог, автор несохранившихся поэм «Лидия» (эпитет Омфалы, царицы Лидии, у которой в услужении некогда находился Геракл) и «Диктинна» (греч. «Сетница», эпитет Дианы-охотницы), а также книжки эротических стихов. Первые четыре строки — перифраз двух начальных строк стихотворения (фрагмент № 107 D) древнегреческого поэта Архилоха [680 – 640 гг. до Р. Х.].

Диона — греческая богиня, мать Афродиты (Венеры).

56 (LVII). Направлено против Г. Юлия *Кесаря* и *Мамурры* [см. прим. к № 28 (XXIX)]; имеет кольцевую структуру, перекликается отдельными мотивами с № 18 (XVI), 40 (XLI) и 42 (XLIII).

57 (LVIII). Марк *Келий* Руф (M. Caelius Rufus) [82 – 48 гг. до Р. Х.] — известный оратор и политик своего времени, один из любовников Клодии Пульхры (предполагаемой *Лесбии*) [см. прим. к № 6 (V)], в 56 г. обвиненный последней в попытке ее отравить, но оправдательная речь «За Марка Келия» ('Pro M. Caelio') М. Туллия Кикерона [см. прим. к № 48 (XLIX)] обеспечила, как и предполагалось, благополучный исход дела.

...Рема потомков... — римлян; *Рем* — брат-близнец Ромула, первого римлянина, сын весталки Реи Сильвии и Марса, вскормленный Капитолийской волчицей, а впоследствии убитый Ромулом за нарушение границы.

58 (LVIIIb). Перекликается с № 54 (LV). Катулл уподобляет себя историческим и мифологическим персонажам разных времен, отличавшимся быстротой передвижения в пространстве: *стражу Крита* — медному великану Талу, подаренному Гефестом царю

Миносу, с тем чтобы тот, обегая трижды в день побережье острова, оберегал его от нашествия неприятелей; *Ладу* — прославленному победителю на олимпийских состязаниях по бегу, статую которого изваял Мирон; *Персею* — обладателю крылатых сандалий, дара Афины; полету *Пегаса* — крылатого коня, сына Медузы Горгоны; быстролетной *паре* коней *Реса* — фракийского царя, получившего их в подарок от Посейдона.

59 (LIX). О *Руфе*, уроженке *Бононии*, и ее муже *Менении* ничего не известно. *Руфчик* (ласкательное от Руфа) — возможно, но маловероятно, М. Келий Руф [см. прим. к № 57 (LVIII)], ср. с № 69 (LXIX), 77 (LXXVII) и 101 (C).

60 (LX). Ср. с жалобами брошенной Ариадны в № 64 (LXIV).

...ливийскою рожден львицей... — Ливийские львы считались особенно свирепыми.

...из лающего львыскочил дупла Скиллы... — По преданию, прекрасная нимфа *Скилла* отвергла любовь «морского старца» Главка, зеленобородого и рыбохвостого, убоявшись его страшного вида. Главк призвал на помощь волшебницу *Кирку*, которая из ревности изуродовала красавицу *Скиллу*, окружив её влагалище песьими головами.

LIBELLUS SECUNDUS ВТОРОЙ СВИТОК

Второй свиток (808 сохранившихся и восстановимых строк) включает большие по объему стихотворения: два эпиграммия [№ 61 (LXI) и 62 (LXII)], лирическую поэму об *Аттисе* [63 (LXIII)] и *эпиллий* о свадьбе *Пелея* и *Фетиды* [64 (LXIV)];

главный объединяющий принцип — тема брака, человеческого и богочеловеческого (Аттис тоже заключает своего рода брачный союз с Кибелой).

61 (LXI). Первый эпиталамий (свадебная песнь), герои которой *Юния Аврункулея* [Junia Avunculeia] и *Манлий Торкват* [Mannius Torquatus], близкий приятель Катуллы и поручитель за него в Риме, сын Лукия Манлия Торквата, консула в 65 г., известного оратора и эпикурейца. Стихотворение состоит из пяти частей: первая — призвание *Гименя*, греческого бога брачных уз, имя которого проходит в качестве рефрена через все стихотворение; вторая — факельное шествие, так как обряд совершался на закате; третья — выход невесты и скабрзные («фескеннинские») насмешки над неложником; четвертая — поучения мужу и наставления жене перед входом в дом мужа; пятая — лишение девственности, восхваления мужа и жены, пожелания потомства и счастливой жизни. Черты римского брачного обряда тесно переплетены с чертами греческого. Простота, живость и яркая образность языка эпиталамия, возможно, отсылают к итальяским народным песням, образцы которых, увы, не сохранились. Лакуны в тексте эпиталамия возникли, по-видимому, еще до Веронской рукописи.

...жилец Геликон-горы, / сын Урании... — Гименей считался сыном Урании, одной из муз; жилищем же муз (соответственно и Гименя) был Геликон, расположенный в *Аонии* (древнее название Беотии) около города *Феспия*.

...благовонной душицею / вокруг висков обвяжись... — Подробное описание наряда и атрибутов *Гименя*.

...Венера-Идалия / судодею фригийскому... — Речь идет о Парисе, рассудившем спор о красоте между тремя богинями Герой (Юноной), Афиной (Минервой) и Афродитой (Венерой)

в пользу последней. Суд происходил на горе Ида, одном из мест почитания Афродиты.

Гамадриады — бессмертные древесные нимфы, здесь — миртовых деревьев.

Нимфа Аганиппа — небольшая река, текущая с вершины Геликона.

...девушки, / пояски развязавшие... — вступившие в брак [ср. №3 (Ib) и 67 (LXVII)].

...юноше грубому / ты малышку цветущую / отдаешь... — Обрядовая и правовая формула, означающая, что невеста поступает в полную зависимость от мужа.

...благодати нет... от Венеры... — Не освященный богами союз считался греховным.

...стыд природный мешает ей... — обрядовая формула.

Океан — титан, сын Урана и Геи, супруг Тефии [см. прим. 89 (LXXXVIII)], отец океанид и речных нимф; поток, водами своими окружающий со всех сторон землю; здесь — метафора моря.

...новобрачная, выйди. — Обряд предполагал вызов невесты из родительского дома.

...ложка белую ножкой... — Имеется в виду слоновая кость отделки.

...потешные / скоморошины... — скабрзные ритуальные песни, свадебные «фескеннины».

...угощает орешками... — Орехи (*nuces*) как метафора гениталий.

Таласий — бог критского происхождения, у римлян отвечающий за возмужание и брак, традиционно его имя выкликалось на свадьбах.

...трудно женатому / от юнцов напомаженных / воздержаться... — До брака, в который римлянин вступал в 25 – 30 лет,

удовлетворять свои половые потребности полагалось со специально подготовленными мальчиками-рабами.

По благому обычаю / чрез порог перешагивай... — По обряду невесте нужно было правой ногой переступить через порог дома мужа, не задев его во избежание недоброго знака.

...муж твой прилег уже / на подушечки Тирские... — Муж должен был дожидаться невесту в собственном доме, расположившись на ложе у пиршественного стола.

Едино мужницы — см. прим. к № 112 (СХІ).

...я рче белого девника / или желтого мака. — Желтый мак и девник (*parthenice*) символизировали чистоту и непорочность невесты.

...с Венериной помощью, / входишь... — Лишение невесты девственности было частью свадебного обряда.

...как от лучшей из матерей / Пенелопы воспринята Телемахом известность. — Считалось, что доброе имя матери играет важную роль в судьбе ребенка. Так и Телемах, сын Одиссея, своей известностью обязан верной жене Пенелопе.

62 (LXII). Второй эпиталамий, в отличие от предыдущего, сочинен в подражание неизвестному греческому образцу, возможно, поэтессы Сапфы, одна из девяти книг которой полностью была составлена из эпиталамиев, от которых сохранилось несколько разрозненных отрывков. В пользу лесбосского оригинала говорит и неразличение находящихся на западе от Лесбоса гор Олимп и Эта. Стихотворение построено по архаичному принципу спора двух хоров, юношей и девушек, состязающихся в ожидании выхода невесты из дома отца. Хоры отличаются четким строфическим и образным параллелизмом. Каждую строфу заключает обрядовый рефрен, повторяющий

имя Гименея [ср. №61 (LXI)]. Последняя строфа, возможно, исполнялась обоими хорами вместе по выходе невесты. Лакуны в тексте возникли, по-видимому, еще в Античности.

Олимп — гора на севере Фессалии, обитель богов.

Ноченосец (Noctifer) — эпитет *Геспера*, «вечерней звезды» (планеты Венеры).

...огонь... этейский. — Геспер, воссиявший над Этой, горой на юге Фессалии.

Пальма — пальмовая ветвь, награда победителю на состязании.

Ты вырываешь... из объятий дочь материнских... дабы / юноше пылкому дать малышку чистую... — Обрядовая и правовая формула [см. прим. к №61 (LXI)].

Геспер отнял у нас одну, ровесницы, нынче! — Хор девушек обвиняет Геспера в воровстве; недостающие строки содержали, вероятно, обрядовую брань. В следующей строфе юноши отвечают на эти оскорбления.

...под именем сменным Эоя. — *Эой* [см. прим. к №12 (XI)] и *Геспер* [см. прим. выше], по античным представлениям, одна и та же «звезда» (планета Венера), имеющая разные названия. Среди сохранившихся отрывков из лирического эпоса «Смирна» Г. Гельвия Кинны [см. прим. к №96 (XCV)] находится следующий:

Te matutinus flentem conspexit Eous
et flentem paulo vidit post Hesperus idem...

Плачущей тебя Эой на рассвете увидел,
и на закате узрел все тот же плачущей Геспер...

...затронутый тоненьким ногтем... — Ср. отрывок из эпиталамий Г. Ликиния Кальва [см. прим. к №52 (LIII)]:

Lilium, vaga candido
Nympha quod secet ungui...
Нимфа лилию походя
белым ногтем срезает...

...сплелась супружества узами с вязом... — У италийцев существовал (и сохранился до сих пор) обычай подвязывать лозу к саженцу вяза, который по их представлениям как бы становился мужем лозы.

Девственность не вся твоя... — своеобразная арифметика брака, отражающая архаичные представления.

63 (LXIII). Лирическая поэма на мифологический сюжет: фригийского бога плодородия и посевов *Аттиса* оскопила безнадежно влюбленная в него Кибела, Великая *Мать* богов, *Диндимена* (по одному из мест ее почитания — горе *Диндима*), Идейская мать (по фригийской горе *Иде* со святилищем на вершине), богиня материнской силы и плодородия, изображавшаяся многогрудой и окруженной львами. Ежегодно 24 и 25 марта [см. прим. к №45 (XLVI)] проводились оплакивание смерти и празднование воскресения Аттиса, сопровождающиеся оргиями, во время которых жрецы Кибелы *Галлы* наносили себе и друг другу тяжкие увечья. Праздничные шествия сопровождалась барабанным боем и дикими воплями. Обращение Катулла к мифу об Аттисе, возможно, не случайно и каким-то образом связано со смертью его брата [см. прим. к №102 (CI)]. Аттис у Катулла — светский юноша, приехавший из Рима во *Фригию*, где принял участие в экстагическом празднике *Кибелы*. В безумном порыве он оскотил себя, тем самым навсегда отрезав возможность возвращения домой, потому как потерю *мужества* и греки и римляне считали

равносильной смерти. На протяжении всей поэмы Аттис — то мужчина, то женщина. Поэма написана в Вероне по возвращении из вифинской поездки; о ней Катулл сообщает в № 34 (XXXV).

...заостренным камнем... — грубой работы жертвенный нож, используемый в культе Кибелы для оскпления.

...руками белоснежными... / ...нежнопалая... — приметы приобретенной Аттисом женственности.

...фригиец из цевницы гнутой силльй выводит гуд... — Фригийские флейтисты славились экстатической, доводящей слушателей до иступления игрой на особый лад.

менады — безумствующие спутницы Вакха; здесь — безумствующие жрицы Кибелы, названные так Катуллом по аналогии. Головы менад были увиты плющом.

...без Кереры... — без хлеба, употребление которого в пищу было запрещено участникам шествия в честь Аттиса; *Керера* — богиня хлебных злаков, хранительница полей.

...око Солнца златоликого... — *Солнце (Sol)* — римский бог, тождественный Аполлону.

...звонконогих... — коней колесницы Солнца.

...на лоно Пасифеино... — Пасифея, младшая из Харит (Граций), жена бога Гипноса (*Сна*).

...я и подросток, я и отрок, я и дитя... — стадии взросления в обратном порядке.

...порог мой не остывал... — Порог был нагрет ногами спавших на него, значит, в доме постоянно бывали люди.

...губами розовытыми... — примета женственности Аттиса.

...с мраморною пеной... — метафора моря.

...пускай обходят все безумства твои мой дом... — Катулл молит Кибелу о том, чтобы никто из его дома (рода, семьи) никогда не был призван к ней на службу.

64 (LXIV). Эпиллий (малая эпическая поэма) на известный сюжет древнегреческого мифа о свадьбе смертного *Пелея* и богини *Фетиды*, на которой присутствовали не только люди, но и олимпийские боги. В своей поэме Катулл изменил некоторые детали исходного мифа, усложнил его, вставив параллельный миф об *Ариадне*, покинутой *Тесеем* (Фетида после рождения сына *Ахилла* также уйдет от Пелея, хотя у Катулла об этом ничего не сказано), и придал героям психологические черты, свойственные людям его времени. Эпиллий имеет четкую кольцевую концентрическую структуру. Краткое содержание таково: во время похода аргонавтов люди и морские нимфы впервые увидели друг друга — Пелей и Фетида, полюбив друг друга с первого взгляда, решили пожениться — на их свадьбу собрались жители всей Фессалии, наполнив роскошно убранный дом, где среди украшений находился покров с вытканной на нем историей Ариадны — она, стоя на пустынном берегу, глядит вослед уходящему кораблю Тесея — когда он прибыл на Крит, чтобы убить Минотавра, Ариадна полюбила его и спасла от гибели — затем Тесей вместе с ней направился в Дию, где и бросил ее — сетования и проклятия обиженной Ариадны — проклятия сбылись, ибо Тесей, возвращаясь в Афины, забыл исполнить наказ, данный ему отцом, и не поднял белый парус — сам текст наказа — отец Тесея, увидев черный парус на его корабле, бросился в море со скалы, повергнув сына в отчаяние — Ариадну же спасает Иакх (Вахх-Дионис), проплывающий мимо на своем корабле, на этом ее история заканчивается — после ухода людей на свадьбу Пелея и Фетиды приходят с богатыми дарами полубоги и боги — во время трапезы Парки, прядущие не переставая, поют молодоженам эпиталамий (свадебную песнь), содержащий, между прочим, пророчества о героическом будущем их сына Ахилла —

наконец дается подробное объяснение, почему боги отвернулись от людей и отчего не удостаивают больше своими посещениями их сборища. Для поэмы характерны все красоты пышного эпического стиля (видимо, в подражание александрийским поэтам и Эннию): архаичная лексика, постоянные метафоры и метонимии, составные эпитеты, развернутые «гомеровские» сравнения, редкие мифологические и географические подробности и т.д. Поэма в целом и отдельными своими частями оказала сильное влияние на латинскую поэзию, особенно на Вергилия («Буколики», «Энеида») и Овидия («Метаморфозы», «Фасты»). Неполная строка, обычно печатающаяся между 23-й и 24-й строками, есть не что иное, как позднейшая схолия или глосса; здесь она опускается и не переводится.

...на горе Пелийской рожденные сосны... — Пелийская гора (Пелион), расположенная на юго-востоке Фессалии, славилась в древности корабельным лесом; *сосны* — корабль аргонавтов (метонимия).

...в край, где Фасиса ток и где пределы Ээта... — в Колхиду, где царствовал Ээт, сын Гелиоса и Персеиды, брат Кирки (Цирцеи), отец Медеи, хранитель *золотого руна*; *Фасис* — река в Колхиде (ныне — Риони).

Аргивская юность — эллины.

...на проворной корме по зыби соленой помчались, / синие теребя еловыми дланями глади. — Значит: поплыли на быстром корабле по морю, веслами загребая воду.

...богиня, что стен городских созиждет высоты... — Афина-Русиполия («Градозащитница») лично участвовала в строительстве корабля аргонавтов.

Первым тропу проторил в нетронутый он Амфитриты... — впервые пустился в плавание, хотя дальше Катулл говорит

о морских передвижениях Тесея как о более ранних событиях; *Амфитрита* — морская богиня, одна из *нерейд* [см. прим. ниже], супруга Посейдона (*Нептуна*).

...равнину... взволнованную... — поверхность моря.

Нереиды — морские нимфы, дочери «морского старца» Нерея и океаниды Дориды; из пятидесяти *нерейд* наиболее известны *Амфитрита* и *Фетида*.

...человеческой свадьбой... — браком со смертным.

...сам отец... — Зевс (Юпитер), отец богов.

...счастливой свещою богатым... — вступивший в счастливый брак.

...всей Фессалии столп... — *Пелей* был царем *Фессалии*, области на северо-востоке Греции, расположенной на плодородной равнине, со всех сторон окруженной горами.

...сам Юпитер, / сам родитель богов свою любовь предоставил. — По мифу, Зевс (Юпитер) сватался к *Фетиде*, но отступился, узнав от *Прометея*, что она должна родить сына, который будет сильнее своего отца.

...Тефия... / и Океан... — По мифологической родословной, родители Нерея, отца *Фетиды*; о *Тефии* см. прим. к № 89 (LXXXVIII); об *Океане* см. прим. к № 61 (LXI).

Киер, Краннон, Ларисса, Фарсал — города в *Фессалии*.

Фтийская Темпа — долина во *Фтии*, расположенной к востоку от *Фарсала*.

...бивнем индийским... — слоновой костью.

...багрецом из розовых раковин... — Багряный (пурпурный) краситель изготавливался из раковин отдельных видов моллюсков.

Дия — древнее название *Наксоса*, острова в Эгейском море, где располагалось одно из главных святилищ *Вакха*.

...беспамятный юноша... — *Тесей*.

Миноида — Ариадна, дочь критского царя Миноса и Пасифаи, внучка по отцу Зевса (Юпитера), по матери Гелиоса, названная здесь по отцу.

Эвой! — традиционный возглас иступленных вакханок.

Эрикина — Афродита (Венера), названная по горе Эрикс на западе Сицилии, где находилось одно из ее святилищ.

...от Пирея берегов изогнутых... — из Афин; *Пирей* — город-порт на берегу Саронийского залива, принадлежащий Афинам, расположенным в глубине материка.

...царем Гортинии несправедливым. — Критский царь Минос, будущий справедливый судия в царстве мертвых, назван здесь *несправедливым* за жестокость по отношению к афинским юношам и девушкам; *Гортиния* — город на Крите, неподалеку от Кносса.

...за убийство неся Андрогеея кару... — *Андрогей*, сын Миноса и Пасифаи, родной брат Ариадны, победил всех соперников на состязаниях в Афинах, но афинский царь Эгей, отец Тесея, задумал из зависти извести Андрогеея и послал его на охоту за марафонским быком, в схватке с которым тот и погиб. В наказание за это Зевс (Юпитер) наслал на Афины *жестокую заразу* (чуму). Оракул возвестил афинянам, что они избавятся от нее, если выполнят суровое условие Миноса, который потребовал ежегодно присылать на Крит из Афин по семь юношей и по семь девушек для кормления Минотавра [см. прим. ниже].

Кекропов град — Афины, названные по имени их мифического основателя Кекропа, древнего царя Аттики, прародителя Тесея.

Минотавр — критское чудовище, человекобык, сын Пасифаи, жены Миноса, от быка Посейдона (Нептуна), вышедшего из моря; сводный брат Ариадны; для содержания Минотавра — по приказу Миноса — архитектор Дедал построил критский лабиринт.

Эврот — река в Спарте.

...отрок святой... / и, царица, ты... — Эрот (Амур) и Афродита (Венера).

...Голг и лесистый Идалий... — см. прим. к № 35 (XXXVI).

Русый пришелец — Тесей.

...бледней становилась блестящего злата... — см. прим. к № 82 (LXXXI).

Тавр — горная цепь на юге Малой Азии.

...тонкой нитью... — нитью, которую дала Тесею Ариадна.

...единокровной сестры объятий... — Сестрой Ариадны была Федра, впоследствии вышедшая замуж за Тесея и погибшая от неразделенной любви к своему пасынку Ипполиту.

...лишишься брата решилась... — Минотавра.

...под скалой одинокая львица... — см. прим. к № 60 (LX).

...Сирта, Харибда ли ненасытная, хищная ль Скилла... — Морские чудовища женского рода: *Сирта* — персонифицированная отмель у северного побережья Африки, между Карфагеном и Киреной; *Харибда* — персонифицированная водоверть в проливе между Итальянским полуостровом и Сицилией; о *Скилле*, соседке Харибды, см. прим. к № 60 (LX).

...наши во браке... — родители и родственники Ариадны.

...Кносских берегов кормы Кекроповы не касались... — Значит: когда бы корабли афинян не причаливали ко Криту; *Кносс* — столица Крита.

Вероломный корабельщик — Тесей.

К Идским бежать ли горам? — Значит: не вернуться ли мне домой? *Идские горы* расположены в центральной части Крита [не путать с горой Идой во Фригии, о которой см. прим. к № 63 (LXIII)].

Эвмениды — другое название эриний (фурий), дочерей Геи, зачавшей их от крови оскопленного Урана, богинь жестокого

возмездия (за нарушения святости родственных и брачных уз, за клятвопреступления и т.д.), изображавшихся старухами с клубящимися змеями вместо волос. Эринии, ставшие эвменидами («благоразумными»), несколько смягчились и стали блюстительницами правды и покровительницами законности. Превращение эриний в эвменид запечатлено в одноименной драме Эсхила. Здесь Ариадна, обращаясь к эвменидам, на самом деле имеет в виду эриний.

...небесный правитель... — Юпитер (Зевс).

...отрадный... так и не подал / знак... — не поднял, как обещал, белый парус.

Эрехтеева пристань — Афины, вернее, порт Пирей, отождествленный с Афинами [см. прим. выше]; *Эрехтей* — мифический царь Афин, прадед Эгея, отца Тесея, установивший в городе культ богини Афины.

...богини / крепости... — Афины.

...возвращенный мне недавно под самую старость... — Тесей родился и вырос не в Афинах, а в доме матери Эфры, дочери трезенского царя Питфея. В дом отца Тесей вернулся только перед самым отплытием на Крит.

...знак благой судьбы... — белый парус.

...ткань, черная ржой иберской... — Черная краска вырабатывалась из ржавчины добываемого в Иберии железа (здесь — явный анахронизм).

...святого... Итона жилища... — Афина, названная так либо по горе во Фтии, либо по городу в Беотии, где находились ее святилища.

Обители Эрехтея — Афины.

...быка забрызгать кровью десницу... — принести жертву.

...уходящим днищам... — кораблям Тесея.

Иакх — бог вина Вакх-Дионис, под этим именем особо почитавшийся в Элевсине во время мистерий.

...с хором сатиров... и силенов нисорожденных... — козлоногие *сатиры* и *силены* составляли неизменную свиту Вакха-Диониса; *Ниса* — мифическая гора в Азии, на которой Вакх воспитывался в детстве.

Тиады — вакханки, спутницы Вакха-Диониса, выкрикивающие «Эвой!».

Эвой! — см. прим выше.

...тонкий звон извлекали из меди округлой... — били в медные бубны.

Барварская свирель — фригийская флейта [см. прим. к №63 (LXIII)].

Фессалийская юность — смертные гости на свадьбе Пелея и Фетиды.

Зефир — см. прим. к №45 (XLVI).

...Авроре встать у порога грядущего Солнца... — перед самым восходом; *Аврора* — римская богиня утренней зари.

Пелион — Пелийская гора [см. прим. выше].

Хирон — мудрый кентавр, будущий воспитатель Ахилла.

Фавон — латинское название Зефира [см. прим. к №45 (XLVI)].

Пеней — персонифицированный божок реки, протекающей по *Темпе*, плодородной долине в Фессалии.

...славным уступив для торжеств Мнемонид хороводам... — Стих в оригинале испорчен и допускает множественность прочтений; *Мнемониды* — музы, названные по имени их матери, богини памяти Мнемосины.

...сожженного гибких / Фазтона сестер... — Гелиады, сестры Фазтона, взявшегося управлять колесницей своего отца Гелиоса

и пораженного молнией Зевса (Юпитера), оплакивая его смерть, превратились в тополи.

...Прометей явился разноискусный... — Прометей стал виновником свадьбы Пелея и Фетиды, открыв Зевсу в обмен на свободу зловещее для него предсказание [см. прим. выше]; *разноискусным* он назван за то, что научил людей всевозможным искусствам и наукам.

...отец богов пришел со святою супругой... — Зевс (Юпитер) с Герой (Юноной).

Феб — Аполлон. Катулл несколько изменил исходный миф, согласно которому Аполлон не только присутствовал на свадьбе Пелея и Фетиды, но и пел для них эпиталамий (свадебную песнь). У Катулла им его поют Парки. Причина недоброжелательства Аполлона и его сестры [см. прим. ниже], по всей видимости, такова: Ахилл, сын Пелея и Фетиды, многократно в будущем оскорбит Аполлона убийствами Троян, которым тот будет покровительствовать.

...жилицу гор единородную Идрских... — Артемиду (Диану) [см. прим. к № 33 (XXXIV)]; на *Идрских горах*, расположенных в Карию (Малая Азия), Артемиду почитали, отождествив ее с Гекатой, богиней ночи и мрака.

Тело дрожащее их... — Парки, римские богини судьбы, тождественные греческим мойрам, у Катулла представляют собой как бы одно неделимое целое: например, *левая и правая* — скорее руки, чем сами парки.

...по порядку вели работу вечную руки. — Катулл довольно подробно и со знанием дела описал процесс прядения.

...ты, Эматии щит... — Пелей; *Эматия* — древнее название Македонии, здесь (по смежности) — Фессалия.

...вернословную весть... — правдивое предсказание (*oraclum*) [ср. с № 8 (VII)].

Вейте двестикрат, веретена, да вейте волокна! — Припев, очевидно, заимствованный Катуллом из народной «прядильной» песни.

Геспер — см. прим. к №62 (LXII).

...кровью зальются когда поля фригийские тевкров... — *тевкрами* названы троянцы по имени первого царя Трои Тевкра; о *Фригии* см. прим. к №45 (XLVI).

...клятвопреступного... *Пелопса третий наследник.* — Агамемнон, микенский царь, предводитель ахейцев (греков) в Троянской войне, названный так потому, что с помощью спартанского царя Тиндарея силой отнял микенский престол у своего дяди Фиеста, который, в свою очередь, занял его после убийства родного брата Атрея, отца Агамемнона; Атрей же и Фиест были сыновьями (хотя и не наследниками) Пелопса. *Клятвопреступным* Агамемнон назван из-за истории женитьбы на Гипподамии, дочери элидского царя Эномая. Оракул предсказал Эномаю, что ему суждено погибнуть от руки собственного зятя, поэтому он препятствовал браку своей дочери, заставляя женихов состязаться с ним в колесничном беге. Колесницу, запряженную крылатыми конями, Эномаю подарил сам Посейдон, поэтому обогнать ее было невозможно. Эномай пропускал соискателя далеко вперед, а после, принеся жертву Посейдону, мгновенно нагонял его и убивал. По мифу, когда Пелопс прибыл в Элиду, в него влюбилась сама Гипподамия. Она уговорила тайно влюбленного в нее Миртила, возничего колесницы отца, помочь Пелопсу, поклявшемуся, что отдаст Миртилу в случае своей победы половину царства Эномая и позволит ему обладать Гипподамией в первую ночь. Миртил заменил металлическую осевую чеку в колеснице Эномая на восковую, после чего колесница разбилась, а царь погиб. Пелопс, желая скрыть обстоятельства своей победы,

столкнул Миртила в море. Тот же, падая с высокой скалы, успел проклясть самого Пелопса и всех его потомков.

Скамандр — персонифицированный божок реки, протекающей в окрестностях Трои; на берегах Скамандра Ахилл вел ожесточенный бой с троянцами.

Геллеспонт — пролив, разделяющий Европу и Азию (ныне — Дарданеллы).

...белоснежный состав закланной девы... тело Поликсены [см. прим. ниже].

...град Дарданов... — Трою, названную по имени древнего царя Дардана, считавшегося прародителем троянцев.

...Нептуновы пути расторгнув... — разрушив стены Трои, сложенные по приказанию Зевса (Юпитера) Посейдоном (Нептуном) и Аполлоном.

...могильный холм впитает кровь Поликсены... — По одному из мифов, Ахилл влюбился в *Поликсену*, дочь троянского царя Приама и Гекубы, и был готов даже ради брака с ней прекратить осаду Трои. Однако, явившись в святилище Аполлона на сговор, безоружный Ахилл был убит Парисом и Деифобом. После разрушения Трои ахейцы увидели над могилой Ахилла его тень, потребовавшую принести Поликсену в жертву, и Неоптолем, сын Ахилла, совершил заклятие. Интересно, что в песне Парок ничего не говорится о смерти Ахилла; упоминание о могильном холме — единственный на это намек.

...шею окружить не сможет нитью вчерашней... — Существовало поверие, что с потерей девственности шея женщины полнеет.

...сводил Тиад... / ...эвоющих, Либер... — О *тиадах* см. прим. выше; *Либер* — латинское имя Вакха-Диониса.

...все дельфийцы... — Дельфы, расположенные на склоне горы Парнас, летом были посвящены Аполлону, а зимой Вакху.

...владелица струй Тритона... — Афина (Минерва), рожденная Зевсом (Юпитером) на берегу Тритона, реки в Ливии.

Рамнусия-дева — см. прим. к № 68 (LXVIII).

Но с тех пор, как земля... — Катулл перечисляет приметы железного века, резко контрастирующие с приметами века героического.

LIBELLUS TERTIUS ТРЕТИЙ СВИТОК

Третий свиток (648 сохранившихся и восстановимых строк) объединяет стихотворения разного объема [№ 65 (LXV) — 117 (CXVI)], написанные элегическим дистихом (среди них — переводная мифологическая элегия [66 (LXVI)] с посвящением [65 (LXV)], разговор с дверью [67 (LXVII)], большая элегия [68 (LXVIII)], малая элегия [76 (LXXVI)], эпитафия брату [102 (CI)], остальное — эпиграммы разных видов); главный объединяющий принцип — метрическое единообразие.

Традиционно исследователи относят начальные четыре стихотворения третьего свитка [№ 65 (LXV) — 68 (LXVIII)] ко второму только на том основании, что они тоже большие. Это неверно. Во-первых, в элегическом послании к Горталу [№ 65 (LXV)] лишь 24 строки, а в небольшой элегии [№ 76 (LXXVI)], расположенной среди коротких эпиграмм, на 2 строки больше. Во-вторых, начальное [№ 65 (LXV)] и конечное [№ 117 (CXVI)] стихотворение третьего свитка содержат упоминание о *переводных стихах Баттиада*, что, судя по всему, не случайное совпадение, а дополнительный, хорошо продуманный композиционный ход.

В-третьих, книга-свиток начинаться с незначительной эпиграммы на Руфа [№ 69 (LXIX)] не могла, в то время как послание к Горталу — достойное и выдержанное начало, сравнимое с началом первого свитка [№ 1 (I)]. В-четвертых, если сложить 808 строк второго свитка и 326 строк, содержащихся в этих четырех стихотворениях, то получится 1135 строк, а это невозможно большой объем для античной книги; если же из 648 строк третьего свитка вычесть 326 строк, то останется только 322 — слишком малый.

65 (LXV). Элегическое послание, предваряющее № 66 (LXVI) и связанное с № 68 (LXVIII) и 102 (CI) темой гибели брата. Гортенсий *Гортал* (Hortensius *Hortalus*), вероятно, сын Квинта Гортенсия Ортала [см. прим. к № 96 (XCV)].

...от мудрых дев... — от муз.

Летейская пучина — Лета, река забвения в подземном царстве.

Ретей — скалистый мыс, расположенный на побережье Малой Азии севернее Троады, у входа в пролив Геллеспонт.

...Итиса Давлия... — По преданию, Терей, отец *Итиса*, надругался над сестрой своей жены Филомелой (*Давлией* — по названию местности) и вырезал ей язык. В отместку сестры убили Итиса и накормили Тереею его мясом. За это боги превратили Филомелу в соловья.

Баттиад — Каллимах [см. прим. к № 8 (VII)].

Яблоко — традиционный символ признания в любви, здесь — символ выполненного обещания.

66 (LXVI). Перевод элегии Каллимаха [см. прим. к № 8 (VII)] «Коса Береники» («*Βερενίκης πλόκαμος*»), заключающей его собрание элегий на мифологические сюжеты в 4-х книгах «Причины». Каллимах написал ее по горячим следам изображенных со-

бытий от имени вознесенной на небо косы Береники; значительная часть его элегии сохранилась. Латинский мифограф Гигин [II в. по Р. X.] во II-й книге «Поэтической астрономии» рассказывает следующее: «Над созвездием Льва, рядом с Девой, заметны еще семь звезд, выстраивающихся треугольником около его хвоста, — их математик Конон Самосский и Каллимах называют Косой Береники. Когда Птолемей сочетался со своей сестрой Береникой, дочерью Птолемея и Арсиной, и вскоре отправился в поход на Азию, Береника пообещала, что срежет свою косу, если Птолемей возвратится назад с победой. Она исполнила свой обет и посвятила косу храму Венеры — Арсиной Зефириты, однако на следующий день та пропала. Царь прогневался, но математик Конон, о коем говорено выше, объявил, желая приобрести царскую милость, что отыскал косу между созвездиями, и показал семь звезд, ни в одно созвездие не вошедших, которыми, мол, и стала ее коса». Действительно, Птолемей III Эвергет, царь Египта в 247 – 222 гг. до Р. X., женившись на своей двоюродной сестре Беренике, дочери киренского царя Мага, выступил в поход против Селевка II Сирийского, дабы отомстить за убийство своей родной сестры, тоже Береники, и вскоре покорил Сирию вместе с Вавилоном вплоть до Индии. Конон Самосский, знаменитый в древности математик и астроном, друг Архимеда и придворный ученый Птолемея III Эвергета, и назвал семь безымянных звезд Косой Береники. Такова сюжетная канва элегии.

...Тривию... к Латмийской скале... — Луна [см. прим. к №33 (XXXIV)], по преданию, периодически отдается прекрасному пастуху Эндимиону на горе Латм в Карии, отчего происходят новолуния и лунные затмения.

Ассирийский край — на самом деле сирийский, где царствовал Селевк II Азиатский.

Подвиг... благой, обернувшийся царственным браком... — Киренский царь Маг, отец Береники, хотел выдать дочь за Птолемя III Эвергета, а мать ее Арсиноя — за Деметрия Полиоркета из Македонии. Деметрий, после смерти Мага в 258 г. до Р. Х., приехав, сошелся с самой Арсиноей, чем навлек на себя всеобщую ненависть и недовольство. Береника устроила заговор против Деметрия, он был убит, а мать оправдана.

Юпитер! — См. прим. к № 1 (I).

...не без крови быка... — т.е. принеся жертву.

Гору свернуло оно... — Ксеркс, царь Персов (*Медов*), во время захватнического похода против Эллады [480 г. до Р. Х.] скрыл першеек, соединявший Фракию с расположенной на полуострове горой *Афон*.

...Фию светлый сын... — Гелиос (Солнце), сын титана Гипериона и титаниды Фиы.

...халибов род... — Мифические *Халибы*, жившие на Закавказском побережье Понта (Черного моря), считались изобретателями способа плавения железа и изготовления оружия из него.

...подземные жилы / начал вытягивать... — добывать железо.

Сестры... / плакали... — волосы, оставленные Береникой у себя на голове.

...Мемнона брат Эфиона, Локридской пернатый / конь Арсинои... — Западный ветер Зефир, который, как и другие ветры, представлявшие в виде крылатых коней, приходился царю Эфиопии Мемнону братом по матери Эос (богине утренней зари). Ветры рождены ею от Тифона, а Мемнон от Лаомедона, царя Трои, в войне за которую Мемнон и погиб от руки Ахилла. Арсиноя же, тетка Береники и Птолемя, посмертно была причтена к богам под именем Афродиты (Венеры) Зефириты, которой Филадельф II,

брат Арсиной, воздвигнул храм близ города Канопа, на мысе Зефирион. *Локридской* Арсиноя названа по аналогии, поскольку на другом мысе Зефирион, расположенном близ города Локров Эпизефирских на юге Италии, тоже существовал храм Афродиты (Венеры).

Своего слугу Зефирита-Гречанка, канопских / жительница брегов... послала... — Арсиноя послала Зефира [см. прим. выше].

...венец златой с висков Ариадны... — Вакх, сочетавшись с Ариадной [см. прим. к № 64 (LXIV)], сорвал с ее головы брачный венец и подбросил в небо, где он и остался созвездием между Ботом (Волопасом) и Геркулесом.

...Ликаоновой близ дочери Каллисто... — около Большой Медведицы. По преданию, *Каллисто*, дочь царя Аркадии Ликаона, соблазненная Зевсом (Юпитером), родила от него сына Аркаса и за это ревнивой Юноной была превращена в медведицу, которая затем и взята на небо в качестве созвездия.

...предводительница медлительного Волопаса... — Созвездие *Коса Береники* заходит раньше своего закатающегося в течение четырех часов соседа Бота (Волопаса), который есть не кто иной, как вознесенный на небо Икарий, отец Эригоны, повесившейся с горя после его смерти и вслед за ним ставшей созвездием *Девы*.

Океан — см. прим. к № 61 (LXI).

...стопы богов попирают... — Считалось, что именно ночью боги, живущие выше звезд, расхаживают по ним.

...Тэфии седой... — см. прим. к № 89 (LXXXVIII).

Рамнусия-дева — см. прим. к № 68 (LXVIII).

...свеца сочетала... — многократно повторяющийся у Катутлла символ брака [см. № 61 (LXI), 62 (LXII) и 64 (LXIV)].

...благовоний сирийских... — см. прим. к № 7 (VI).

...хоть Орион близ Водолея сияй! — Эти созвездия довольно

далеко отстоят друг от друга, поэтому смысл выражения Косы Береники таков: лишь бы мне вернуться на место, а там пускай хоть все созвездия перемешаются.

67 (LXVII). Разговор с дверью, сплетничающей о своих хозяевах. Краткое содержание: *Кекилий*, нынешний хозяин дома, в котором живет и честно трудится дверь, унаследованного им от отца, *старика Бальба*, незадолго до смерти последнего женился на некой уроженке *Бриксии*, разведенной со своим первым мужем из-за его полового бессилия и вследствие этого официально признанной девственницей; однако свидетельские показания двери говорят о том, что дева была отнюдь не дева, поскольку сначала сожительствовала с тестем, потом с двумя другими мужчинами, *Постумием* и *Корнелием*, да еще и с тем, кто спрашивает; имени его дверь не называет, *чтоб не вскинул бровей он, покраснев*, но дает достаточное описание основных его примет, по которым он и должен себя опознать, — догадаться не трудно, что это сам поэт, стоящий перед ней. Последние строки этого стихотворения — видимо, словесный портрет самого Катулла с точки зрения двери. *Кекилий*, сын *Бальба*, — вероятно, адресат стихотворения № 34 (XXXV); о *Постумии* ничего не известно; *Корнелий* — возможно, Корнелий Непот, адресат стихотворений № 1 (I) и 103 (CII).

Бриксия — город в Транспаданской Галлии, расположенный в 70 км к западу от Вероны, родина Гая Гельвия Кинны [см. прим. к № 96 (XCV)]. Почему дверь называет Бриксию (в оригинале) *любимой матерью моей Вероны*, непонятно.

Лебязья башня (Cuspea specula) — очевидно, какой-то местный топоним.

Мелла — речка, протекающая западнее Бриксии, приток реки Пад (ныне — По).

...накладным животом... брюхатость / ложная... — Распространенная женская уловка: притвориться беременной, дабы получить от любовника денежную компенсацию.

68 (LXVIII). Большая элегия, первая из известных в латинской поэзии. Текст в некоторых местах испорчен, поэтому даже имя адресата остается спорным, хотя все детали говорят в пользу *Манлия* Торквата [см. прим. к №61 (LXI)]. Стихотворение построено довольно сложно: первая часть — жалобы на судьбу, воспоминание о любовных забавах юности, прерванных известием о внезапной смерти брата и сетования на невозможность своевременного поднесения Манлию обещанных стихов в благодарность за помощь, которую тот неоднократно оказывал Катулле, в том числе познакомив с возлюбленной; вторая — рассказ о том, как счастливая любовь обернулась для Катуллы несчастной, включающий в себя развернутое сравнение с любовной историей Лаодамии и Протесилая, погибшего в Трое, где погребен и оплакиваемый Катуллом брат; третья — завершение стихотворного дара, обещанного Манлию, и пожелание счастья всем, кому Катулл обязан за участие в его счастливой / несчастной любви, в том числе и самой бывшей возлюбленной. Такое деление условно, поскольку все части элегии крепко связаны между собой и плавно переходят одна в другую. Возлюбленная, о которой идет речь, по имени не названа, но Катулл, применяя характерные слова и выражения, дает понять, что это Лесбия [см. прим. к №6 (V)]. Отдельными мотивами перекликается с №9 (VIII), 65 (LXV), 76 (LXXVI), 102 (CI), 108 (CVII) и др.

...когда впервой облекли меня белым... — т. е. по достижении совершеннолетия.

Богини (dae) — очевидно, музы.

Аматусия — прозвище Венеры (Афродиты) по названию одного из главных мест почитания, города Амафунта.

...тринакрийским кручам подобно / и малийским водам Эты вблизи Фермопил — т.е. вулкану Этна и горячим источникам под Фермопилами (дословно «Горячими вратами»).

Поллукс и Кастор — Братья-Диоскуры [о них см. прим. к №5 (IV)].

...на истертый порог... — Т.е. она вольно или невольно нарушила «благой обычай» переступить через порог, входя в дом мужа (любовника) [см. прим. 61 (LXI)].

...к супругу / Протесилаю так Лаодамия вошла/в недостроенный дом... — Протесилай, царь небольшой области в Фессалии, женился на Лаодамии, царевне Фессалии, но по воле богов, проведя со своей женой в недостроенном доме единственную ночь, вынужден был отправиться на Троянскую войну, сошел добровольно первым с корабля и был убит Гектором в первом же бою, как и было предсказано. Памятью о той — единственной — ночи Лаодамия жила всю жизнь.

Рамнусия-дева — Немесида [см. прим. к №49 (L)], названная по городу Рамнунту, одному из мест ее почитания в Аттике.

Парки — см. прим. к №64 (LXIV).

Елена — виновница Троянской войны, жена Менелая, Париса и многих других.

...аргивских мужей... — эллинов.

...ворованной тварью развратной... — Еленой.

Парис — троянский царевич, один из мужей Елены.

...Феня близ Килленского... — Феней, город в Аркадии, близ которого в городке Стимфале Геракл, по преданию, сокрушал огромных медных птиц (*чудищ стимфалийских*). Заодно он

прорыл две глубокие ямы, чтобы спасти Феней от постоянных наводнений.

...ненастоящий сын Амфитрионов... — Геракл.

Геба — «небесная горничная», богиня, ставшая женой Геракла по принятии его в сонм богов.

Юнона — римская верховная богиня, отождествленная с Герой, супруга Юпитера (Зевса), покровительница женщин и деторождения.

Фемида — богиня правосудия, дочь Урана и Геи, вторая жена Зевса (Юпитера).

69 (LXIX). Ср. с № 71 (LXXI). *Руф* — возможно, М. Келий *Руф* [см. прим. к № 57 (LVIII)].

70 (LXX). Образует пару с № 72 (LXXII).

Юпитер — верховный римский бог, неверный муж Юноны, посылающий гром и молнии, дарующий победы, в том числе и на любовном фронте.

71 (LXXI). Ср. с № 69 (LXIX).

...козлице вонючий... / ломота... — Намеки на старость соперника; *ломота (podagra)* — распространенный среди богатых римлян недуг из-за чрезмерного употребления красного вина.

72 (LXXII). Образует пару с № 70 (LXX); построена на разнице в значениях глаголов *diligere* (ценить, уважать, почитать), *amare* (любить) и *bene velle* (благоволить, благожелать).

Юпитер — см. прим. к № 70 (LXX).

73 (LXXIII). Перекликается с № 76 (LXXVI) и 77 (LXXVII).

74 (LXXIV). Открывает цикл эпиграмм, направленных против *Геллия* [см. №81 (LXXX), 89 (LXXXVIII), 90 (LXXXIX), 91 (XC), 92 (XCI), 117 (CXVI)]. Лукий *Геллий* Попликола [L. *Gellius Poplicola*] — консул в 36 г., погибший в 31 г. во время гражданской войны. Он был известен крайней необузданностью, обвинялся в сожительстве с мачехой и в покушении на жизнь собственного отца. Здесь Геллий уличается в сожительстве с женой собственного дяди и с ним самим.

Гарпократ — египетский бог Гор-младенец (Гор-пахерд), ошибочно считавшийся греками и римлянами богом молчания из-за характерного жеста — пальца, поднесенного ко рту.

75 (LXXV). Перекликается с №72 (LXXII) и 76 (LXXVI).

76 (LXXVI). Малая элегия с двумя обращениями, в первой части — к самому себе, во второй — к богам. Впервые в латинской лирической поэзии появляется мотив любовного недуга. Перекликается лексически и тематически с №9 (VIII), 50 (LI), 72 (LXXII), 73 (LXXIII), 77 (LXXVII), 86 (LXXXV), 88 (LXXXVII), 110 (CIX).

77 (LXXVII). О *Руфе* см. прим. к №. 69 (LXIX).

78 (LXXVIII). О *Галле* ничего не известно.

79 (LXXVIIIb). Начало утрачено. Сходный мотив вечного наказания выражен в №39 (XL).

80 (LXXIX). *Лесбий* — очевидно, брат Лесбии-Клодии, Публий Клодий Пулькр (P. Clodius Pulcher), трибун в 58 г. Не случайно

дважды повторено слово *pulcher* (красавец). Марк Туллий Кикерон [о нем см. прим. к №48 (XLIX)] в речи «За Келия» обвинял Клодия в том, что он состоит в преступной связи с сестрой.

81 (LXXX). О *Геллии* см. прим. к №74 (LXXIV); о *Викторе* ничего не известно. Приметы женственности Геллия (например, *розоватые губки*) напоминают Аттисовы [см. прим. к №63 (LXIII)].

...днем ли, / отдых, полный нег... прервав? — после полуденной снесты.

82 (LXXXI). О *Ювентии* см. прим. к №23 (XXIV).

Писавра — городок в Умбрии; получила свой эпитет, видимо, из-за неблагоприятного климата, влияющего на внешний вид тамошних жителей.

...желтей, чем позлащенный кумир? — слишком бледный, поскольку бледность у смуглокожих сравнима с желтизной позолоченных статуй.

83 (LXXXII). Перекликается с №105 (CIV). *Квинтий* — некий веронский приятель Катутла, упоминаемый в №101 (C).

84 (LXXXIII). Образует пару с №93 (XCII); вероятно, написана в Вероне, в 62 – 61 гг. до Р. Х.

85 (LXXXIV). Направлена против малозначительного оратора Квинта *Аррия* (*Q. Arrius*). Катутл высмеивает новую моду произношения слов на греческий лад, т. е. с придыханием там, где придыхания быть не должно. Однако в просторечии придыхание было явлением распространенным и выдавало провинциальное

происхождение говорящего. По-русски эту особенность латинского языка передать невозможно.

Ионийское... море... — море, омывающее берега Италии на востоке и юго-востоке.

86 (LXXXV). Пожалуй, самая известная, самая странная и самая труднопереводимая эпиграмма Катулла. Однако парадоксальное *odi et amo* (ненавижу и люблю) для римлян, видимо, не звучало столь парадоксально, поскольку первый глагол выражал душевную, а второй — плотскую страсть.

87 (LXXXVI). Ср. с №42 (XLIII). О гетере *Квинтии* ничего неизвестно.

...белокюра, / длиннонога, стройна. — При оценке женской красоты римлянами учитывались именно эти качества.

...нет обаянья, / нет как нет остроты... — Обаяние и острота (соль — *mica salis*), качества скорее душевные, чем телесные, по мнению Катулла, должны наличествовать у женщины, чтобы она могла считаться образцовой (*formosa*).

88 (LXXXVII). Перекликается с №9 (VIII).

Верности ни в одном договоре... — Правовое мышление римлян предполагало между любящими обязательный договор (едва ли не письменный), и верность рассматривалась как долг по договору.

89 (LXXXVIII). Направлена против *Геллия* [см. прим. к №74 (LXXIV)]; Катулл обращается к нему самому, как будто речь идет о ком-то другом.

Тефия — греческая богиня, дочь Урана и Геи, сестра и жена *Океана* [см. прим. к №61 (LXI)], мать океанид и речных нимф.

90 (LXXXIX). Направлена против *Геллия* [см. прим. к №74 (LXXIV)]; перекликается с №81 (LXXX) и 89 (LXXXVIII).

91 (XC). Направлена против *Геллия* [см. прим. к №74 (LXXIV)].

...должен волхв от сына с мамашей родиться... — По древним представлениям (не только персидским), волхвы (жрецы и пророки) рождаются только от кровосмесительного брака.

92 (XCI). Направлена против *Геллия* [см. прим. к №74 (LXXIV)]; перекликается с №89 (LXXXVIII) и 117 (CXVI).

...своим поверенным в... / ...любви... — По обычаю, каждый влюбленный должен был иметь поверенного, который выполнял различные поручения.

93 (XCII). Образует пару с №84 (LXXXIII); написана, судя по всему, в Вероне, в 62 – 61 гг.

94 (XCIII). Направлена против Гая Юлия *Кесаря* [см. прим. к №28 (XXIX)].

95 (XCIV). Насмешливая эпиграмма, обращенная к неизвестному, получившему от Катуллы грубое прозвище *Хрен* (*Mentula*) — неотъемлемое орудие Приапа [см. прим. к №46 (XLVII)]. Нет никаких оснований считать, что *Mentula* и *Мамурра*, которого Катулл единожды [см. №28 (XXIX)] обозвал этим словом, одно лицо. Стихотворение построено на игре слов.

«Сам себе... овощ находит горшок». — Дословно, с противоположным субъектом действия: *сам горшок находит для себя овощи* — латинская поговорка.

96 (XCV). Гай Гельвий *Кинна* (G. Helvius Cinna) [ум. 44 г. до Р. Х.] — уроженец Бриксии [см. прим. к №67 (LXVII)], близкий друг Катуллы, спутник его в вифинской поездке [см. прим. к №11 (X)]; был убит по ошибке в день похорон Гая Юлия Кесаря. Поводом к написанию послужил выход в свет эпиллия Кинны, повествующего о преступной любви царевны *Смирны*, будущей матери Адониса, к собственному отцу — царю Кипра — Киниру. За это Смирна была превращена в дерево, источающее смирну (мирру), одно из самых излюбленных древними благовоний. Поэма была написана настолько темным языком и перегружена мифологическими аллюзиями, что уже около 30 г. до Р. Х. грамматик Лукий Красситий из Тарента составил к ней обширный комментарий. От поэмы Кинны до нас дошло только несколько бессвязных отрывков. Краткость его поэмы и продолжительный срок работы над ней противопоставляются обилию стихов в неизвестной поэме *Гортенсия* и в книгах стихотворной летописи *Волюсия* [см. прим. к №35 (XXXVI)]. Квинт *Гортенсий* Ортал (Q. Hortensius Hortalus) [114 – 50 гг. до Р. Х.] — консул в 69 г., выдающийся оратор и юрист, противник Марка Туллия Кикерона в судебном процессе против Верреса. О том, что подобные хвалебные эпиграммы были распространены в литературной среде того времени, свидетельствует и сохранившаяся строка самого Кинны, приветствующая выход поэмы Публия Валерия Катона [см. прим. к №55 (LVI)]:

Saecula permaneat nostri Dictynna Catonis!
Нашего переживет века «Диктинна» Катона!

Эта строка перекликается с последней строкой катулловского посвящения [см. № 1 (I)]. Некоторые издатели и комментаторы неосновательно считали две последние строки этой эпиграммы самостоятельным стихотворением.

Сатрах — река на Кипре.

Падуа — один из притоков реки Пад (ныне — По).

Антимах — древнегреческий поэт-эпик [V – IV вв. до Р. Х.], родом из Колофона, автор огромной поэмы «Фиваида», многословие которой бранили Каллимах и поэты его круга.

97 (XCVI). На смерть своей молодой жены *Квинтили* Ликиний *Кальв* [см. прим. к № 52 (LIII)] написал скорбную элегию, от которой сохранился отрывок, перекликающийся с этим стихотворением Катулла:

Forsitan hoc etiam gaudeat ipsa cinis...

Этому даже и сам прах ее, может быть, рад...

98 (XCVII). Вонючие в Античности часто становились предметом для эпиграмм. Об *Эмили* ничего не известно.

...а не послать ли его на мукомольню к ослам? — Так наказывали провинившихся рабов.

99 (XCVIII). О *Виктии* ничего не известно.

100 (XCIX). Пародия на оправдательную речь; перекликается с № 47 (XLVIII). О *Ювентии* см. прим. к № 23 (XXIV).

...ко кресту... был пригвожден... — Распятие на кресте в Риме применялось не только для казни, но и для пыток. Само понятие «душевных мук» у римлян этимологически было связано с телесными («крестными») муками.

101 (C). О М. *Келии* Руфе см. прим. к №57 (LVIII); о *Квинтии* см. прим. к №83 (LXXXII). Гетера *Ауфиллена*, к которой Катулл обращается в № 111 (CX) и 112 (CXI), а также *Ауфиллен*, ее брат, — лица неизвестные.

102 (CI). Эпитафия брату, погибшему при неизвестных обстоятельствах и погребенному близ Трои. Катулл посетил могилу брата во время вифинской поездки [см. прим. к № 11 (X)]. Темой гибели брата стихотворение связано с №65 (LXV) и 68 (LXVIII). Существует небезосновательное предположение о связи между сюжетом поэмы об Аттисе [см. №63 (LXIII)] и обстоятельствами смерти брата Катулла.

...погребальный обряд... — Обряд включал в себя обязательное оплакивание родственниками могилы умершего, возлияние вина и меда.

...прости и прощай! — Ритуальное надгробное восклицание.

103 (CII). О *Корнелии* Непоте см. прим. к № 1 (I).

Гарнократ — см. прим. к № 74 (LXXIV).

104 (CIII). О своднике *Силоне* ничего не известно. Сумма в 10 000 сестерциев, которую просит вернуть Катулл, гиперболизирована.

105 (CIV). Перекликается с №83 (LXXXII) и 93 (XCII). О *Таппоне* ничего не известно; считается, что это персонаж фольклорных римских комедий.

Моя жизнь — Лесбия [ср. с № 108 (CVII)].

106 (CV). О *Хрене* см. прим к №95 (XCIV).

Пи(м)плейская гора, расположенная в Пиерии севернее Олимпа, была посвящена *музам*.

...поганой метлой. — В оригинале: *вилами* (фразеологизм).

107 (CVI).

Зывала — сутенер, который оглашал цену, осуществлял сделку и получал деньги.

108 (CVII).

...*знак цвета белейшего дня!* — Намек на обычай отмечать хорошие дни белыми камешками, а неудачные — черными; схожий образ в № 68 (LXVIII).

109 (CVIII). Публий *Коминий* (P. *Cominius*) [ум. 46 г. до Р. Х.] — судебный обвинитель, друг М. Туллия Кикерона. Животные, которыми должно быть терзаемо тело Коминия, считались у римлян нечистыми.

110 (CIX).

...*нерасторжимым священной / дружбы договор...* — Обыкновенное у Катутла (как, впрочем, и у других римских поэтов) использование деловой и юридической лексики при разговоре о любви.

111 (CX). О гетере *Ауфиллене* см. прим. к № 101 (C). Ср. с № 112 (CXI). Римлянами признавались официальные сожительницы (*благие подружки*), когда мужчина по каким-либо причинам не мог жениться. Рассчитывались с ними не деньгами, как с проститутками, а дорогостоящими дарами.

112 (CXI). Об *Ауфиллене* см. прим. к № 101 (C). Ср. с № 111 (CX). Женщины, лишь единожды выходявшие замуж (единомужницы), считались добродетельными и благочестивыми.

113 (CXII). Эпиграмма построена на труднопереводимой игре разными значениями слова *multus* (крупный, чрезмерный, многократный; в сочетании с *homo* — назойливый) и *descendere* (сходить, сходствовать, сходиться). О *Насоне* ничего не известно.

114 (CXIII). О *Кинне* см. прим. к № 96 (XCV); о *Мекилии* ничего неизвестно. Гней *Помпей* (Gn. *Pompeius Magnus*) [106 – 35 гг. до Р. Х.], известный римский политик и полководец, впервые был консулом в 70 г., во второй раз — в 55 г.

115 (CXIV). Образует пару с № 116 (CXV). О *Хрене* см. прим. к № 95 (XCIV), поместье которого располагалось близ городка Фирм в Пицене на побережье Адриатического моря.

116 (CXV). Образует пару с № 115 (CXIV). О *Хрене* см. прим. к № 95 (XCIV).

...тридцатью десятинами луга, / пашни — сорока... — В оригинале мерой площади является *югер* (*iugerum*), приблизительно $\frac{1}{4}$ гектара; *десятина* — чуть больше 1 гектара.

Крез — лидийский царь [VI в. до Р. Х.], знаменитый своим непомерным богатством.

Гипербореи — мифический народ, в блаженном покое и безмятежности живущий на Крайнем Севере.

Океан — см. прим. к № 61 (LXI).

117 (CXVI). Ср. с № 65 (LXV). О *Геллии* см. прим. к № 74 (LXXIV).

Баттиад — Каллимах [см. прим. к №8 (VII)], переводными стихами которого Катулл собирается защищаться от нападок Геллия.

FRAGMENTA ОТРЫВКИ

Из стихотворений, не вошедших в «Книгу Катулла Веронского», сохранились лишь четыре разрозненных отрывка.

118 (Fr. I). Отрывок является, скорее всего, законченной посвячительной надписью; его приводит латинский грамматик Терентриан Мавр (Terentianus Maurus) [III в. по Р. X.] в своей дидактической поэме «О метрах» ('*De metris*', v. 2754 – 2755) как образчик *приапейского* стиха. Французский издатель М. А. Мюре в 1554 г. включил его в «Книги Катулла Веронского» под № XVIII. *Приан* (*Priapus*) — бог плодородия и похоти, хранитель садов и огородов от воров и вредителей, оснащенный огромного размера фаллосом; из *Лампсака* и *Приапы*, небольших греческих городов на малоазийском побережье пролива *Геллеспонт*, основанных выходцами из Милета, культ Приапа (после походов Александра Македонского) широко распространился по всей Элладе, а затем был перенят и римлянами. Вероятно, Катулл действительно посетил эти города во время своей поездки в Вифинию [см. прим. к. №5 (IV) и 11 (X)] и посвятил Приапу роцу.

119 (Fr. II). Отрывок воспроизводит латинский грамматик Ноний Меркелл (Nonius Marcellus) [IV в. по Р. X.] в сохранившемся лексикологическом трактате «О сжатом учении» ('*De compendiosa doctrina*', p. 134 M) в качестве примера употребления редкого глагола *ligurrire* (лакомиться).

120 (Fr. III). Отрывок цитирует в комментарии к 24-й строке оды I, 16 Квинта Горация Флакка филолог Помпоний Порфирион (Pomponius Porphirio) [III в. по Р. Х.]. О *ямбах* см. прим. к № 39 (XL).

121 (Fr. IV). Отрывок (вероятно, из несохранившегося эпиллия) дает Ноний Меркелл [см. прим. к № 119 (Fr. II)] ('De compendiosa doctrina', p. 546), объясняя значение слова *carthesia* (навершия).

ПРИЛОЖЕНИЕ

МЕТРИКА КАТУЛЛА И ПРИНЦИПЫ ЕЕ ПЕРЕДАЧИ

Все стихотворные размеры, используемые Катуллом, являются латинскими копиями древнегреческих метров. Некоторые из них (II и IX) имели до Катуллы полторавековую историю бытования и развития на римской почве, некоторые (V, VII, VIII и XI) были пересажены впервые.

Древнегреческое стихосложение, приспособленное к латинской просодии, называется количественным (квантитативным) и основывается на упорядоченном чередовании в стихе долгих и кратких слогов, причем за метрическую единицу могут приниматься как сам стих, сложный по составу и неделимый на стопы (например, *гендекасиллаб* или *малый сапфический стих*), так и отдельная стопа, имеющая устойчивое сильное место (долгий слог) и подвижное слабое место; в этом случае стих представляет собой повторяющееся сочетание стоп, равных по времени, необходимому для их произнесения.

Краткий слог в стопе условно принимается за единицу времени (одну мору), долгий — обычно за две единицы (две моры), что позволяет производить количественные замены

двух кратких слогов одним долгим, и — реже — наоборот (VI и XI).

Иногда стопы образуют последовательные пары — диподии, как в *ямбическом триметре* и *ямбическом тетраметре*. Последний слог в стихе, а также некоторые позиционно слабые слоги внутри стиха (кроме *гексаметра* и *пентаметра*) могут быть равноправно как долгими, так и краткими. Иногда стихи одного размера, сочетаясь со стихами другого, организовываются в строфы (V и VI).

Латинский язык отличается от древнегреческого бóльшим количеством долгих слогов, нежели кратких, поэтому написание латинского стихотворения *галлиямбом*, требовало немалого искусства. Односложные слова в зависимости от положения могли играть роль долгих или кратких.

Помимо долгот и краткостей, ритмическое разнообразие латинским стихам придавали тонические ударения на втором или третьем слоге от конца слова, поэтому ритмически одинаковых строк, соседствующих друг с другом, у Катулла практически нет.

Для интересующихся тонкостями античного стихосложения будут небесполезны следующие книги, существующие на русском языке: *Я. Денисов*. Основания метрики у древних греков и римлян. М., 1888; *М. Л. Гаспаров*. Очерк истории европейского стиха. М., 1989; то же, 2-е издание. М., 2003; *Б. Снелль*. Греческая метрика. М.: Греко-латинский кабинет, 1999.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

∪ – краткий слог.

— – долгий слог.

× – безразличный, или «двоимый», слог, могущий быть как долог, так и краток.

∪∪ – два кратких слога, замещаемые одним долгим.

| – преодолимая граница стихового периода, не исключаяющая перенос части слова в следующий период; краткая пауза.

|| – непреодолимая граница стихового периода, исключаяющая перенос части слова в следующий период; долгая пауза.

I. *Гендекасиллаб* (*hendecasyllabus* — «одиннадцатисложник»), или *фалекий* (*phalaecius*) [№ 1 (I) — 4 (III), 6 (V) — 8 (VII), 10 (IX) — 11 (X), 13 (XII) — 18 (XVI), 20 (XXI), 22 (XXIII) — 23 (XXIV), 25 (XXVI) — 27 (XXVIII), 31 (XXXII) — 32 (XXXIII), 34 (XXXV) — 35 (XXXVI), 37 (XXXVIII), 39 (XL) — 42 (XLIII), 44 (XLV) — 49 (L), 52 (LIII) — 58 (LVIIIb), 120 (Fr. III)].

××—∪∪—∪—∪—×||

Si qui forte mearum ineptiarum
lectores eritis manusque vestras
non horrebitis admovere nobis...

В стихотворениях № 54 (LV) и 58 (LVIIIb) употреблен в стяженной форме:

— — — — — ∪ — ∪ — × ||

te [in] Campo quaesivimus Minore,
te in Circo, te in omnibus libellis,
te in templo summi Iovis sacrato.

II. *Ямбический триметр (iambicus trimeter)*, или *сенарий (senarius)* [№ 5 (IV), 28 (XXIX), 51 (LII)].

× — ∪ — × — ∪ — × — ∪ × ||

Quid est, Catulle? quid moraris emori?
sella in curuli struma Nonius sedet,
per consulatum peierat Vatinius:
quid est, Catulle? quid moraris emori?

III. *Холиямб (choliambus — «хромой ямб»)*, или *скадзон (scazon)* [№ 9 (VIII), 21 (XXII), 30 (XXXI), 36 (XXXVII), 38 (XXXIX), 43 (XLIV), 59 (LIX) и 60 (LX)].

× — ∪ — × — ∪ — × — — × ||

Salve, o venusta Sirmio, atque ero gaude
gaudente, vosque, o Lydiae lacus undae,
ridete quidquid est domi cachinnorum.

IV. *Ямбический тетраметр (iambicus tetrameter)* [№ 24 (XXV)].

× — ∪ — × — ∪ — | × — ∪ — × — × ||

Quae nunc tuis ab unguibus reglutina et remitte,
ne laneum latusculum manusque mollicellas
inusta turpiter tibi flagella conscribillent,
et insolenter aestues, velut minuta magno
depressa navis in mari, vesaniente vento.

V. *Сапфическая строфа (sapphicum systema)* [№ 12 (XI), 50 (LI)],
образованная последовательным сочетанием трех одиннадцати-
сложных *малых сапфических стихов (sapphicus versus minor)*:

— x — x — ∪ ∪ — ∪ — x |

и одного *адофия (adonius versus)*:

— ∪ ∪ — x ||

Получила свое название по имени Сапфы, большинство
лирических стихотворений которой написано этой строфой.
Впервые в латинскую поэзию перенесена Катуллом.

Otium, Catulle, tibi molestum est:
otio exsultas nimiumque gestis:
otium et reges prius et beatas
perdidit urbes.

VI. *Гликоническая строфа (glyconicum systema)* [№ 33 (XXXIV),
61 (LXI)], образованная последовательным сочетанием трех (в
первом) или четырех (во втором) *гликонеев (glyconeus versus)*:

xx—uu—ux|

с одним *ферекратеем* (*pherecratius versus*):

xx—uu—x||

В стихотворении № 61 (LXI) последний встречается и в стяженной форме:

xx———x||

Применялась в обрядовых песнях.

Sis quocumque tibi placet
sancta nomine, Romulique,
antique ut solita es, bona
sospites ope gentem.

VII. *Приапейский стих* (*priapeus versus*) [№ 19 (XVII), 118 (Fr. I), 119 (Fr. II)], простейший вид *гликонической строфы* (см. выше), образованный последовательным сочетанием в пределах одной строки двух стихотворных метров: *гликонея* и *ферекратея*. Использовался в обрядовых песнях, связанных с культом Приапа. Впервые в латинской поэзии встречается у Катулла.

xx—uu—ux|xx—uu—x||

Nunc eum volo de tuo ponte mittere pronum,
 si pote stolidum repente excitare veternum,
 et supinum animum in gravi derelinquere caeno,
 ferream ut soleam tenaci in voragine mula.

VIII. *Большой асклеиадов стих (asclepiadeus maior versus)* [№ 29 (XXX)]. Редкий метр, впервые в латинской поэзии употребленный Катуллом, позаимствовавшим его у Феокрита.

××—○○— —○○— —○○—○○×||

Idem nunc retrahis te ac tua dicta omnia factaque
 ventos irrita ferre ac nebulas aereas sinis.

IX. *Дактилический гексаметр (dactylicus hexameter)* [№ 62 (LXII), 64 (LXIV), 121 (Fr. IV)], древнейший стихотворный метр, употреблявшийся в основном в эпических поэмах, в идиллиях и в эпиграмматических, в латинскую поэзию перенесен Квинтом Эннием [239–169 г.г. до Р.Х.]. У Катуллы размер отличается обилием спондеев (долгих слогов на месте двух кратких), даже в пятой стопе, а также довольно часто смещаемой с третьего позиционно долгого слога на четвертый цезурой, что делает его весьма гибким и разнообразным, и встречается в двух основных разновидностях:

—UU—UU—|UU—UU—UU—×||

—UU—UU—UU—|UU—UU—×||

Vesper adest, iuvenes, consurgite! Vesper Olympo
 exspectata diu vix tandem lumina tollit.
 surgere iam tempus, iam pinguis linquere mensas,
 iam veniet virgo, iam dicetur hymenaeus.

Hymen o Hymenaeae, Hymen ades o Hymenaeae!

X. *Элегический дистих (elegus distichus)*, первый стих которого — *дактилический гексаметр* (см. выше), второй — *пентаметр (pentameter)* [№ 65 (LXV) — 117 (CXVI)], древний стихотворный метр, традиционно употреблявшийся для написания элегий и эпиграмм. Схема *пентаметра*:

— $\overline{\cup\cup}$ — $\overline{\cup\cup}$ — || — $\cup\cup$ — $\cup\cup$ — ||

Odi et amo. – quare id faciam, fortasse requiris?
 nescio, sed fieri sentio et excrucior.

XI. *Галлиямб (galliambus)* [№ 63 (LXIII)]. Сложный (из-за обилия кратких слогов) «экстатический» метр, которым были сложены обрядовые песнопения галлов, жрецов Кибелы. От древнегреческих и латинских галлиямбов, не считая Катулловых, сохранилось только несколько разрозненных строк.

$\overline{\cup\cup}$ — $\cup\overline{\cup\cup\cup}$ — — | $\overline{\cup\cup}$ — $\cup\overline{\cup\cup}$ $\cup\cup$ × ||

Dea, magna dea, Cybele, dea domina Dindymi,
 procul a mea tuos sit furor omnis, era, domo:
 alios age incitatos, alios age rapidos.

Ни на одном из современных европейских языков адекватная передача количественной метрики практически невозможна¹, поскольку ни один из них не удовлетворяет всем трем необходимым для этого условиям, а именно: количественное соотношение в языке долгих и кратких слогов — хотя бы один к двум; средняя длина слова как минимум в три — три с половиной слога; наличие в каждом слове одного отчетливого ударения.

В русском языке средняя длина слова, имеющего одно ударение, соответствует длине слова латинского, но нет главного — долгот и краткостей. Попытку применить систему количественного стихосложения к церковнославянскому языку предпринял Мелетий Смотрицкий (1619), попытку смелую и даже имевшую анонимных последователей, но не основанную на свойствах языка². М. В. Ломоносов (1739) и В. К. Третьяковский (1755) подвергли ее справедливой критике.

¹ Теоретически только на литовском языке могли бы писаться количественные стихи, однако ничего неизвестно о каких-либо попытках воспроизведения на нем античной метрики.

² Интересны опыты передачи античных метров средствами русской силлабики. Многие стихотворения Симеона Полоцкого написаны сапфическими строфами, например «Жен близость (4)» из «Вертограда многоцветного» (1678):

Хотяй чистоту свою сохранить
должен есть с полом противным не жити,
сожитие бо похоть возбуждает,
девства лишает.

Антиох Кантемир в «Письме Харитона Макентина к приятелю о сложении стихов русских» (1742) дал силлабический эквивалент «эндекасиллаба катуллианского»:

В свою очередь, они предложили тонические эквиваленты античных метров и систем, поддержанные теоретическими работами («Письмо о правилах русского стихотворства» М.В. Ломоносова, «О древнем, среднем и новом стихотворении русском» и «Предызъяснение об ироической пииме» В.К. Третьяковского, «Памятник дактилохореическому витязю» А.Н. Радищева, «Опыт о русском стихосложении» А.Х. Востокова) и поэтической практикой самих теоретиков, а также А.П. Сумарокова, А.Ф. Мерзлякова, Н.И. Гнедича и ряда других поэтов конца XVIII — начала XIX века.

Суть их деятельности сводится к следующему: долгим слогам античного стихосложения условно соответствуют ударные слоги русского, кратким — безударные, при этом односложные слова могут находиться как в сильном, так и в слабом положении, а любой ударный слог, кроме предшествующего границе стихового периода, может быть беспрепятственно заменен безударным, дабы сохранялись подвижность и разнообразие стиха.

Поэтическая практика и переводческая деятельность (со второй половины XIX века и по сей день) эти принципы искажила (за редкими исключениями), а русские стихи, имитирующие античные, стали однообразно-механическими. Возможны два способа решения этой проблемы: либо необходимо полностью пренебречь формальными признаками стиха и, отбросив все

Кому дам новую книжку, исправно
Многим очищенну трудом недавно?
Книжку забавную тебе дам, другу,
Никито, ты мои стишки с досугу
Охотно преж сего чел, признавая,
Что в шутках кроется польза какая.

поэтические условности, переводить прозой сухой остаток мыслей и образов, как это делают французы и англичане, либо, используя и совершенствуя опыт старых поэтов и теоретиков, стремиться к противоположному, т.е. к воссозданию поэтического целого, хотя и с определенными потерями. Последний — представляется наиболее осмысленным и благодатным.

УДК 821.124-1

ББК 84(0)3-5

К29

ISBN 978-5-7516-0907-8

© «Текст», издание на русском и латинском языках, 2010

Гай Валерий Катулл
СТИХОТВОРЕНИЯ

G. Valerii Catulli
CARMINA

*В оформлении использована картина
Л. Альма-Тадемы
«Сапфо и Алкей»*

Художник А. П. Иващенко

*Редактор К. Ф. Ключников
Технический редактор В. Ф. Нефедова
Корректор Н.М. Пуцина*

Катулл Гай Валерий

К 29 Стихотворения / Гай Валерий Катулл; Пер. с лат., состав., предисл. и примеч. М. Амелина — На лат. и русск. яз. — М., Текст, 2010. — 445[3] с.

ISBN 978-5-7516-0907-8

Эта книга — полное собрание дошедших до нас сочинений Гая Валерия Катулла (ок. 87 до н.э. — ок. 54 до н.э.), одного из наиболее выдающихся римских лирических поэтов, современника таких исторических фигур, как Цезарь, Цицерон, Красс и Помпей. Катулл в своих произведениях первым описал любовь как абстрактное переживание, а не физическое влечение к определенному индивидууму, задумался над парадоксами своих чувств, что отразилось в формуле «*Odi et amo*» («ненавижда, люблю»), наверное самой знаменитой его строчки.

Стихотворения даются в новом переводе Максима Амелина.

УДК 821.124-1

ББК 84(0)3-5

Подписано в печать 30.06.10. Формат 70 x 108/32

Усл. печ. л. 19,6. Уч.-изд. л. 11,68.

Тираж 3000 экз. Изд. № 936.

Заказ № 2900.

Издательство «Текст»

127299, Москва, ул. Космонавта Волкова, д. 7

Тел./факс: (495) 150-04-82

E-mail: text@textpubl.ru; <http://www.textpubl.ru>

Представитель в Санкт-Петербурге: (812) 311-96-31

Отпечатано в ОАО

«Можайский полиграфический комбинат»

143200, Можайск, ул. Мира, 93

Сайт: www.oaompk.ru тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685